

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

2025. Т. 47, № 5

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)**

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2025. Т. 47, № 5

Главный редактор

Е. С. Сенявская, доктор исторических наук, профессор
Институт российской истории РАН
(Москва, Российская Федерация)

Зам. главного редактора

А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrso.ru

Редакционный совет

- Е. В. АНИСИМОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)
- В. Н. БАРЫШНИКОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- Ю. А. ВАСИЛЬЕВ**
д. и. н., профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)
- М. А. ВИТУХНОВСКАЯ**
д. философии, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)
- В. Н. ЗАХАРОВ**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет; Почетный президент Международного общества Достоевского (IDS) (Москва, Россия)
- С. Т. ЗОЛЯН**
д. ф. н., профессор, Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)
- Ю. ИНОУЭ**
к. ф. н., профессор, Университет Дзэти (Токио, Япония)
- И. И. МУЛЛОНЕН**
д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- С. А. МЫЗНИКОВ**
д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)
- В. А. ПЛУНГЯН**
д. ф. н., профессор, академик РАН, Институт русского языка имени В. В. Виноградова (Москва, Россия)
- К. СКВАРСКА**
д. философии, Славянский институт Академии наук Чешской Республики (Прага, Чехия)
- Н. А. ФАТЕЕВА**
д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)
- М. А. ЧЕРНЯК**
д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

- А. В. АНТОЩЕНКО**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- М. А. БОБУНОВА**
д. ф. н., профессор, Курский государственный университет (Курск, Россия)
- С. Г. ВЕРИГИН**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- В. И. ГОЛДИН**
д. и. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)
- Т. А. ГРИДИНА**
д. ф. н., профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)
- Р. ГРЮНТХАЛЬ**
д. философии, профессор, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)
- Н. В. ДРАННИКОВА**
д. ф. н., профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия)
- П. М. ЗАЙКОВ**
д. ф. н., профессор, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)
- С. Г. КАЩЕНКО**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- Д. В. КОБЛЕНКОВА**
д. ф. н., профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва, Россия)
- С. И. КОЧКУРКИНА**
д. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО**
к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- Ю. В. КРИВОШЕЕВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- П. А. КРОТОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- А. Е. КУНИЛЬСКИЙ**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- Е. И. ЛЕЛИС**
д. ф. н., профессор, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)
- О. В. НИКИТИН**
д. ф. н., профессор, Государственный университет просвещения (Мытищи, Россия)
- Н. В. ПАТРОЕВА**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- А. М. ПАШКОВ**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- А. А. ПОПОВ**
д. и. н., профессор, Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)
- И. А. РАЗУМОВА**
д. и. н., профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)
- М. Ф. РУМЯНЦЕВА**
к. и. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)
- В. И. СУПРУН**
д. ф. н., профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)
- Л. Л. ШЕСТАКОВА**
д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)
- Ю. Г. ШИКАЛОВ**
д. философии, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2025. Vol. 47, No 5

Editor-in-Chief

Elena S. Senyavskaya, Doctor of Sciences in History, Professor
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Alexander V. Pigin, Doctor of Sciences in Philology, Professor
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Sciences in Philology
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Editorial office address
Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
+7 (8142) 769711
E-mail: uchzap@mail.ru

Website: uchzap.petsu.ru

© Petrozavodsk State University, 2025

Editorial Board

- E. ANISIMOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg Institute of History of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. BARISHNIKOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- YU. VASIL'EV**
Doctor of History, Professor, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia)
- M. VITUKHNOVSKAYA**
Doctor of Philosophy, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- V. ZAKHAROV**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University, President of the International Dostoevsky Society (Moscow, Russia)
- S. ZOLYAN**
Doctor of Philology, Professor, National Academy of Sciences of Armenia (Yerevan, Armenia)
- Y. INOUE**
PhD in Philology, Jochi University (Tokyo, Japan)
- I. MULLONEN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- S. MIZNIKOV**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Institute of Linguistic Studies of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. PLUNGIAN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Academician, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- K. SKWARSKA**
Doctor of Philosophy, Slavonic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (Prague, Czech Republic)
- N. FATEEVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- M. CHERNYAK**
Doctor of Philology, Professor, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Editorial Council

- A. ANTOSHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- M. BOBUNOVA**
Doctor of Philology, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)
- S. VERIGIN**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- V. GOLDIN**
Doctor of History, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- T. GRIDINA**
Doctor of Philology, Professor, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
- R. GRYÜNTAL**
Doctor of Philosophy, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- N. DRANNIKOVA**
Doctor of Philology, Professor, European University at St. Petersburg (St. Petersburg, Russia)
- P. ZAYKOV**
Doctor of Philology, Professor, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)
- S. KASHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- D. KOBLENKOVA**
Doctor of Philology, Professor, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov (Moscow, Russia)
- S. KOCHKURKINA**
Doctor of History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- A. KRIVONozHENKO**
PhD in History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- YU. KRIVOSHEEV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- P. KROTOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- A. KUNIL'SKIY**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- E. LELIS**
Doctor of Philology, Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)
- O. NIKITIN**
Doctor of Philology, Professor, Federal State University of Education (Mytishchi, Russia)
- N. PATROEVA**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. PASHKOV**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. POPOV**
Doctor of History, Professor, Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)
- I. RAZUMOVA**
Doctor of History, Professor, Kola Science Centre of RAS (Apatity, Russia)
- M. RUMYANTSEVA**
PhD in History, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)
- V. SUPRUN**
Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)
- L. SHESTAKOVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- YU. SHIKALOV**
Doctor of Philosophy, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7	<i>Головачева Е. А.</i> Концептуальное поле романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в немецких переводах (уровень хронотопа)	61
РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ		ФОЛЬКЛОРИСТИКА	
<i>Никитин О. В.</i> Языковая личность академика В. М. Алпатова: к 80-летию со дня рождения	8	<i>Харькова С. Ю.</i> Христианские хрононимы в былинах: вечерня и заутреня	70
<i>Приемышева М. Н., Эзериня С. А.</i> Шахматовское наследие в современной академической лексикографии (о проекте «Словаря новых слов начала XX века»)	15	РАЗНОАСПЕКТНЫЙ АНАЛИЗ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ РОССИИ	
<i>Ковалев А. Е.</i> Лексика системы родства в русском фольклоре (на материале курских народных сказок)	21	<i>Бочина Т. Г.</i> Внутривидовая валентность бытийных ценностей в русской паремике	77
<i>Реинер А. И.</i> Синтаксическая полифункциональность устойчивых предложно-падежных сочетаний в русском языке XVI–XVII веков	28	<i>Иванищева О. Н.</i> Пословицы кильдинского саамского языка: к вопросу о толковании значения паремий	82
ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА		<i>Иванов Е. Е.</i> Пословицы с номологической семантикой в карельском языке	89
<i>Сафина Л. М.</i> Передача обсценизмов повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» в английских и французских переводах	36	<i>Королькова А. В., Новикова Т. С.</i> Субстандартная паремиология в художественном тексте	98
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ		<i>Селиверстова Е. И., Чжао И</i> Пословичная реализация представлений о времени в аспекте соответствия и несоответствия	104
<i>Лойтер С. М.</i> Всегдашнее возвращение в Швамбраню: к 120-летию Льва Кассиля	43	<i>Бредис М. А.</i> Представления о бережливости в финно-угорских пословицах на паремиологическом фоне ряда разноструктурных языков	111
<i>Орлова Д. С., Елепова М. Ю.</i> Образ отца в романе-идиллии А. П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени»: повествовательные стратегии	55	<i>Нелюбова Н. Ю.</i> Типы лингвоаксиологических маркеров и их отражение в паремиологическом фонде разноструктурных языков	116
		Contents	124

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» является продолжением журнала 1947–1975 гг.

Журнал перерегистрирован в Перечне рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным отраслям «Исторические науки» (с 20.12.2022 года) и «Филологические науки» (с 21.02.2023 года)

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

Журнал включен в единый реестр научных изданий и публикаций стран Северной Европы «The Nordic List» с 2020 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Ю. С. Марковой

Дата выхода в свет 30.06.2025. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 45 экз.). Изд. № 60

16+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487

от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ЧЛЕН РЕДАКЦИОННОЙ
КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА**

Доктор филологических наук,
профессор,
Государственный университет
просвещения
О. В. Никитин

Oleg V. Nikitin,
Editorial Council Member,
Dr. Sc. (Philology), Professor,
Federal State University
of Education

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ НАШЕГО ЖУРНАЛА!

Содержание анонсируемого номера отражает результаты научной работы представителей разных школ и направлений филологических исследований в традиционных областях науки (история русского языка, лексикография, лексикология, синтаксис, фольклористика), а также освещает новый взгляд на эволюционные процессы языка, словесной культуры, художественного текста в сравнительно-сопоставительном отношении.

Юбилею академика В. М. Алпатова, не раз участвовавшего в научных мероприятиях ПетрГУ, посвящена статья О. В. Никитина (Москва). Актуальной представляется работа о проекте «Словаря новых слов начала XX века» (М. Н. Приемышева, С. А. Эзериня, Санкт-Петербург). На материале курских сказок описывается группа лексики системы родства в русском фольклоре (А. Е. Ковалев, Курск); рассматриваются синтаксические свойства устойчивых предложно-падежных сочетаний в русском языке XVI–XVII веков (А. И. Рейнер, Санкт-Петербург). Передача обцензизмов повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» в английских и французских переводах изучается в статье Л. М. Сафиной (Томск).

Раздел «Русская литература и литературы народов Российской Федерации» открывается статьей, анализирующей импровизационную символическую игру в повести «Кондуит и Швамбрания» Л. А. Касиля (С. М. Лойтер, Петрозаводск). Образ отца с точки зрения повествовательных стратегий рассматривается в романе-идиллии А. П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» (Д. С. Орлова, М. Ю. Елепова, Архангельск). Концептуальное поле романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в немецких переводах на уровне хронотопа исследуется в статье Е. А. Головачевой (Томск). Раздел «Фольклористика» представлен статьей «Христианские хрононимы в былинах: вечерня и заутреня» (С. Ю. Харьковская, Санкт-Петербург).

Отдельная рубрика номера «Разноаспектный анализ паремиологических единиц языков народов России» подготовлена научным руководителем профессором Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы О. В. Ломакиной. В нее вошло семь статей исследователей Т. Г. Бочиной (Казань), О. Н. Иванищевой (Мурманск), Е. Е. Ивановой (Могилев), А. В. Корольковой, Т. С. Новиковой (Москва, Смоленск), Е. И. Селиверстовой, И Чжао (Санкт-Петербург), М. А. Бредис (Москва), Н. Ю. Нелюбовой (Москва). Статьи представляют разноаспектный анализ фразеосистем, выполненный преимущественно в типологическом русле.

ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ НИКИТИН

доктор филологических наук, профессор кафедры славистики, общего языкознания и культуры коммуникации Государственный университет просвещения (Москва, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-2815-6691; olnikitin@yandex.ru

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ АКАДЕМИКА В. М. АЛПАТОВА: К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

А н н о т а ц и я . На основе представленных фактов показано, в какой атмосфере происходило формирование взглядов крупнейшего отечественного востоковеда и лингвиста академика Владимира Михайловича Алпатова. Отмечаются свойства его научной методологии, основные профессиональные интересы и черты индивидуально-авторской манеры научного стиля, энциклопедичность В. М. Алпатова, что отличает его от поколения исследователей XXI века. Обращается внимание на повышенный интерес ученого к сложным проблемам историографии лингвистики, и особенно к персоналиям языковедов и ориенталистов. Указывается, что он одним из первых исследовал марризм и «Дело славистов» в контексте трагических событий советской науки 1930-х годов. Анализируется его автобиографическая книга «Жизнь лингвиста» (2023) с жанрово-стилистической точки зрения как особый научный текст. Подчеркиваются фактологичность, внимание к датам и событиям, живой интерес к достижениям в лингвистике, полемичность отдельных сюжетов. Приводятся личные воспоминания автора статьи об общении с ученым. Сделан вывод о специфике научной школы В. М. Алпатова и ее рецепции в филологическом воображении времени.

К л ю ч е в ы е с л о в а : В. М. Алпатов, языковая личность, научная школа, история языкознания, автобиографичность, лингвистические мемуары, стилистика текста

Д л я ц и т и р о в а н и я : Никитин О. В. Языковая личность академика В. М. Алпатова: к 80-летию со дня рождения // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 5. С. 8–14. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1194

ВВЕДЕНИЕ

Последние десятилетия проблема языковой личности изучается активно и вызывает большой интерес у профессиональной аудитории. Дело в том, что данный вопрос, если рассматривать его в ядре гуманитарного знания, выходит за границы собственно лингвистических исследований и вторгается в культурное пространство герменевтики, философии, социологии и психологии. Он как бы совмещает картины мира разных подсистем и позволяет изучать языковую личность не узко, с позиции коммуниканта, а металингвистически. Вспоминается высказывание Ю. Н. Караулова о том, что в личности «сходятся интересы всех наук о человеке» [10: 3]. В этом ключе могут совмещаться автор и герой [9], текст, его создатель и историко-культурная обстановка времени [14], исторический деятель и эпоха [11], а метатекст объединяться с текстом и т. д. Происходит своеобразный диалог культур, в котором действуют уже другие законы. Такой эксперимент мы про-

вели отчасти в наших беседах с крупнейшим отечественным типологом, востоковедом, теоретиком и историком языкознания академиком РАН Владимиром Михайловичем Алпатовым (род. в 1945 году) [12]. Анализу его научных идей посвящен лингвистический обзор [13]. В данной статье он предстанет перед читателями в необычном образе – одновременно и как языковед, и как герой-рассказчик, не лишенный художественного вдохновения и литературного обаяния.

В. М. Алпатов относится к той редкой когорте лингвистов, которая видит проблему широко, обладает, если так можно выразиться, философским осязанием мира и в этом отношении соответствует классическому пониманию самобытной языковой личности. Это

«та сквозная идея, которая, как показывает опыт ее анализа и описания, пронизывает и все аспекты изучения языка и одновременно разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека, поскольку нельзя изучать человека вне его языка» [10: 3].

Оценки, идеи, полемика, исторические экскурсы и просто живые наблюдения В. М. Алпатова над современной социокультурной ситуацией в языке иллюстрируют его иерархию ценностей, сложившуюся картину мира. В данной работе мы решили изучить портрет, опираясь на созданные автором тексты, и отметить наиболее характерные для ученого темы, имена и сюжеты, выделить из его биографии те эпизоды, которые, на наш взгляд, показывают В. М. Алпатова в филологическом воображении времени.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ЛИНГВИСТА

В. М. Алпатов немало работ посвятил анализу социолингвистической ситуации в стране. Эта область его интересов показывает, с одной стороны, неизученность данной проблемы, с другой – необходимость поиска решений для преодоления кризиса в этом вопросе. Показательна книга «150 языков и политика 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства» [4], которая рассказывает о том, как формировалась языковая политика начиная с царского времени и до конца XX века. Так, он пишет, что

«позиция большевиков отличалась... последовательной радикальностью: они отвергали австрийский вариант национально-культурной автономии и отстаивали право наций на самоопределение вплоть до отделения, которого И. А. Бодуэн де Куртенэ не допускал даже для родной Польши» [4: 36].

Интересны наблюдения В. М. Алпатова над тем, как складывалась новая языковая политика в 1920–1930-е годы. Вначале, как пишет автор, языковое строительство «шло в каждой из республик и автономий самостоятельно, на основе местных инициатив» [4: 48]. На первом этапе создавались новые алфавиты и литературные языки для народов СССР. Обсуждались также вопросы рациональности той или иной графической системы – «спорили о преимуществах и недостатках кириллицы, латиницы или реформированной арабицы» [4: 61]. А уже в 1930-е годы, когда вектор государственной политики изменился, «любили указывать на то, что в кириллице 33 буквы, а в латинице лишь 26» [4: 61–62]. Важно, что В. М. Алпатов подчеркивал и психологический момент в таком непростом вопросе, как выбор алфавита, а значит – ментально-коммуникативной системы, в недрах которой будет строиться новое общество. Главный вывод заключался в том, чтобы графическая система была «максимально простой и рациональной» [4: 63]. Другой аспект, который подметил ученый, связан с культурной ориентацией народов

на Восток или на Запад. Существовали на территории страны и такие необычные ареалы, где преобладала латиница, – у немцев Поволжья [4: 65]. В книге много и других интересных фактов, говорящих о том, какой непростой путь прошла наука в ее взаимодействии с властью, чтобы найти оптимальную на то время систему письменности. Эта работа ученого особенно важна в современную эпоху, когда даже на профессиональном уровне происходят дискуссии о научном знании, его истоках, гипотезах и псевдогипотезах (А. Т. Фоменко – А. А. Зализняк), часто уводящих общество в ирреальную сторону исследования и искажающих картину мира. Здесь В. М. Алпатов всегда занимает твердую позицию ученого-компаративиста, отстаивающего исторический подход к анализу языковых явлений.

В. М. Алпатов многие статьи и книги посвятил изучению репрессированных ученых. Знаменитое теперь «Дело славистов» [8], ставшее в 1990-х годах символом открытости науки, не устарело как лингвистический факт. Работы такого плана позволяют оценивать прошлое глазами самих ученых, многие из которых были воспитаны в традициях дореволюционной науки, а сами события происходили в эпоху языкового строительства, марровской «эйфории» и культурной революции. Можно согласиться с авторами книги, что «дело было одним из звеньев кампании против старой русской интеллигенции» [8: 3]. Эту страшную страницу в научной биографии страны открыли Ф. Д. Ашнин и В. М. Алпатов, по сути, совершив подвиг в обнародовании ранее закрытых документов. Судьбы репрессированных ученых показаны в русле событий того времени: не только анализируются факты, личные контакты, но и показываются характеры А. М. Селищева, Н. Н. Дурново, В. В. Виноградова. Можно сказать, что перед читателями открылась трагическая галерея психолингвистических портретов. Именно эта черта исследовательских трудов В. М. Алпатова особенно привлекает, поскольку позволяет проникнуть в «человековедческую» сторону науки.

На формирование языковой личности В. М. Алпатова повлияли больше всего родители и та среда, в которой он воспитывался. Это историки, филологи, скульпторы – московская интеллигенция 1950–1970-х годов:

«Видел я не так много известных людей, в основном историков, иногда филологов. Запомнились Б. Ф. Поршнев, Д. С. Лихачёв. Из деятелей искусства вспоминаю совсем немногих. В том числе это знаменитый хореограф К. Я. Голейзовский. Мать в юности занималась балетом и училась у него... Человек он был очень нестандартный» [12: 202].

Затем учеба в главном университете страны и знакомство с «филологией в лицах». Неожиданный поворот в сторону японского языка, который только начали преподавать в Отделении теоретической и прикладной лингвистики, перевернул биографию В. М. Алпатова, и после окончания МГУ он поступил в аспирантуру академического Института востоковедения и проработал там не один десяток лет. Его статьи и книги о японском языке и культуре стали вехой в биографии ученого и визитной карточкой отечественной науки [1], [5]. Эта область его историко-лингвистических интересов заслуживает более пристального рассмотрения в специальной статье. Но интерес к востоковедной проблематике не ограничивался у В. М. Алпатова только изучением Японии. Он многое сделал для воссоздания социолингвистической ситуации в СССР в 1920–1930-е годы, написал статьи о Е. Д. Поливанове и марризме [6].

М. А. Алпатов. 11 июля 1976 года. Подпись на обороте: «М. А. Алпатов. В день отъезда из Кисловодска во время пребывания в Решетовке. Фото А. Петренко». Фото из архива В. М. Алпатова

M. A. Alpatov. 11 July 1976. The note on the reverse side reads "M. A. Alpatov. On the day of departure from Kislovodsk during a stay in Reshetovka. Photo by A. Petrenko". Photo from the archive of V. M. Alpatov

Отдельная страница в биографии В. М. Алпатова связана с изучением персоналий лингвистов, историков и востоковедов. Его привлекают не только их достижения в науке, но и полемика того времени (Волошинов – Бахтин – Фердинанд де Соссюр; Марр – Поливанов; «Дело славистов» и др.), личные черты во многом трагических героев, противостоявших натиску марризма. Эти статьи и книги уже стали классическими [2], [7].

Для характеристики языковой личности важны не только научные труды, но и работы совсем другого плана, показывающие личность в движении мысли, идей – в рефлексии. Таким популярным источником в последние годы стала лингвомемуаристика, открывающая мир ученого сообщества как бы изнутри. Есть такой труд и у В. М. Алпатова – «Жизнь лингвиста: воспоминания»¹. Он примечателен тем, что показывает формирование Владимира Михайловича как ученого на разных этапах его биографии. Это прежде всего оценки имен и событий, которые повлияли на становление его лингвистического мировоззрения. Это и его семья: отец – известный историк и писатель, мать – крупный византист, жена – литературовед. В книге ученый выступил и в другом ключе: он неформально, без ссылок на источники и литературу, по-человечески рассказал свою биографию. Воспоминания В. М. Алпатова интересны как документальный жанр, где автор описывает историю семьи, годы учебы в МГУ и работу в Институте востоковедения, а также дает живые портреты его близких коллег – В. А. Звегинцева, С. А. Старостина, А. Н. Барулина и др. Заслуживает внимания рассказ ученого о дореволюционном быте семьи – история рода, в котором немало примечательного:

«Две старшие сестры (бабушки. – О. Н.) решились отправиться прямо в Сорбонну, где получили диплом преподавателя французского языка. В детстве я часто слышал рассказы Галины Дмитриевны о Париже, где она бывала в компаниях русских эмигрантов. Она дружила с революционером Сергеевым, вошедшим в историю как Артём, а в одном из шапочных знакомых впоследствии опознала Ленина и даже опубликовала об этой встрече воспоминания» (5–6).

В описании личной истории, особенно жизненных линий своих предков, В. М. Алпатов, всегда строгий и по-научному педантичный, проявляет черты самобытного писательского темперамента – его слог становится лиричным. Это отражает реальные картины событий в периоды больших переломов, когда биография причудливо пересекалась с переворотами в истории. Приведем еще один такой колоритный эпизод:

«Сравнивая бабушку с теми двумя её сёстрами, которых я хорошо знал, не могу сказать, что она была менее культурна. Помимо музыки, она много читала. <...> После свадьбы семья сначала жила в Царицыне, а в 1916 г. Владимир Амвросьевич купил у генерала Киреева дом и большой участок земли возле станции Минутка под Кисловодском... В 1918 г. там родилась вторая дочь (моя мать). ... в 1920-е гг. семья переехала в меньший дом в самом Кисловодске. Там жили за счёт сдачи комнат на лето интеллигентным курортникам, среди постояльцев были В. И. Качалов, В. В. Вересаев, Ю. Н. Тынянов, академик П. Н. Сакулин» (10).

В. М. Алпатов трогательно, с особым филологическим темпераментом рассказывает и о судьбе своего отца, которая могла измениться в любой момент, но ему повезло: он стал историком и писателем, сохранил природную индивидуальность, написал яркие повести и даже роман и смог реализовать себя в жизни. Для автора воспоминаний это «хождение по мукам» отца было, очевидно, очень важно для самовоспитания и становления языковой личности:

«Мальчик ещё недавно пас скот и готовился стать сапожником, а теперь учил немецкий и латынь, которую полюбил на всю жизнь (когда я стал студентом, он меня гонял по латинским склонениям и спряжениям). Ещё он учился играть на мандолине и всерьёз осваивал рисование (тогда и даже позже мечтал стать художником), играл в драмкружке, где ставили “Два брата” Лермонтова.

И, по-видимому, как раз тогда ему впервые захотелось стать историком. Решающую роль здесь сыграл директор гимназии и преподаватель истории Митрофан Петрович Богаевский, прозванный “донским златоустом” (он упоминается в “Тихом Доне”»)» (31).

Владимир Михайлович обладает безусловным прозаическим талантом и художественным чутьем: реалистично, красиво, без обилия эпитетов, но очень «кинематографично» он передает свою личную историю так, что она становится интересна остальным и надолго задерживается в памяти:

«...отец писал не только по историографии. Более тридцати лет в нём боролись историк и писатель. ... в 1948 г. ... он вдруг стал записывать вспомненную им речь казака во время празднования столетия войны 1812 г., которую он слышал в детстве. <...> Как и в области истории, начинающий писатель, которому было уже под пятьдесят, сразу поставил глобальную задачу: написать роман. Работа над ним шла около двадцати лет, время действия и название несколько раз менялись, итоговое название “Горели костры”, а временные рамки сократились до периода с 1902 до 1905 года» (45).

В воспоминаниях немало ярких, живых эпизодов: начало студенческой жизни; обстановка и люди филологического факультета МГУ в 1960-е годы, когда открылось новое Отделение теоретической и прикладной лингвистики, на котором учился В. М. Алпатов; лингвистические олимпиады [3] и многое другое. Автор рассказывает о молодых языковедах, только начинающих свою карьеру, но уже заявивших о себе как оригинальных исследователей: на факультативных курсах

«познакомился с двумя знаменитыми, тогда молодыми лингвистами А. А. Зализняком и А. Б. Долгопольским. <...> Глядя на Андрея Анатольевича, я всегда его немного побаивался, хотя он был вполне демократичен: чувствовал, что со слишком большой величиной имею дело. Но в 1982 г., готовясь к защите докторской

диссертации, я всё-таки рискнул обратиться к нему, и он стал моим оппонентом» (76–77).

Очень колоритны портреты лингвистов старшего поколения, которых знал будущий ученый еще со студенческой скамьи, – В. В. Виноградова, В. А. Звегинцева, П. С. Кузнецова, Т. П. Ломтева, Н. И. Жинкина и др. Автор воспоминаний не только подчеркивал профессиональные качества и их достоинства, но и рассказывал о забавных ситуациях, деликатно говорил об их слабостях, показывая своих кумиров с разных сторон. И здесь филологическое воображение В. М. Алпатова рисовало действительно неподражаемые портреты, сохранившие удивительный колорит личностей. Например, о П. С. Кузнецове он говорил с чувством личной симпатии, иронией и даже любовью, а Т. П. Ломтев, напротив, удивил студента своей безграмотностью:

«Кузнецов был живой историей советского языкознания <...>. От него мы узнали имена Е. Д. Поливанова, Н. Ф. Яковлева, Л. И. Жиркова, В. Н. Сидорова и других. Сам он с 20-х гг. активно участвовал в нашей лингвистической жизни, в схватках и дискуссиях. <...>. Непрактичный, мягкий и рассеянный в бытовой сфере (любил говорить, что дома гвозди забивает жена), чуждавшийся политики, он всегда был принципиален и боевит в важных для него научных вопросах. ... П. С. Кузнецова мы не всегда внимательно слушали, но, безусловно, уважали. Иначе было с Т. П. Ломтевым (1906–1972). Сам он был из “выдвиженцев” и при любви к теории до конца жизни не мог преодолеть пробелов в культуре, сохранившихся с крестьянского детства. Нас поразило, что профессор русского языка пишет с ошибками» (71–72).

Более подробно (этому посвящены отдельные главы) В. М. Алпатов рассказывает о своих коллегах – С. А. Старостине и А. Н. Барулине. Первого он назвал «потомственным полиглотом» и «выдающимся лингвистом широкого профиля» (188). В биографии С. А. Старостина В. М. Алпатов подмечает нетипичные черты, и в том числе интерес к редким языкам: «Особенно много учёный занимался изучением алтайских языков, включая японский» (191–192). В характеристике языковой личности С. А. Старостина он отмечает необычные свойства характера, показывает бытовое поведение, говорит о научной одержимости: он мог работать в любых условиях и был, можно сказать, фанатиком-идеалистом, искавшим не одну, а много истин в лингвистике. Эти слова Владимира Михайловича по-художественному красивы, лиричны и памятны как оценка жизненного пути друга, сделавшего за короткий срок очень много и оставившего значительный след в языкознании:

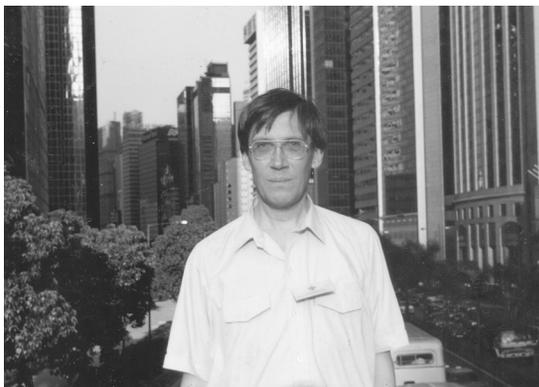
«Сам Сергей был неприветлив, легко переживал бытовые трудности. ... Старостин просто не мог не рабо-

тать. Мы не нашли айнов, но он тут же начал изучать язык нивхов, а затем и язык корейцев» (199).

Приведенные выше фрагменты из книги В. М. Алпатова «Жизнь лингвиста» впервые показывают нам ученого не просто как теоретика языкознания, востоковеда, социолингвиста, а открывают иную грань его таланта: перед нами В. М. Алпатов-мемуарист, сумевший совместить последовательный историзм в изложении событий с документальными картинками быта, учебы, диалогами и монологами, шутками – разными жизненными ситуациями, из которых и сложилась биография незаурядного ученого. Портрет его языковой личности без этих деталей был бы далеко не полным.

Известный литературовед Е. А. Стеценко, жена В. М. Алпатова, в книге своих воспоминаний нарисовала такой портрет супруга:

«Муж мой был во всех отношениях человек неординарный. ... самые главные люди в жизни, мама и муж, оказались людьми уникальной интеллигентности, благородства и доброты. Вова к тому же обладал незаурядными способностями и феноменальной памятью, был энциклопедически образован и невероятно трудолюбив – вся его жизнь была сосредоточена на науке. Однако в быту, который мало его интересовал, он проявлял полную беспомощность, и мне пришлось взять на себя все жизненные проблемы»².

В. М. Алпатов в научной командировке в Японии. Токио, 1985 г. Фото из архива В. М. Алпатова

V. M. Alpatov on a scientific mission to Japan. Tokyo, 1985. Photo from the archive of V. M. Alpatov

Мы осветили лишь немногие свойства языковой личности В. М. Алпатова, пролистав некоторые книги и обращая внимания на те сюжеты в его биографии, которые показывают портрет неординарного ученого. В научном наследии В. М. Алпатова удачно соединяются строгие лингвистические методы, внимание к деталям и фактам разных языков и живой интерес к судьбам ученых, их биографиям. В этом смысле В. М. Алпатов действительно создал энциклопедию филологии в лицах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Имя В. М. Алпатова уже давно стало символом лингвистики XX–XXI веков и стоит в одном ряду с П. С. Кузнецовым, Б. А. Серебренниковым, В. А. Звегинцевым, Ю. С. Степановым, А. А. Зализняком, Ю. Д. Апресяном, В. А. и Б. А. Успенскими, несмотря на разницу во взглядах, подходах и профессиональных интересах. Его жизнь почти целиком посвящена служению науке. В кругу коллег он занимает особое положение главного историографа лингвистики – пунктуального, внимательного к деталям, уважающего и знающего архивы, честного и беспристрастного в изложении неудобных фактов, увлеченного и ищущего истину.

Как личность Владимир Михайлович всегда имеет свой взгляд и не боится его высказывать, не ищет модных трендов и не гонится за этикетной славой. Выступает по существу и нередко в разрез с «общественным мнением». В отстраненности от быта, непрактичности, возможно, и заключается неповторимость личности, одержимой мыслью как историческим провидением. А оно, как известно, снисходит далеко не на каждого.

Больше всего меня поражает обаяние его ума. Он притягивает собеседника потрясающим знанием герменевтики, великолепными рассказами. В. М. Алпатов – Лингвист с большой буквы. Он беспрестанно трудится и личным примером вживляет в нас веру в духовную силу интеллектуального труда.

В. М. Алпатов раскрылся не только как языковед и историк, но и как оригинальный прозаик-мемуарист, из-под пера которого вышли весьма примечательные воспоминания «Жизнь лингвиста». Такой автобиографический поворот добавляет к языковой личности ученого новые черты, возможно, не проявившиеся в его научных трудах: здесь присутствуют писательская рефлексия, лиризм, элементы пейзажа и изобразительности. ... И вместе с тем даже такой популярный жанр демонстрирует действительно энциклопедическую память В. М. Алпатова. В своих воспоминаниях он одновременно и прозаик, и лингвист, и философ, и историк, и просто наблюдательный человек, подмечавший много интересных фактов, которые он интерпретировал по-своему, нетривиально и с высоким реалистичным писательским пафосом.

Время оценки В. М. Алпатова как лингвиста еще не пришло, но мы можем подступиться к этому вначале с другой стороны – набросать штрихи к портрету его языковой личности, которая не умещается в принятые характеристики

«стандартного» ученого. Он филолог гумбольдтовского толка: своей деятельностью он показывает «сгустки» философии языка, мастерски разгадывает тайны прошлого и даже заглядывает в будущее, питает живой интерес ко всем языкам... К его облику можно применить известный афоризм В. фон Гумбольдта:

«Умственные занятия оказывают на человека такое благотворное влияние, какое солнце оказывает на природу; они рассеивают мрачное настроение, постепенно облегчают, согревают, поднимают дух»³.

Пусть этот лингвистический дух живет вечно и сохраняет в человеческой природе высокое предназначение науки.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Алпатов В. М. Жизнь лингвиста: воспоминания. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2023. 216 с. Далее цитируется по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.
- ² Стеценко Е. А. Не дать исчезнуть: воспоминания / Сост. В. М. Алпатов. Чебоксары: Интерактив плюс, 2019. 103 с.
- ³ <https://www.litres.ru/book/raznoe-55610/larec-mudrosti-aforizmy-velikih-mysliteley-2902497/chitat-onlayn/?page=6> (дата обращения 24.01.2025).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпатов В. М. Япония: язык и общество. М.: Наука, 1988. 134 с.
2. Алпатов В. М. История одного мифа. Марр и марризм. М.: Наука, 1991. 240 с.
3. Алпатов В. М. Лингвистические олимпиады // Новый педагогический журнал. 1996. № 2. С. 52–59.
4. Алпатов В. М. 150 языков и политика 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. 2-е изд., доп. М.: Крафт+: Институт востоковедения РАН, 2000. 224 с.
5. Алпатов В. М. Япония: язык и культура. М.: Языки славянских культур, 2008. 206 с.
6. Алпатов В. М. Языковеды. Востоковеды. Историки. М.: Языки славянских культур, 2012. 374 с.
7. Алпатов В. М. Избранные труды XX века. М.: Языкознание, 2023. 459 с.
8. Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М. «Дело славистов»: 30-е годы. М.: Наследие, 1994. 284 с.
9. Бахтин М. М. Автор и герой: к философским основаниям гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 263 с.
10. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
11. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII–XIX века). СПб.: Искусство-СПБ, 1999. 414 с.
12. Никитин О. В. Человек-энциклопедия. Беседы о лингвистике и не только с академиком В. М. Алпатовым (I) // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. № 1. С. 187–225. DOI: 10.18384/2224-0209-2025-1-1592 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/1592/1340> (дата обращения 24.01.2025).
13. Никитин О. В. Академик В. М. Алпатов и его лингвистические взгляды в контексте научных поисков и открытий XX–XXI вв. // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2025. Т. 11, № 1. С. 3–25. DOI: 10.18413/2313-8912-2025-11-1-0-1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rrlinguistics.ru/media/linguistics/2025/1/%D0%9B%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D0%B2%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0-1-3-26.pdf> (дата обращения 24.01.2025).
14. Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 1–2. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1956–1961.

Поступила в редакцию 11.02.2025; принята к публикации 05.05.2025

Original article

Oleg V. Nikitin, Dr. Sc. (Philology), Professor, Federal State University of Education (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-2815-6691; olnikitin@yandex.ru

LINGUISTIC PERSONALITY OF ACADEMICIAN V. M. ALPATOV: CELEBRATING HIS 80TH ANNIVERSARY

Abstract. The article analyzes the linguistic personality of Academician V. M. Alpatov (born in 1945), a prominent Russian orientalist and linguist. The author uses reliable facts to reconstruct the atmosphere in which the scholar's views were formed. The article focuses on the specific features of his scientific methodology, main professional interests, the unique characteristics of his scientific style, and the encyclopedic nature of his knowledge, which distinguishes him from the researchers of the XXI century. Alpatov paid particular attention to the complex problems of historiography of linguistics, particularly to the personalities of linguists and orientalists. It is pointed out that he was one of the first researchers to study Marrism and the “Slavists Case” in the context of the tragic events of Soviet science in the 1930s.

The article examines Alpatov's autobiographical book *The Life of a Linguist* (2023) in terms of genre and stylistics as a specific scientific text, with a particular focus on factual reliability, attention to dates and events, keen interest in the achievements in linguistics, and polemic nature of individual storylines. The author of the article also refers to his personal reminiscences of his interaction with V. M. Alpatov. Based on this, a conclusion is made about the specifics of Alpatov's scientific school and its reception in the philological imagination of the time.

Key words: V. M. Alpatov, linguistic personality, scientific school, history of linguistics, autobiographical nature, linguistic memoirs, text stylistics

For citation: Nikitin, O. V. Linguistic personality of Academician V. M. Alpatov: celebrating his 80th anniversary. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(5):8–14. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1194

REFERENCES

1. Alpatov, V. M. Japan: language and society. Moscow, 1988. 134 p. (In Russ.)
2. Alpatov, V. M. The history of a myth: Marr and Marrism. Moscow, 1991. 240 p. (In Russ.)
3. Alpatov, V. M. Linguistic olympiads. *New Pedagogical Journal*. 1996;2:52–59. (In Russ.)
4. Alpatov, V. M. 150 languages and politics of 1917–2000. Sociolinguistic problems of the USSR and the post-Soviet space. Moscow, 2000. 224 p. (In Russ.)
5. Alpatov, V. M. Japan: language and culture. Moscow, 2008. 206 p. (In Russ.)
6. Alpatov, V. M. Linguists. Orientalists. Historians. Moscow, 2012. 374 p. (In Russ.)
7. Alpatov, V. M. Selected works of the XX century. Moscow, 2023. 459 p. (In Russ.)
8. Ashnin, F. D., Alpatov, V. M. The Slavists Case: the 1930s. Moscow, 1994. 284 p. (In Russ.)
9. Bakhtin, M. M. The author and the hero: the philosophical foundations of the humanities. St. Petersburg, 2000. 263 p. (In Russ.)
10. Karaulov, Yu. N. The Russian language and linguistic personality. Moscow, 2010. 264 p. (In Russ.)
11. Lotman, Yu. M. Conversations about Russian culture: life and traditions of the Russian nobility (XVIII–XIX centuries). St. Petersburg, 1999. 414 p. (In Russ.)
12. Nikitin, O. V. The thesaurus personality. Dialogues on linguistics and beyond with Academician V. M. Alpatov (I). *Russian Social and Humanitarian Journal*. 2025;1:187–225. DOI: 10.18384/2224-0209-2025-1-1592. Available at: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/1592/1340> (accessed 24.01.2025). (In Russ.)
13. Nikitin, O. V. Academician V. M. Alpatov and his linguistic views in the context of research and discoveries of XX–XXI centuries. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*. 2025;11(1):3–25. DOI: 10.18413/2313-8912-2025-11-1-0-1. Available at: <https://rllinguistics.ru/media/linguistics/2025/1/%D0%9B%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D0%B2%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0-1-3-26.pdf> (accessed 24.01.2025). (In Russ.)
14. Tomashevsky, B. V. Pushkin. Books 1–2. Moscow; Leningrad, 1956–1961. (In Russ.)

Received: 11 February 2025; accepted: 5 May 2025

МАРИНА НИКОЛАЕВНА ПРИЕМЫШЕВА

доктор филологических наук, заведующий Отделом лексикографии современного русского языка
Институт лингвистических исследований Российской академии наук
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-9423-3486; mn.priemysheva@yandex.ru

СВЕТЛАНА АРКАДЬЕВНА ЭЗЕРИНЯ

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Институт лингвистических исследований Российской академии наук
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-6504-2389; sezerspb@yandex.ru

ШАХМАТОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ В СОВРЕМЕННОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ (о проекте «Словаря новых слов начала XX века»)

А н н о т а ц и я . Важным наследием А. А. Шахматова для отечественной лексикографии остается Большая словарная картотека, хранящаяся в Институте лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), которая в период его руководства над академическим «Словарем русского языка» начала пополняться за счет источников самых разных типов. Следующий академический словарь до 1937 года сохранял шахматовские традиции в лексикографии, и картотека в 1930-е годы пополнилась двумя миллионами карточек-цитат из газет и журналов, разного рода справочников и изданий периода социалистического строительства, тем самым став уникальным и большим по объему источником новой лексики 1920–1930-х годов. Поэтому закономерно, что эта картотека становится основой для создания «Словаря новых слов начала XX века». В качестве источников нового словаря также будут использоваться современные цифровые ресурсы газетной лексики начала XX века. В статье на примере словообразовательного гнезда с компонентом *авто...* в значении 'автомобильный, связанный с автомобилями' показываются потенциальные количественные и качественные преимущества таких фондов перед существующими лексикографическими изданиями, описывающими этот период, констатируется важность проекта для истории русского языка и изучения его словарного состава.

К л ю ч е в ы е с л о в а : история русского языка, русская лексикография, лексика, лексикология, новые слова, картотеки и базы данных

Д л я ц и т и р о в а н и я : Приемышева М. Н., Эзериня С. А. Шахматовское наследие в современной академической лексикографии (о проекте «Словаря новых слов начала XX века») // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 5. С. 15–20. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1195

ВВЕДЕНИЕ

Значение А. А. Шахматова в отечественной лексикографии трудно переоценить. С 1894 года, когда он возглавил работу над «Словарем русского языка», ее история пошла совершенно особым путем. Во-первых, историко-функциональный подход к слову в словаре под его редакцией, лексика национального русского языка (а не литературного) как объект описания, отсутствие нормативного начала совершенно изменили тип академического толкового языка, издание которого начиналось под редакцией Я. К. Грота

в 1891 году как словаря нормативного. В результате реализации идей Шахматова отечественная лексикография получила совершенно уникальный образец словаря национального русского языка тезаурусного типа. Во-вторых, этот словарь (его материалы, принципы и методы лексикографической работы) определил и содержание следующего академического «Словаря русского языка» 1929–1937 годов под редакцией Н. С. Державина. А уже материалы этого Словаря легли в основу будущего «Словаря современного русского литературного языка» в 17 томах (1948–

1965) [5], [7] и в некоторой степени повлияли на его облик (например, объем и количество цитат): словарь был одновременно и толково-историческим, и нормативным, что позволило В. В. Виноградову считать его словарем смешанного типа, который так и «не оформился в особый самостоятельный тип словаря» [2: 25]. Тем самым шахматовские традиции нашли отражение и в современном «Большом академическом словаре русского языка», который типологически полностью продолжает семнадцатитомный словарь.

БОЛЬШАЯ СЛОВАРНАЯ КАРТОТЕКА ИЛИ РАН И ШАХМАТОВСКИЕ ТРАДИЦИИ В ЛЕКСИКОГРАФИИ

Шахматовская концепция словаря национального русского языка в историческом развитии не только определила его специфический облик, но существенно повлияла и на принципы формирования Большой словарной картотеки ИЛИ РАН (далее – БСК), которая начала создаваться еще в середине 1880-х годов при Я. К. Гро-те как картотека цитат из произведений образцовых русских писателей XVIII–XIX веков. Облик картотеки при А. А. Шахматове совершенно изменился: она стала пополняться диалектными лексическими материалами из экспедиций, проводимых Академией наук, материалами редких и региональных слов, присланных любителями и филологами со всей России, выборками из произведений малоизвестных писателей, из словарей, справочников, газет и журналов разного уровня и объема. Следует особенно подчеркнуть, что эти принципы сохранились вплоть до 1937 года, когда работа над будущим нормативным словарем заставила выборщиков вновь обратиться к образцовой художественной литературе, в этот раз уже советского периода [9], [12]. После смерти Шахматова пополнение картотеки продолжалось на тех же основаниях. Однако совершенно особенными для истории Большой словарной картотеки стали 1930-е годы.

Словарная комиссия АН СССР в 1931 году была присоединена к Институту языка и мышления, началась работа по созданию обновленного «Словаря русского языка» в новой орфографии и с учетом новой языковой реальности, в результате Большая словарная картотека интенсивно пополнялась новыми материалами. Как отмечает Р. П. Рогожникова, за период 1934–1937 годов в БСК было влито около двух миллионов новых карточек-цитат. В работе по созданию словаря и по формированию картотечного фонда принимали участие Е. С. Истрина, И. А. Фалев, С. П. Обнорский, С. И. Ожегов, В. И. Чернышев, Л. В. Щерба. Большое число цитатных материалов обрабатывалось внештатными сотруд-

никами, число которых достигало 150 человек (С. Ф. Геккер, В. А. Водарский, П. В. Белявская, Н. И. Колубакина, А. И. Махонина, П. Л. Маштак, Н. Ф. Текутьева, С. Л. Чернявская и мн. др.). Источниками новых материалов, ярко характеризующими период «начала строительства социализма», стали такие газеты и журналы, как «Правда», «Известия», «Вестник коммунистической академии», «Социалистическая реконструкция и наука», «Техника», «Искусство», «Красная Новь», «Октябрь» и мн. др. Велась выборка из специальных источников: «Спутник ленточницы», «Птицы Европы», «Справочник по саперному и маскировочному делу», «Колбасное производство», «Спутник водника» и др. [8: 55–56].

Эти материалы активно использовались авторами нового академического «Словаря русского языка» (см. подробнее [7]) для дополнения материалов прежних шахматовских выпусков и, как следствие, широко включались в текст Словаря. Так, например, в первом выпуске Словаря (А-Ажно) активно представлена новая лексика с компонентами **авиа...** (127 заголовочных слов), **авто...** (170), **агит...** (91), **агро...** (122), примеры употребления которой иллюстрировались преимущественно из произведений современных авторов, из газет и журналов. Например:

Автомобилизация, и, ж. Развитие автомобилизма; организация передвижения преимущественно на автомобилях, введение тракторов в сельскохозяйственное производство. *Проблема автомобилизации и дорожного переустройства СССР должна все время привлекать к себе усиленное внимание широких трудящихся масс.* Изв. ВЦИК, 1 июня 1930. *Высокая автомобилизация американского земледелия неразрывно связана с высокой автомобилизацией ОАСШ в целом.* С. Ужанский («Большевик», 1930, № 6). *Бездорожье также ставит известный предел росту автомобилизации.* В. Кононов, Автостроение и автотранспорт, 8¹.

Автострада, ы, ж. (итал. strada – дорога). Автомобильная дорога, дорога для автомобилей. *Пропускная способность автострады может быть значительно выше, если применять машины большего тоннажа.* «Дорога и автомобиль», 1930, № 10, 52².

Активно дополнялись цитатами из газет словарные статьи и на общеупотребительные слова. В таком объеме газеты и журналы впервые стали источниками выборки иллюстративного материала в академическом толковом словаре [11], что более в толковой лексикографии в таком объеме не повторялось.

Таким образом, Большая словарная картотека содержит не менее двух миллионов карточек-цитат, которые собирались сотрудниками картотеки и института для пополнения «Словаря русского языка» (1929–1937) новым языковым актуальным материалом. Более того, ввиду того

что в 1930-е годы Словарный отдел Института языка и мышления был единственным в России местом создания словарей русского языка, БСК в 1930-е годы стала фондом, в котором аккумулировались разного рода словарные материалы этого периода. Так, в Архиве БСК хранится картотека так называемого «ленинского» словаря 1922–1923 годов в 140 тыс. карточек, фиксирующая лексику 1900–1910-х годов [6], включая картотеку сложносокращенных слов 1914–1920-х годов (1270 карточек-цитат) [4], которую в 1934 году из Москвы перевезли в Ленинград, рукопись «Орфографического словаря русского языка» под редакцией С. П. Обнорского 1936 года (с включением лексики, не зафиксированной ранее словарями), а также гранки неизданных выпусков «Словаря русского языка» (1929–1937) [3].

МАТЕРИАЛЫ БОЛЬШОЙ СЛОВАРНОЙ КАРТОТЕКИ КАК ИСТОЧНИК «СЛОВАРЯ НОВЫХ СЛОВ НАЧАЛА XX ВЕКА»

Все эти материалы образуют настолько масштабный по объему и уникальный по содержанию фонд русской лексики 1920–1930-х годов, что можно говорить о назревшей необходимости его обработки. Закономерным результатом возможного использования таких материалов стал проект «Словаря новых слов начала XX века», который бы фиксировал новации русского языка периода 1900-х – конца 1930-х годов. Работа над проектом началась в ИЛИ РАН в январе 2025 года.

Источниками Словаря служат материалы БСК 1930-х годов, опубликованные выпуски, гранки неопубликованных выпусков и рукописные материалы «Словаря русского языка» 1929–1937 годов, упомянутые выше словарные фонды и архивы ИЛИ РАН, научная литература 1910–1930-х годов, словари и энциклопедии 1900–1930-х годов, электронные ресурсы, включающие уникальные источники первой трети XX века (например, литература русского зарубежья, «Газетные старости» и мн. др.), будут привлечены новые источники 1900–1930-х годов, ставшие доступными в последние десятилетия XXI века. Именно обилие таких источников привело в свое время А. С. Герда к идее «Словаря русского языка первой половины XX века» как необходимого лексикографического «стыка» между «Словарем русского языка XIX века» и БАСом [1], работа над которыми ведется в ИЛИ РАН.

В настоящее время наиболее перспективным представляется описание только *новаций* и только наиболее динамичного в отношении развития русской лексики периода первой половины XX века – его первой трети.

Период 1900–1930-х годов является недостающей и лексикографически наименее описанной страницей истории русского языка. Именно в это время происходит кардинальная смена культурной, политической, социальной, технической и т. п. парадигм в жизни России. На данный момент материалы 1900–1930-х годов отчасти попадают в два широкодоступных источника: в «Словарь русского языка XIX века», описывающий в том числе материалы конца XIX и самого начала XX века, и в «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, а также в изданные выпуски «Словаря русского языка» под редакцией Н. С. Державина (1929–1937) (см.: [10]), которые, однако, в 1937 году были изъяты из большинства библиотек страны, что не позволяет считать этот словарь широкодоступным.

Приведем пример, свидетельствующий о необходимости такого проекта, как «Словарь новых слов начала XX века». Исторически мотивировано, что гнездо с компонентом *авто...* в значении ‘автомобильный, связанный с автомобилями’ – очень продуктивная группа слов в начале XX века ввиду интенсивного развития автомобилестроения и активного распространения автомобильной техники, и эта лексика в том или ином объеме находит отражение в словарях. Так, в «Словаре русского языка XIX века» (<https://xix.iling.spb.ru/>) на данный момент уже зафиксировано восемь единиц с этим компонентом:

автомобили́зм (1898), *автомобили́ст* (1899), *автомобили́стка* (1899), *автомобили́стский* (1901), *автомобиль* (1898), *автомобиль-клуб* (1899), *автомобильно-лодочный* (1905), *автомобильный* (1898).

В нормативном «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (1934–1940) представлено девять слов, вошедших в систему русского литературного языка: *автоба́за*, *автобу́с*, *автобу́сный*, *автомобили́зм*, *автомобили́ст*, *автомобили́стка*, *автомобильный*, *автоса́ни*, *автоса́нный*.

В «Словаре русского языка» (1929–1937) под редакцией Н. С. Державина из 170 единиц с компонентом *авто...* около 90 единиц разной степени узуальности имеют значения ‘связанный с автомобилем, автомобилестроением’, например:

автоброневик, *автоброневой*, *автобус* и *автобус*, *автобусник* и *автобусник*, *автовоз*, *автога́раж*, *автогига́нт*, *автогрузовик*, *автогужеперевозка*, *автогужетранспорт*, *автодело*, *автока́р*, *автомобилестроение*, *автомобилестроительный*, *автомобилиза́ция*, *автомобили́зировать*, *автомобили́зм*, *автомобиль*, *автомобили́ст*, *автомобили́стка*, *автомобиль*, *автомобилька*, *автомобильный*, *автомобильчик*, *автомобильщик* и др.

Однако материалы нового проекта, собранные на базе картотек и новых источников, на дан-

ный момент включают уже около 150 слов помимо указанных, которые, при отсутствии данного проекта, так и остались бы незафиксированными.

Эти новые материалы подтверждают высокую продуктивность аффиксоида *авто...* в начале XX века. См.:

авто-авиа-строение (1925), *автобан* (дорога в Германии) (1938), *автобензин* (1934), *автобоевой* (1924), *авто-бронне-танковый* (1936), *автобронирование* (1938), *авто-вигвам* (1936), *автогонки* (1937), *авто-гости* (1924), *автогуж* (1921), *автогужевоз* (1928), *автодор* (1928), *автодоровско-автомобильно-клубный* (1935), *автодорога* (1936), *автодороги* (1928), *автодром* (1912), *автозавод* (1922), *автознак* (1935), *автоинспектор* (1922), *автокабета* (1908), *автоклуб* (1935) (*аэро-автоклуб*, 1912), *автоколонна* (1918), *автоколымага* (1927), *автокоманда* (1918), *автокорабль* (1920), *автокружок* (1939), *автокурсы* (1922), *авто-лаборатория* (1919), *авто-лебеди* (1919), *автолюбители* (1916), *автомагистраль* (1939), *автомародерство* (1916), *авто-машина* (1923), *авто-модельный* (1933), *авто-мото-вело клуб* (1932), *авто-мото-клуб* (1928), *авто-мотокурсы* (1938), *автоотдел* (1922), *автопед* (1916), *автоплуг* (1920), *автополо* (*авто-поло*) (1913), *авто-предприятия* (1923), *автопробег* (1912), *автопромторг* (1923), *автопротектор* (1922), *авторadio* (1928), *авто-радио-передвижка* (1929), *авто-радиостанция* (1931), *авторемонтный*, *авторемонтный* (1922), *авто-рота* (1919), *автосани* (1921), *автосекция* (1916), *авто-секция* (1921), *автосмесь* (1920), *автостанция* (1929), *Автострой* (1930), *автотакси* (1929), *автотелега* (1931), *авто-технический* (1910), *автотракт* (1933), *автотранспорт* (1921), *авто-трасса* (1933), *автояга* (1935), *автофонари* (1925), *автофордик* (1925), *автоцистерна* (1936), *авточасть* (1918).

Исторически ценными оказываются регулярные словосочетания, а также узуальные и окказиональные сложения со словом *автомобиль*, которые также позволяют показать колорит эпохи, см., например:

автомобиль легковой (1923), *автомобиль-алтарь* (1916), *автомобиль-броневик* (1923), *автомобиль-госпиталь* (1912), *автомобиль-грузовик* (1909), *автомобиль-зубоврачебный кабинет* (1916), *автомобиль-извозчик* (1907), *извозчик-автомобиль* (1909), *автомобиль-катафалк* (1911), *автомобиль-лимузин* (1916), *автомобиль-линейка* (1914), *автомобиль-люкс* (1917), *автомобиль-насос* (1914), *автомобиль-омнибус* (1907), *омнибус-автомобиль* (1907), *автомобиль-паровоз* (1923), *автомобиль «скорой медицинской помощи»* (1912), *автомобиль-таксомотор* (1907), *автомобиль-фиакр с таксометром* (1909), *кинематограф-автомобиль* (1913), *сани-автомобиль* (1911), *агит-автомобиль* (1920), *броннеавтомобиль* (1920), *вагон-автомобиль* (1920).

Абсолютной новацией начала XX века является наречие *автомобильно* (1922) и сложные слова с компонентом *автомобильно-*:

автомобильно-бензиновый (1936), *автомобильно-дорожный* (1910), *автомобильно-клубный* (1935), *автомобильно-конный* (1915), *автомобильно-мотоциклетный* (1932), *автомобильно-омнибусный* (1908), *автомобильно-санитарный* (1916), *автомобильно-танковый* (1922), *автомобильно-транспортный* (1913), *автомобильно-человеческий* (1934), *автомобильно-шоферский* (1929).

Обнаружение таких слов в различных письменных источниках начала XX века и введение их в широкий научный оборот позволит представить более объективную и исторически более достоверную картину развития словарного состава русского языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Словарь новых слов начала XX века» будет дифференциальным историческим словарем, который призван восстановить недостающие страницы истории словарного состава русского языка, исторически объективную картину формирования русского языка, уточнить датировки первых вхождений общеупотребительных слов, реконструировать неологию в период особой активизации языковых изменений в русском языке периода трех революций, Первой мировой войны и начала строительства социализма, уточнить и скорректировать представление о русской культуре и русском языке первой трети XX века. Этот исторический словарь является очередным проектом Института лингвистических исследований РАН, который, с одной стороны, в наше время призван восполнить недостающее звено в череде исторических словарей для восстановления целостной лексикографической картины формирования русского литературного и русского национального языка, с другой – этот проект оказывается особенно значимым с историко-научной точки зрения и с точки зрения сохранения истории самого Института: он призван с максимальной полнотой и глубиной описать те материалы картотеки ИЛИ РАН, которые собирались при Шахматове и после его смерти для «шахматовского» словаря и для следующего словаря (1929–1937), отчасти сохранявшего принципы предыдущего. Эти материалы всегда оставались бесценным источником по изучению лексики 1910–1930-х годов, однако именно данный проект призван начать их целенаправленное лексикографическое описание с целью введения в дальнейший научный оборот.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Словарь русского языка, составленный Комиссией по русскому языку Академии наук СССР. Новое переработанное и дополненное издание / Отв. ред. Н. С. Державин. Т. 1. Вып. 1. Л., 1932. С. 115.

² Там же. С. 130.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурькин А. А., Герд А. С. Электронные ресурсы для лексикологии и лексикографии и задачи составления словаря русского языка первой половины XX века // Корпусная лингвистика – 2015: Труды международной конференции / Отв. ред.: В. П. Захаров, О. А. Митрофанова, М. В. Хохлова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015. С. 146–153.
2. Виноградов В. В. Семнадцатитомный академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания // Вопросы языкознания. 1966. № 6. С. 3–26.
3. Круглов В. М. Неизданные фрагменты «Словаря Я. К. Грота – А. А. Шахматова» второй половины 1920-х гг. из архива Большой словарной картотеки ИЛИ РАН // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие: Сб. статей к 150-летию со дня рождения ученого / Отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 927–937.
4. Кузнецова И. Е., Кузнецов Г. А. Картотека сокращенных обозначений неизданного «ушаковского» словаря 1920-х гг. // Филологический класс. 2023. Т. 28, № 4. С. 261–270. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-261-270
5. Приемышева М. Н., Стукова Е. Г. У истоков «Словаря современного русского литературного языка»: из истории толковой академической лексикографии конца 30-х гг. XX века // Российская академическая лексикография: современное состояние и перспективы развития: Сб. науч. статей по материалам междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию выхода первого тома академического «Словаря современного русского литературного языка». Санкт-Петербург, 3–5 октября 2018 г. СПб.: Нестор-История, 2018. С. 18–28.
6. Приемышева М. Н., Стукова Е. Г. О забытой картотеке неизданного «ушаковского словаря» русского литературного языка 1920-х гг. // Филологический класс. 2023. Т. 28, № 4. С. 243–260. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-243-260
7. Приемышева М. Н., Стукова Е. Г. Академический «Словарь русского языка» под редакцией академика Н. С. Державина (1929–1937 гг.) в истории русской толковой лексикографии // Вопросы лексикографии. 2020. № 17. С. 195–212. DOI: 10.17223/22274200/17/10
8. Рогожников Р. П. Сокровищница русского слова. История Большой словарной картотеки Института лингвистических исследований РАН. СПб.: Наука, 2003. 106 с.
9. Семериков А. В. Из истории академической словарной картотеки // Лингвистические источники. Фонды Института русского языка. М., 1967. С. 281–316.
10. Стукова Е. Г. Академический «Словарь русского языка» под ред. Н. С. Державина и «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова в контексте лексикографической и культурно-речевой ситуации 1920–1930-х гг. // История, теория и практика академической лексикографии: Юбилейный сборник научных статей. СПб., 2022. С. 64–74.
11. Стукова Е. Г. Газетная и журнальная публицистика как один из источников академического «Словаря русского языка» 1929–1937 гг. // Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. 2019: Сб. ст. СПб.: ИЛИ РАН, 2019. С. 212–221.
12. Эзериня С. А. К 135-летию Большой словарной картотеки Института лингвистических исследований РАН // История, теория и практика академической лексикографии: Юбилейный сборник научных статей / Отв. ред. М. Н. Приемышева. СПб.: ИЛИ РАН, 2022. С. 34–45.

Поступила в редакцию 09.10.2024; принята к публикации 28.04.2025

Original article

Marina N. Priemysheva, Dr. Sc. (Philology), Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)

ORCID 0000-0001-9423-3486; mn.priemysheva@yandex.ru

Svetlana A. Ezerinya, Cand. Sc. (Philology), Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)

ORCID 0000-0002-6504-2389; sezerspb@yandex.ru

SHAKHMATOV'S LEGACY IN MODERN ACADEMIC LEXICOGRAPHY (the draft *Dictionary of New Words of the Early XX Century*)

Abstract. The Great Dictionary Card Index stored at the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences in Saint Petersburg remains a significant legacy of A. A. Shakhmatov for Russian lexicography. Under his editorship of the academic *Dictionary of the Russian Language* this card index began to be replenished from sources of various types. The following academic dictionary preserved Shakhmatov's traditions in lexicography until 1937, and in the 1930s the card index was replenished with two million cards with quotations from newspapers and magazines, various reference books, and publications from the period of socialism construction, thereby becoming a unique

comprehensive source of new words dating to the 1920s and 1930s. Thus, this card index, along with contemporary digital sources of newspaper vocabulary of the early XX century, is naturally seen as the basis for creating the *Dictionary of New Words of the Early XX Century*. The article examines the family of words containing the *auto-* component meaning “automobile or related to automobiles” in order to showcase potential quantitative and qualitative advantages of such lexicographic collections over existing lexicographic publications describing this period, which indicates the importance of the project on drafting the new dictionary for the history of the Russian language and the study of its vocabulary.

Key words: Russian language history, Russian lexicography, lexis, lexicology, new words, card indices and databases

For citation: Priemyшева, M. N., Ezerinya, S. A. Shakhmatov’s legacy in modern academic lexicography (the draft *Dictionary of New Words of the Early XX Century*). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(5):15–20. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1195

REFERENCES

1. Burykin, A. A., Gerd, A. S. Electronic resources for lexicology and lexicography and the tasks of compiling a dictionary of the Russian language of the first half of the XX century. *Corpus Linguistics – 2015: Proceedings of the international conference*. St. Petersburg, 2015. P. 146–153. (In Russ.)
2. Vinogradov, V. V. The seventeen-volume Academic Dictionary of the Modern Russian Literary Language and its significance for Soviet linguistics. *Topics in the Study of Language*. 1966;6:3–26. (In Russ.)
3. Kruglov, V. M. Unpublished fragments of the *Grot-Shakhmatov Dictionary* of the second half of the 1920s from the archive of the Great Dictionary Card Index of the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. *Academician A. A. Shakhmatov: life, work, scholarly legacy: Collection of articles dedicated to his 150th anniversary*. (O. N. Krylova, M. N. Priemyшева, Eds.). St. Petersburg, 2015. P. 927–937. (In Russ.)
4. Kuznetsova, I. E., Kuznetsov, G. A. Card index of abbreviations of the unpublished “Ushakov’s” dictionary of the 1920s. *Philological Class*. 2023;28(4):261–270. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-261-270 (In Russ.)
5. Priemyшева, M. N., Stukova, E. G. At the origins of the *Dictionary of the Modern Russian Literary Language*: from the history of explanatory academic lexicography of the late 1030s. *Russian academic lexicography: current status and development prospects: Proceedings of the international conference dedicated to the 70th anniversary of publishing the first volume of the academic Dictionary of the Modern Russian Literary Lanugage. Saint Petersburg, 3–5 October 2018*. St. Petersburg, 2018. P. 18–28. (In Russ.)
6. Priemyшева, M. N., Stukova, E. G. On the forgotten card index of the unpublished “Ushakov’s” dictionary of the 1920s. *Philological Class*. 2023;28(4):243–260. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-243-260 (In Russ.)
7. Priemyшева, M. N., Stukova, E. G. The academic *Dictionary of the Russian Language* (1929–1937) edited by N. S. Derzhavin in the history of Russian explanatory lexicography. *Russian Journal of Lexicography*. 2020;17:195–212. DOI: 10.17223/22274200/17/10 (In Russ.)
8. Rogozhnikova, R. P. The treasury of Russian words. The history of the Great Dictionary Card Index of the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg, 2003. 106 p. (In Russ.)
9. Semerikov, A. V. From the history of the Academic Dictionary Card Index. *Linguistic sources. Collections of the Institute of Linguistics*. Moscow, 1967. P. 281–316. (In Russ.)
10. Stukova, E. G. The academic *Dictionary of the Russian Language* edited by N. S. Derzhavin and *Explanatory Dictionary of the Russian Language* edited by D. N. Ushakov in the context of lexicographic and cultural-speech situation of the 1920s and 1930s. *History, theory, and practice of academic lexicography: Anniversary collection of articles*. St. Petersburg, 2022. P. 64–74. (In Russ.)
11. Stukova, E. G. Newspapers and magazines as one of the sources of vocabulary for the academic *Dictionary of the Russian Language* (1929–1937). *Modern Russian lexicology, lexicography, and linguogeography*. St. Petersburg, 2019. P. 212–221. (In Russ.)
12. Ezerinya, S. A. Celebrating the 135th anniversary of the Great Dictionary Card Index of the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. *History, theory, and practice of academic lexicography: Anniversary collection of articles*. (M. N. Priemyшева, Ed.). St. Petersburg, 2022. P. 35–46. (In Russ.)

Received: 9 October 2024; accepted: 28 April 2025

АРТЕМ ЕВГЕНЬЕВИЧ КОВАЛЕВ

аспирант, ассистент кафедры русского языка филологического факультета

Курский государственный университет

(Курск, Российская Федерация)

artem_kovalev_221b@mail.ru

ЛЕКСИКА СИСТЕМЫ РОДСТВА В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ (на материале курских народных сказок)

А н н о т а ц и я . Целью исследования является описание группы лексики системы родства, представленной в курском сказочном фольклоре, на основе лексикографических комплексов к курским народным сказкам, записанным А. Н. Афанасьевым, Ф. Белкиным, а также студентами и преподавателями Курского государственного педагогического института в 1940-х годах и в 1980 году. Приводится классификация терминов системы родства, сопровождаемая количественным и семантическим анализом выделенных групп и характеристикой их границ и состава. Анализируются распространённые в фольклоре семейные взаимоотношения, их репрезентация в тексте конкретными лексемами с описанием особенностей сочетаемости. Актуальность работы обусловлена описанием фольклорной языковой картины мира – значимого понятия современной лингвофольклористики. Новизна исследования заключается в попытке описания лексического уровня курских народных сказок с привлечением новых региональных текстов, которые прежде не изучались. Исследование показало, что самыми распространёнными моделями в курских сказках являются отношения свойства, представленные парой *муж – жена*, а также отношения кровного родства, представленные парами *родители – дети*, *брат – сестра*; лексемы, называющие членов данных отношений, обладают самыми высокими показателями частотности.

К л ю ч е в ы е с л о в а : лингвофольклористика, семантика фольклорного слова, курская народная сказка, термины родства, термины свойства, термины неродственных отношений

Д л я ц и т и р о в а н и я : Ковалев А. Е. Лексика системы родства в русском фольклоре (на материале курских народных сказок) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 5. С. 21–27. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1196

ВВЕДЕНИЕ

Неотъемлемой и значимой частью фольклорной языковой картины мира является группа социофактов, представляющая систему родства. Это «совокупность терминов, которыми обозначаются существующие в обществе родственные отношения» [10: 97–98]. Традиционно в данную группу относят термины родства (*отец, мать, сын, дочь* и др.), термины свойства (*жена, муж, супруг, супруга* и др.), а также к ним причисляют термины неродственных отношений (*крестная мать, крестный отец, мачеха, отчим* и др.).

«Термины родства и свойства входят в основной словарный фонд любого языка и являются наиболее древним его пластом, который отличается большой устойчивостью и общенародностью понятий, так как именно семья и род являются носителями и хранителями традиционных духовных ценностей народа, способствующих сохранению его исторической памяти» [8: 150].

Курскими лингвофольклористами уже были описаны, например, термины свойства, зафик-

сированные в курской необрядовой лирике [2], в курских частушках и сказках [3]. Однако в остальной лексика системы родства курского фольклора оставалась вне круга интересов исследователей. Данная работа ставит целью комплексное изучение лексики системы родства в мегатексте курских народных сказок.

Актуальность и новизна исследования обусловлены не только темой, но и фактическим материалом. Сохранение и описание малоизвестных региональных фольклорных текстов является значимым направлением фольклористики и лингвофольклористики, поскольку такие тексты содержат ценный лингвистический, культурологический и краеведческий материал; они дают представление о мировоззрении народа, отраженном в фольклорной картине мира.

Помимо текстов сказок, записанных А. Н. Афанасьевым, Ф. Белкиным, и сказок, собранных в селе Бобрава Беловского района Курской области, базой исследования послужили курские

сказки, изданные сборником в 1939 году. Примечательно, что материалы для сборника собирались при участии группы студентов Курского педагогического института. Данный фактический материал является новым, прежде он не изучался, а потому существует объективная необходимость его описания. Выбор лексики осуществлялся по словарям лексикографических комплексов, составленных на основе четырех собраний курских сказок [7], [11], [12], [13].

АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ

В текстах 76 курских народных сказок было зафиксировано 86 терминов родства, свойства и неродственных отношений в 1273 словоупотреблениях. Квантитативный анализ лексики, представленной в таблице, демонстрирует:

1. Первую позицию по количеству занимают *термины родства*, которые представлены 46 лексемами в 877 словоупотреблениях. Данная группа составляет 68,9 % от общего количества употреблений всех терминов. Обширность и разнообразие состава объясняются тем, что

«кровное родство считается самым важным (этапным) видом родства, родством в прямом, узком или собственном смысле слова; по отношению к нему

в первую очередь формулируются регламентации поведения, на него ориентируются нормы, относящиеся ко всем другим видам родства» [15: 12].

Значимую часть группы терминов родства составляют лексемы, называющие неопределенное лицо или совокупность неопределенных лиц: *дитя, детки, ребенок, родители* и др. Они были отнесены к данной группе, поскольку подразумевают кровные узы, хотя не конкретизируют их.

2. Вторую позицию по количеству занимают *термины свойства* – 18 лексем в 301 словоупотреблении, что составляет 23,6 % от общего количества. Группа терминов свойства представлена значительно менее разнообразным составом, многие лексемы низкочастотны и встречаются в текстах единожды, что подтверждает, что в курских сказках термины свойства выражены слабо [3: 44]. Однако есть и исключения. Так, например, высокой частотностью отличаются лексемы *жена* (121), *муж* (104).

3. Третью позицию по количеству занимают *термины неродственных отношений*, представленные 17 лексемами в 89 словоупотреблениях (7 %). Они составляют самую малочисленную и низкочастотную группу лексики.

Группы лексики системы родства
Vocabulary groups of the kinship system

Термины родства	бабушка 1 бабка 1 бабушка 29 близнецы 1 брат 152 братец 28 внук 1 внучка 1 внучонок 1 дед 5 дети 40 детище 2 детки 20 деточки 6 дите 2 / дитя 1	доченька 3 дочечка 1 дочка 38 дочь 91 дочь-невеста 1 дядя 6 Иванушка-братец 3 мама 4 маменька 5 матушка 9 матушка-Змея 2 матушка-сударыня 1 мать 95 мать-Змея 10 мать-царевна 1	отец 81 отец-мать 1 ребенок 11 ребеночек 6 родители 2 сестра 79 сестра-невеста 1 сестрица 25 сестрица-красавица 1 сестричка 3 сударыня-матушка 5 сын 85 сынок 6 сыночек 7 царь-отец 3
Термины свойства	Афанасий-жених 1 вдова 1 вдовушка 1 дочь-невеста 1 жена (жана) 121 жених (жаних) 15	жинка 1 зять 4 молодайка 5 муж (мужа) 104 муженек 1 невеста 27	сестра-невеста 1 свекор 1 суженый 2 супруг 2 теща 9 шурин 4
Термины неродственных отношений	бабушка-царь 2 волчичек-куманек 1 крестник 1 крестная мать 9 крестничек 3 кума 7	куманек 3 кумушка 2 кумушка-голубушка 1 лисичка-сватечка 2 лисичка-сестричка 3 лисушка-кумушка 7	лисушка-свашечка 1 мамушка 5 мачеха 28 нянюшка 5 падчерица 9

За пределами обозначенных групп находятся лексемы, в семантику которых заложено указание на обширные семейные связи. Данная группа крайне малочисленна и представлена всего 6 сло-

воупотреблениями (0,5 %): *родной* (сущ.) (1), *род-племя* (1), *родственник* (1), *семья* (2), *семейство* (1).

Наиболее распространенной моделью родственных отношений в курских сказках является семья,

состав которой ограничен родителями и детьми (нуклеарная семья). Среди терминов родства практически не встречаются наименования других кровных родственников, а зафиксированные примеры характеризуются низкой частотностью.

В нуклеарной семье можно выделить три вида взаимоотношений: *муж – жена, родители – дети, братья – сестры*. Рассмотрим их подробнее.

Гендерная пара *муж – жена* представлена во многих как волшебных, так и бытовых курских сказках. Нами было зафиксировано 121 словоупотребление слова *жена* и 104 – слова *муж*, что выводит их на второе и третье место по показателю частотности среди всех терминов системы родства. Отметим также, что в анализируемых текстах встречаются фонетический диалектизм *жана* (8)¹ и не зафиксированный в словаре грамматический диалектизм *мужа* (10), выступающий в качестве обращения: «*Мужа, мужа, что делать, поп блином подавился, умер*» (ЛК III: 45). Поскольку у них нет семантических отличий, при подсчетах частотности их показатели суммировались с показателями литературных форм. Курские сказки не сохранили исторического значения этих слов, которое указывалось основным в словарях вплоть до XIX века, – ‘мужчина’ и ‘женщина вообще’ [14]. Также к этой паре примыкают лексемы *молодайка* (5), *супруг* (2), *муженек* (1), *жинка* (1). Согласно словарям, термин *молодайка* – ‘то же, что *молодица*’, то есть ‘молодая замужняя женщина’². Однако если *молодица* определяется как фольклоризм, то в вопросе отнесенности слова *молодайка* словари расходятся. Так, БАС приводит его с пометой *прост.*, а МАС – с пометой *обл.* В СРНГ данное слово не зафиксировано, что дает основание считать его просторечным. Вариант *жинка* признается словарями просторечным³. Как и другие социофакты, термины родства *муж* и *жена* нередко используются в узкой номинативной функции для обозначения героев сюжета и их действий. Особенно это касается сказочных зачинов, где часто встречаются традиционные инициальные формулы: *Жили муж с женой...* (ЛК II: 32); *Жил-был муж с женой* (ЛК IV: 18).

Анализ атрибутивных связей показывает, что фигура мужа в курских сказках получает слабую качественную характеристику. Так, во всех 76 текстах было зафиксировано лишь несколько примеров: *Она опять узбудила своего нареченного мужа* (ЛК I: 6); *А муж Марьи, Василий, был мужик умный...* (ЛК IV: 8); «*Милый мой муженек, на кого ты похож?*» (ЛК IV: 21). Как правило, муж – это активный субъект, а потому его описание осуществляется через действия. Атрибутивные связи лексемы *жена* более разнообразны и оценочны. Чаще всего она характеризуется

в негативном ключе: *бойкая, ленивая, неверная, плохая, скрытна, аккуратна, мудрена* (об обмане). Значительно реже – в положительном: *красивая, прекрасная*. Взаимоотношения мужа и жены характеризуются глаголами также с преимущественно отрицательной коннотацией:

Муж V_s (связи с глаголами в роли субъекта действия): *бояться, забыть, наброситься* (с руганью), *нападать, проследить, стегать, упрекать*.

Жена. V_s: *бить, выслать, жаловаться* (мужу), *избивать, недолюбливать, наброситься, надоесть* (мужу), *обманывать, погубить, приказывать, садиться* (верхом на мужа), *сбыть* [4: 152].

Отношения свойства в браке включают также добрачные статусы. В курских сказках они представлены сравнительно малым количеством употреблений: гендерной парой *невеста* (27) – *жених* (12) с отмеченным в словарях фонетическим диалектным вариантом *жаних* (3)⁴, а также лексемами *суженый* (2), *дочь-невеста* (1), *сестраневеста* (1). *Суженый* – ‘тот, кто предназначен судьбой в мужья кому-л.’; *жених* приводится в словарях с пометой *народно-поэт.*, что позволяет отнести его в разряд фольклоризмов⁵.

На втором уровне в нуклеарной семье находятся *родители* и *дети*. Собирательный статус *родителей* в курских сказках представлен низкочастотными примерами – непосредственно словом *родители* (2) и построенным на сближении суммарной семантики композитом *отец-мать*, который определяется как разговорный вариант⁶.

Многие термины данной группы выражают сохранившееся в языковой картине мира глубоко уважительное отношение детей к родителям. Так, согласно словарям, фольклоризмы *матушка* и *батюшка* толкуются как ‘мать’ и ‘отец’ обычно с оттенком почтительности. *Маменька* – ‘то же, что *мама*’ с оттенком ласковой почтительности⁷. Уважительность композитов *сударыня-матушка* и *матушка-сударыня* дополняется значением социофакта *сударыня* – ‘форма вежливого обращения к женщине из привилегированных слоев общества’⁸.

Аналог гендерной пары *отец – мать* не типичен для текстов курских сказок: *папа* (0) – *мама* (4). Слово *мама*, несмотря на отсутствие аффиксов с соответствующим значением, воспринимается как почтительный и ласковый аналог слова *мать*. Поэтому он, как и термины *маменька*, *матушка*, используется в роли обращения: «*Мама, там приехал какой-то дядя, очень на вас похож, не ваши ли брат?*» (ЛК IV: 40). В данном примере уважительность обращения усиливается местоимением *вы*.

Единственное исключение – просторечный термин *батька* – ‘отец’ (обычно с оттенком не принужденности, грубоватой фамильярности)⁹: *...Климка не в батьку пошел...* (ЛК II: 29).

Отец и мать очень редко получают качественную характеристику. Их атрибутивные связи крайне ограничены. Единственной устойчивой связью является сочетаемость с прилагательным *родимый* (6), которое приводится в словарях с пометой *нар.-поэт.*¹⁰: *Подлетели к окошечку родимого батюшки* (ЛК II: 11); *Там мальчики росли-подрастали, родимой матушки не видали, не знали* (ЛК II: 27). Пара *отец – мать* нередко используется как неразрывное единство, сближаясь с понятием *родители*: *...А тут и отец и мать пришли* (ЛК II: 13); *Приехали отец и мать с базара...* (ЛК III: 15). В сказочный текст они вводятся теми же инициальными формулами, что и пара *муж – жена*: *Жили отец и мать* (ЛК III: 15, 18, 22).

Термины, называющие детей, более распространены в курских сказках, чем наименования родителей: *дети* (40), *детки* (20), *ребенок* (11), *деточки* (6), *ребенок* (6), *детиче* (2), *дите* (2), *дитя* (1). В лингвистическом плане здесь выделяются устаревший термин *детиче* – ‘ребенок, дитя’, а также устаревший просторечный термин *дите* – ‘то же, что дитя’¹¹. Несмотря на разницу в количественном соотношении, показывающую, что наименования дочери встречаются в текстах чаще (*сын* – 98, *дочь* – 134), нужно сказать, что оба понятия являются в равной мере значимыми для фольклорной языковой картины мира, о чем свидетельствует высокая частотность основных вербализаторов концептов – шестая и пятая позиции среди всей лексики системы родства. Атрибутивные и субстантивные связи терминов показывают, что качественная характеристика детей в сказках осуществляется в основном с положительной стороны:

Сын. *А (атрибутивные связи): богатый 2, дорогой 1, дородный 1, красивый 1, любимый 9, милый 8, новорожденный 1, сильный 1, славный 1, тороватый 1, умный 3, хороший 2; S (субстантивные связи): дурачок 1, милочка 1, сокол (ясный) 1, ягодка 1.*

Дочь. *А: дородная 1, красивая 1, пригожая 5, умная 1, хорошая 6; S: красавица 1.*

Помимо перечисленных примеров дети могут определяться по возрасту (*большой 1, маленький 2, меньший 1, младший 1, средний 2, старший 3*) или по иным характеристикам (*князьковая 1, купеческий 6, старикова 5, старухина 5, царская 4*). Пары детей вводятся в сказочный текст типичными инициальными формулами, однако в отличие от пар *муж – жена* и *отец – мать*, конструкция их ввода включает два блока: блок, вводящий родителей, и блок, вводящий непосредственно детей [9: 70]. Например: *Жил старик с старухой. У них был сын да дочь* (ЛК I: 17). Диминутивы *сыночек* и *доченька* используются исключительно в роли ласковых обращений в речи родителей: *Один раз мать говорила ему:*

«Сыночек, милочка!» (ЛК II: 10); *Мать заболела и приказывает: «Доченька, в сундуке, в ящичке, лежит орешек»* (ЛК III: 18).

Третий уровень отношений нуклеарной семьи – боковая линия родства, представленная взаимоотношениями между детьми.

С литературоведческой позиции курские сказки дают ценный материал для описания отношений *брат – сестра*, они фиксируют многие характерные сюжетные ситуации, однако с лингвистической точки зрения в этой паре мало примечательного. Взаимоотношения между братом и сестрой основаны на взаимной заботе и показаны в основном с положительной стороны: *Вышел отец девочки, горшечник, и сразу узнал своего шурина и пригласил к себе. Сестра очень обрадовалась, напоила, накормила его и спать уложила* (ЛК IV: 41). Брат-субъект может перенимать на себя функции родителей – опекать сестер и заботиться об их замужестве: *Брат согласился и выдал старшую <...> Согласился брат и выдал за горшечника среднюю сестру* (ЛК IV: 40). Диминутивы *братец* (28) и *сестрица* (25), подобно диминутивам *сыночек*, *доченька*, используются в тексте преимущественно в речи героев (в 52 случаях из 63), нередко в качестве обращений, что, по-видимому, служит выражением родственных чувств: *«О чем ты, братец, кручинишься?» – спрашивает его сестра* (ЛК II: 13); *«Сестрица Аленушка, я напьюсь водички»* (ЛК III: 22).

Взаимоотношения детей одного пола в курских сказках ничем не отличаются от других русских сказок – они представлены преимущественно с негативной стороны. Если «в отношениях брата и сестры обыкновенно царит любовь, почитание», то «между братьями и братом, сестрами и сестрой, напротив, нет взаимопомощи, возникают зависть, вражда, возможно предательство ради корысти» [1: 11].

Иван-царевич <...> взял за себя меньшую сестру и стал с нею жить-поживать душа в душу; а старшие сестры стали сердиться да завидовать меньшей сестре, начали ей зло мерить... (ЛК II: 26).

Жили отец и мать. У них было три дочери. Младшая девочка Маша <...>. Идут сестры <...> в лес за ягодами, девочка за ними гонится. Они ее взяли. Пришли в лес, ягод собрали, девочку зарезали... (ЛК III: 15).

Отношения родных сестер не характерны для курских сказок. Пара *сестра – сестра* не встречается ни в одном из рассмотренных сказочных сюжетов. Отношения братьев, напротив, являются распространенными, во многом поэтому слово *брат* (152) занимает первую позицию по частотности среди всех терминов системы родства. Анализ его синтагматических связей позволяет выделить смысловые оппозиции братьев по сле-

дующим критериям: достаток (*богатый* – *бедный*), возраст (*старший* – *младший*), интеллектуальные способности (*умный* – *глупый*), физические способности (*сильный* – *слабый*). Чаще всего братья противопоставляются по уровню достатка, что, очевидно, являлось значимым показателем мужчины-хозяина (*богатый* 19, *богатеть* 2, *жить богато* 2, *разбогатеть* 1 / *бедный* 17, *жить бедно* 2, *обеднеть* 1):

*Жили два брата да разделились. Старший брат **разбогател**, а меньший брат **обеднел** (ЛК I: 26); Один брат **жил богато** и детей у него было мало, а другой **жил бедно** и детей у него бы много (ЛК III: 16); Жили-были два брата: один **богатый** был, а другой **бедный** (ЛК IV: 32).*

Если родных братьев больше двух (чаще всего трое), то главная роль отводится младшему ребенку, тогда как старшие «изображаются неиндивидуализированно, не всегда наделяются собственным именем и даже могут объединяться в границах одного образа» [6: 30]. Младший брат традиционно уступает по интеллектуальным и физическим способностям старшим, их характеристика строится на антитезе: *Жил один мужичек. В няво было два брата. Те были умные, а он дурак* (ЛК I: 17).

«В русском национальном менталитете заложено теплое и сочувственное отношение к тем, кто обделен какими-то качествами, кому не свойственны внешние проявления силы, ума, красоты, успешности» [6: 31].

Поэтому самые слабые и незаметные дети выделяются и становятся главными героями сказок.

Термины неродственных отношений – в некоторой степени условная группа лексики. В нее включают наименования лиц, которых можно назвать членами семьи из-за близких духовных связей, однако с которыми не прослеживаются кровные узы. Наиболее частотными словами в данной группе оказались *мачеха* (28) и *падчерица* (9). Сюжет о мачехе и ее нелюбви к падчерице или пасынку является типичным для сказок всех народов. Курские сказки не стали исключением, образ мачехи в них связан со злом и резко противопоставлен любви и заботе родной матери, выражая мотив «своих» / «чужих» детей:

*У мачехи была падчерица да родная дочка; родная что ни сделает, за все ее глядят по головке да приговаривают: «Умница!» А **падчерица** как ни угождает – **ничем не угодит, все не так, все худо**; а надо правду сказать, девочка была золото, в хороших руках*

она бы как сыр в масле купалась, а у мачехи каждый день слезами умывалась (ЛК II: 7).

Неродственные отношения, возникшие в результате обряда крещения, представлены в курских народных сказках однокоренными терминами *крестная мать* (9), *крестничек* (3), *крестник* (1), а также терминами *кума* (7), *куманек* (3), *кумушка* (2), *кумушка-голубушка* (1). Многие термины, связанные с крещением, являются примерами персонификации животных. Здесь стоит упомянуть типичные для сказочных текстов композиты *лисушка-кумушка* (7), *лисичка-сестричка* (3), *лисичка-свateчка* (2), *лисушка-свашечка* (1).

«Никто из сказочной “галереи образов” не получает столь разнообразные номинации, как лиса <...>. Скорее всего, приложения *сестричка*, *кума* / *кумушка* возникли как результат сложных когнитивных процессов осмысления тотемно-родственных отношений между животными и людьми» [5: 23].

Композит *лисичка-сестричка* (3), несмотря на диминутивный термин родства в структуре, был включен в группу неродственных отношений, так как не подразумевает наличие кровной связи. В этом плане он схож с композитом *батюшка-царь* (2), в семантике которого заложено не кровное, а духовное родство. Царь – глава государства, которого необходимо почитать, как родного отца.

ВЫВОДЫ

Итак, лексика системы родства обладает особой культурологической значимостью, поскольку обозначает самые важные, близкие и понятные социальные связи и отношения, отраженные в фольклорной картине мира. На лексику системы родства наслаиваются многие коннотативные смыслы, культурные стереотипы, установки, которые служат средством выражения моральных и этических идеалов и ценностей народа. Анализ показал, что наиболее распространенными моделями в курских сказках оказались отношения *муж – жена*, *родители – дети*, а также *брат – сестра*, а наиболее частотными – термины, называющие членов этих отношений. В языке курских сказок отражены многие распространенные в других русских сказках мотивы и представления о родстве и семье: как положительные (любовь к детям, почитание родителей, забота о ближнем, взросление и стремление к самостоятельности), так и негативные (трудности взаимоотношений, конкуренция и бытовые конфликты).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БАС – Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. М.; СПб.: Наука, 2004–2021. Вып. 1–27.

ЛК I – Праведников С. П. Лексикографический комплекс фольклорных текстов: Сказки Курского края. Т. I. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2019. 245 с.

- ЛК II – Праведников С. П. Лексикографический комплекс фольклорных текстов: Сказки Курского края. Т. II. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2019. 392 с.
- ЛК III – Праведников С. П. Лексикографический комплекс фольклорных текстов: Сказки Курского края. Т. III. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2020. 349 с.
- ЛК IV – Ковалев А. Е. Лексикографический комплекс фольклорных текстов: Курские сказки 30-х гг. XX в. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2024. 448 с.
- МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык, 1999. Т. 1–4.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2021. Вып. 1–52.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Словарь русских народных говоров. Л.: Наука, 1972. Т. 9. С. 71.
- ² Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. М.; СПб.: Наука, 2008. Т. 10. С. 336, 340.
- ³ Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. М.; СПб.: Наука, 2006. Т. 5. С. 664.
- ⁴ Словарь русских народных говоров. Л.: Наука, 1972. Т. 9. С. 71.
- ⁵ Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык, 1999. Т. 4.
- ⁶ Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. М.; СПб.: Наука, 2010. Т. 14. С. 437.
- ⁷ Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. М.; СПб.: Наука, 2004, 2010. Т. 1. С. 419; Т. 9. С. 490, 601.
- ⁸ Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык, 1999. Т. 4.
- ⁹ Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. М.; СПб.: Наука, 2004. Т. 1. С. 418.
- ¹⁰ Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. М.; СПб.: Наука, 2014. Т. 23. С. 708.
- ¹¹ Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. М.; СПб.: Наука, 2006. Т. 5. С. 128.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алещенко Е. И. Взаимоотношение брата и сестры в русской народной сказке как один из сценариев концепта «семья» // Альманах современной науки и образования. 2007. № 3–1. С. 9–11.
2. Бобунова М. А. *Где муж, там и жена* (наименования супругов в курской необрядовой лирике) // Курское слово. 2009. № 6. С. 69–74.
3. Бобунова М. А. Термины свойства в курском фольклоре // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2023. № 12. С. 43–49.
4. Бобунова М. А. Фольклорная лексикография: становление, теоретические и практические результаты, перспективы. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2004. 240 с.
5. Данилова Ю. Ю., Бубекова Л. Б., Ибрагимова Э. Р. Этнолингвокультурные стереотипы в русских народных сказках о животных // Филология и культура. 2020. № 4 (62). С. 21–28.
6. Климаc И. С. Компаративные и контрастивные характеристики возраста в сказках // Лингвофольклористика. 2021. № 33. С. 29–35.
7. Ковалев А. Е. Лексикографический комплекс фольклорных текстов: Курские сказки 30-х гг. XX в. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2024. 448 с.
8. Кудрейко И. А. Термины родства в славянских языках (на материале русского, украинского, белорусского языков) // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. 2021. № 1. С. 149–156.
9. Мальцева Т. И. К вопросу о составе и особенностях варьирования инициальных формул в русской волшебной сказке // Лингвофольклористика. 2000. № 4. С. 68–75.
10. Осадчева О. Л., Кидямкина С. А., Зленко А. А. О терминах родства в русском языке // Русский язык за рубежом. 2012. № 6 (235). С. 97–102.
11. Праведников С. П. Лексикографический комплекс фольклорных текстов: Сказки Курского края. Т. I. Курск: Изд-во Курского гос. ун-та, 2019. 245 с.
12. Праведников С. П. Лексикографический комплекс фольклорных текстов: Сказки Курского края. Т. II. Курск: Изд-во Курского гос. ун-та, 2019. 392 с.
13. Праведников С. П. Лексикографический комплекс фольклорных текстов: Сказки Курского края. Т. III. Курск: Изд-во Курского гос. ун-та, 2020. 349 с.
14. Сокур Е. А., Адзинова А. А. Микроконцепты «муж» и «жена» в русской лингвокультуре // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2018. № 2 (217). С. 110–115.
15. Толстая С. М. Категория родства в этнолингвистической перспективе (вместо предисловия) // Категория родства в языке и культуре / Отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2009. С. 7–22.

Поступила в редакцию 11.10.2024; принята к публикации 28.04.2025

Original article

Artem E. Kovalev, Postgraduate Student, Teaching Assistant,
Kursk State University (Kursk, Russian Federation)
artem_kovalev_221b@mail.ru

KINSHIP SYSTEM VOCABULARY IN RUSSIAN FOLKLORE (a study of Kursk folk tales)

Abstract. The article is aimed at describing the kinship system vocabulary group represented in Kursk folklore tales based on lexicographic complexes for Kursk folk tales recorded by A. N. Afanasyev and F. Belkin, as well as students and teachers of Kursk State Pedagogical Institute in the 1940s and in 1980. The article provides a classification of kinship terminology, accompanied by a quantitative and semantic analysis of the selected groups and a description of their boundaries and composition. The paper analyzes family relationships commonly mentioned in folklore, their representation in the text by specific lexemes with a description of the features of their compatibility. The relevance of the research is in the description of the folklore linguistic picture of the world – a significant concept of modern linguistic folklore studies. The novelty of the research lies in an attempt to describe the lexical level of Kursk folk tales using new regional texts that have not been studied before. The study demonstrates that the most common models in Kursk folk tales are in-law relationships represented by a *husband – wife* pair, as well as blood relations represented by *parent – child* and *brother – sister* pairs, with lexemes naming members of these relationships being the most frequent ones.

Keywords: linguo-folkloristics, folklore semantics, Kursk folk tale, kinship terms, in-law relationship terms, unrelated relationship terms

For citation: Kovalev, A. E. Kinship system vocabulary in Russian folklore (a study of Kursk folk tales). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(5):21–27. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1196

REFERENCES

1. Aleshchenko, E. I. Relationship between brother and sister in Russian folk tales as one of the scenarios for the “family” concept. *Almanac of Modern Science and Education*. 2007;3–1:9–11. (In Russ.)
2. Bobunova, M. A. The wife is where the husband is (terms for spouses in Kursk non-ritual lyric poetry). *Kurskoe slovo*. 2009;6:69–74. (In Russ.)
3. Bobunova, M. A. Terms for in-law relationships in the folklore of Kursk region. *Social Integration and Development of Ethnic Cultures in the Eurasian Space*. 2023;12:43–49. (In Russ.)
4. Bobunova, M. A. Folklore lexicography: formation, theoretical and practical results, prospects. Kursk, 2004. 240 p. (In Russ.)
5. Danilova, Yu. Yu., Bubekova, L. B., Ibragimova, E. R. Ethnolinguocultural stereotypes in Russian folk fairy tales about animals. *Philology and Culture*. 2020;4(62):21–28. (In Russ.)
6. Klimas, I. S. Comparative and contrastive characteristics of age in folk tales. *Lingvofol'kloristika*. 2021;33:29–35. (In Russ.)
7. Kovalev, A. E. Lexicographic complex of folklore texts: Kursk tales of the 1930s. Kursk, 2024. 448 p. (In Russ.)
8. Kudreiko, I. A. Terms of kinship in Slavic languages (on the material of the Russian, Ukrainian, Belarusian languages). *Bulletin of Donetsk National University. Series D: Philology and Psychology*. 2021;1:149–156. (In Russ.)
9. Maltseva, T. I. Revisiting the composition and peculiarities of variation of initial formulas in Russian fairy tales. *Lingvofol'kloristika*. 2000;4:68–75. (In Russ.)
10. Osadcheva, O. L., Kidyamkina, S. A., Zlenko, A. A. Russian terms of kindred. *Russian Language Abroad*. 2012;6(235):97–102. (In Russ.)
11. Pravednikov, S. P. Lexicographic complex of folklore texts: Tales of the Kursk region. Vol. I. Kursk, 2019. 245 p. (In Russ.)
12. Pravednikov, S. P. Lexicographic complex of folklore texts: Tales of the Kursk region. Vol. II. Kursk, 2019. 392 p. (In Russ.)
13. Pravednikov, S. P. Lexicographic complex of folklore texts: Tales of the Kursk region. Vol. III. Kursk, 2020. 349 p. (In Russ.)
14. Sokur, E. A., Adzinova, A. A. Microconcepts *the husband – the wife* in the Russian culture of language. *Bulletin of Adyghe State University. Series “Philology and the Arts”*. 2018;2(217):110–115. (In Russ.)
15. Tolstaya, S. M. The category of kinship from ethnolinguistic perspective (instead of a preface). *The category of kinship in language and culture*. Moscow, 2009. P. 7–22. (In Russ.)

Received: 11 October 2024; accepted: 28 April 2025

АДА ИГОРЕВНА РЕИНЕР

соискатель Отдела русской исторической лексикологии
и лексикографии
Институт лингвистических исследований Российской академии наук
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
adairein@gmail.com

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ УСТОЙЧИВЫХ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫХ СОЧЕТАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVI–XVII ВЕКОВ

А н н о т а ц и я . Рассматриваются синтаксические свойства устойчивых предложно-падежных сочетаний – воспроизводимых, обладающих семантической и грамматической устойчивостью конструкций, образованных по модели «предлог + падежная словоформа». Исследование проведено на материале делового и обиходного языка Московской Руси, представляющего начальный этап формирования национального русского языка. Источниками послужили исторические словари разных типов, а также старорусский подкорпус Национального корпуса русского языка. На основе исследовательской базы из 483 единиц (более 1500 контекстов их употребления) выявлено 14 % синтаксически полифункциональных устойчивых предложно-падежных сочетаний. Определены группы таких единиц в зависимости от способности реализовать разные синтаксические функции, выделены синкретичные устойчивые предложно-падежные сочетания и формирующиеся функциональные омонимы в русском языке XVI–XVII веков. Результаты исследования могут быть использованы для уточнения лингвистического статуса устойчивых предложно-падежных сочетаний в современной русистике и описания этих единиц в лексикографической практике.

К л ю ч е в ы е с л о в а : устойчивое предложно-падежное сочетание, синтаксическая полифункциональность, синкретизм, функциональная омонимия, историческая фразеология, историческая фразеография, старорусский язык

Д л я ц и т и р о в а н и я : Реинер А. И. Синтаксическая полифункциональность устойчивых предложно-падежных сочетаний в русском языке XVI–XVII веков // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 5. С. 28–35. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1197

ВВЕДЕНИЕ

Деловые и обиходные памятники XVI–XVII веков отражают начальный этап формирования национального русского языка. В этот период происходили активные языковые процессы, в том числе образование устойчивых словесных комплексов (далее – УСК)¹ разных типов. Одни из них сохранились в неизменном виде в современном русском языке или стали «прототипами для образования фразеологизмов» [5: 112] и лексических единиц (наречий, предлогов и др.), известных в настоящее время; другие остались характерны для старорусского языка. В центре внимания настоящего исследования находится один из структурных типов фразеологического фонда Московской Руси (при широком понимании объема фразеологии) – устойчивые предложно-падежные сочетания (далее – УППС). Такие УСК образованы по модели «предлог + падежная

словоформа», обладают воспроизводимостью, устойчивостью, единством значения (при возможной или отсутствующей идиоматичности) (например, *(не) по делом, без ума* и др.).

В настоящем исследовании УППС вместе с контекстами их употребления отобраны методом сплошной выборки из исторических словарей разных типов (общих, региональных, терминологических), представляющих деловой и обиходный язык Московской Руси. В соответствии с обозначенными хронологическими и жанровыми рамками материал был дополнен примерами из старорусского подкорпуса Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ). Всего отобрано и проанализировано 483 УППС и более 1500 контекстов их употребления, из них выявлено 68 полифункциональных УППС (14 % от общего числа), которые являются объектом исследования в настоящей работе.

СПЕЦИФИКА УСТОЙЧИВЫХ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫХ СОЧЕТАНИЙ

В истории языка УППС образуются постепенно из свободных предложно-падежных конструкций за счет их регулярной воспроизводимости, формирования целостного значения, грамматической и семантической устойчивости оборота. Как отмечает Б. А. Ларин, «накопление идиоматичности» происходит постепенно, а «для “созревания” грамматической неразложимости нужны века» [6: 147, 137]. Сложная природа образования УППС и подверженность разным динамическим процессам (лексикализации², грамматикализации³, прагматикализации⁴) поставили перед исследователями проблему определения лингвистического статуса таких единиц. С одной стороны, воспроизводимость, раздельнооформленность, постоянство компонентного состава, целостность значения, а также возможная образность и экспрессивность сближают УППС с фразеологическими единицами (далее – ФЕ) в соответствии с широким пониманием объема фразеологии⁵, в который включаются не только идиомы в узком смысле. Такого «фразеологического» подхода придерживаются А. И. Смирницкий, П. А. Лекант, Л. И. Ройзензон и др. С другой стороны, УППС обладают и признаками лексической единицы: одноударностью [14: 31], способностью соотноситься с определенной частью речи за счет реализации соответствующей синтаксической функции. Например, Р. П. Рогожникова в Толковом словаре сочетаний, эквивалентных слову⁶, соотносит эквиваленты слов (в том числе УППС) с разными частями речи (наречием, предлогом и др.); если частеречную принадлежность определить сложно, то указывает синтаксическую функцию (*к лицу* ‘подходит, идет кому-л.’ отнесено к словам, выполняющим функцию сказуемого; *по существу* ‘на самом деле; в действительности’ – к эквивалентам вводных слов и др.). В связи с этим многие лингвисты являются сторонниками «лексического» подхода и рассматривают УППС как *эквиваленты слов* (наречия, составные предлоги и др.) [10], *слова-гибриды* [11], *неоднословные цельности* [16] и др. Существует и третья, «смешанная» позиция, в соответствии с которой УППС интерпретируются как «самостоятельный класс языковых единиц»: одни из них соотносятся с лексемами, другие – с фразеологизмами⁷.

Однако эти подходы по пониманию лингвистического статуса УППС определились на основе анализа единиц современного состояния русского языка. Как отмечает А. Г. Ломов,

в диахронии УСК вообще «не могут быть рассматриваемы с позиции современного состояния языка», «к ним должно быть иное, специфическое отношение» [8: 301]. В связи с этим исследователи исторической фразеологии придерживаются широкого понимания объема фразеологии и рассматривают не только ФЕ, занимающие ядерное положение во фразеологическом фонде донационального состояния языка (идиомы), но и УСК окооядерной и периферийной зон [15: 52]. Впоследствии УППС способны пополнять классы наречий, предлогов, модальных слов, междометий современного русского языка, а также за счет развития переносной и экспрессивно-оценочной семантики могут становиться идиомами или входить в компонентный состав глагольно-именных ФЕ, развивая преимущественную сочетаемость с определенным глаголом.

Таким образом, в настоящем исследовании устойчивое предложно-падежное сочетание понимается как особый структурный тип, входящий во фразеологический фонд делового и обиходного языка Московской Руси.

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ КАК ОСОБОЕ СВОЙСТВО УСТОЙЧИВЫХ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫХ СОЧЕТАНИЙ

Грамматическая устойчивость предложно-падежного сочетания заключается в закреплении конкретного значения «в определенной синтаксической функции, например, сказуемого, обстоятельства» и др. [7: 263]. Соответственно, способность языковой единицы выражать оттенки значения в разных синтаксических позициях, то есть наличие синтаксической полифункциональности, может указывать на этапы формирования грамматической устойчивости и развитие лексико-грамматических признаков одной или нескольких частей речи. В таком смысле синтаксическая полифункциональность языковых единиц рассматривается в работах В. В. Виноградова, В. В. Бабайцевой, Г. Н. Сергеевой, и это понимание полифункциональности положено в основу настоящего исследования.

Синтаксическая полифункциональность языковых единиц может указывать: 1) на этапы закреплении конкретного значения в определенной синтаксической позиции, что может выражаться в возможности совмещать признаки двух или нескольких функций (лексико-грамматических разрядов) в одной позиции, то есть в синкретичности единицы; 2) на функциональную омонимию, если единица реализует разную семантику (или оттенки значения) в зависимости от синтаксиче-

ской позиции и имеет признаки двух или более частей речи [1: 36], [2: 152–153].

Актуальность исследования синтаксической полифункциональности УППС продиктована необходимостью в изучении явления переходности в диахронии для уточнения лингвистического статуса УППС и в современном русском языке, а также потребностью исторической лексикографии в определении специфики функционирования таких единиц в русском языке XVI–XVII веков с целью их описания, разграничения функциональных омонимов и синкретичных образований. Ниже рассмотрены основные типы синтаксической полифункциональности УППС.

УППС КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО И ПРЕДИКАТ С ДАТЕЛЬНЫМ ПАДЕЖОМ СУБЪЕКТА (17,6 %)⁸

В деловом и обиходном языке Московской Руси обнаруживаются УППС, которые в обстоятельственной позиции характеризуют действие, а в предикативной функции обозначают состояние / отношение / (не)возможность / (не)желание субъекта, выраженного в предложении дополнением в дательном падеже⁹. Например, УППС *по обычаю* способно употребляться в роли обстоятельства в значении ‘так, как принято’ (1) и в функции предиката в значении ‘нравится что-л.’ (2):

1) *И как вошли в полату х королевскому величеству, и посланники, увидя королевское величество, шапки сняли и, пришед х королю блиско рундука, по обычаю поклонились.* НКРЯ: Статейный список П. И. Потемкина (Франция), 1668 г.¹⁰

2) *Тебъ мои сукна по обычаю-ль.* Разговорник Т. Ф., 458, 1607 г. [ПОС¹¹, В. 22: 483]¹².

В таких же функциях употребляются УППС *в (чью-л.) волю* ‘столько, сколько хотелось; вдоволь’ (3) и *(не) в волю* ‘о состоянии (не)желания что-л. сделать’ (4); *(не) по делом* ‘как (не) принято, (не) по правилам’ (5) и ‘(не) по заслугам кому-л.’ (6) и др.:

3) *Всяк там пей и ежь в свою волю, и спи довольно, и прохлаждайся любовно.* Сказ. о роск. житии, 41, XVII в. [СОРЯ¹³, В. 2: 331];

4) *Мнѣ в волю товар иному продать.* Разг. Фенне, 280, 1607 г. [СОРЯ, В. 2: 331];

5) *Делай по делом [ро делот], ино пожалован будешь.* Аноним. разг., 86 об., сер. XVI в. [СОРЯ, В. 5: 131];

6) *Слава всякому человеку по делом его.* Служба кабаку, 49, XVII в. [СОРЯ, В. 5: 131].

УППС в предикативной функции реализуют отличную от обстоятельственной семантику и демонстрируют иные валентные свойства. Та-

ким образом, обстоятельственные УППС (соотносимые с наречиями) и предикативные УППС (близкие словам категории состояния или безличным предикатам) могут интерпретироваться как функциональные омонимы.

УППС КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО И СВЯЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ (14,8 %)

В этой группе представлены УППС, способные в зависимости от контекста быть как обстоятельством, так и служебным словом (чаще всего предлогом). Как известно, составные предлоги в большинстве своем происходят из предложно-падежных форм за счет грамматикализации, подобный переход УППС в предлоги рассматривается в работах Н. А. Каламовой, Е. Т. Черкасовой, Г. А. Шигановой. Как отмечает Е. Т. Черкасова:

«Сущность перехода отдельных форм полнозначных слов в разряд предлогов состоит в том, что они утрачивают грамматические признаки соответствующей части речи... и приобретают грамматические признаки, присущие словам, принадлежащим к разряду предлогов» [13: 15].

Это явление наблюдается в русском языке XVI–XVII веков: например, УППС *в близости* реализует значение ‘рядом’ при употреблении в функциях обстоятельства места (7) и предлога с род. пад. (8); УППС *во время* в функции обстоятельства реализует значение ‘в надлежащее время, своевременно’ (9), в связующей функции – значение ‘на протяжении определенного периода’ (10):

7) *Нѣприятелских людей в близости нет и нѣ слыхат.* Гр. No 155, XVII – н. XVIII вв. [СОРЯ, В. 1: 188];

8) *Отведено имъ стрѣльцомъ въ близости города пашенные земли.* А. Кунг., 272, 1698 г. [СОРЯ, В. 1: 188];

9) *На указных своихъ земляхъ хлѣбъ посягать во время.* Баг. Мат., 16, 1639 г. [СлРЯ¹⁴, В. 3: 109];

10) *Во время увеселительныхъ вечеров.* Пов. о Фроле Скоб., 156, XVII в. [СОРЯ, В. 3: 100].

Таким образом, УППС в обстоятельственной и связующей функции могут соотноситься с разными частями речи (наречием и предлогом), что указывает на функциональную омонимию.

УППС КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО И ПРИСУБСТАНТИВНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ (И/ИЛИ ПРЕДИКАТИВ) (50 %)

УППС этой группы способны употребляться в двух функциях: быть обстоятельством и обозначать признак действия и употребляться как несогласованное определение при обозначении признака предмета. Например, УППС *вне*

ума (своего) и синонимичное *без ума* функционируют как обстоятельство со значением 'поступая безрассудно, в бессознательном состоянии по какой-л. причине' (11), (13) и как несогласованное определение со значением 'не обладающий способностью разумно мыслить, слабоумный; безрассудный' (12), (14):

11) *То де я [В. Горюшкин] государево слово сказаль за собою на нихъ с сердца, вѣньъ ума своего, мстя имъ недружбу.* Сид, 579, 1649 г. [СОРЯ, В. 2: 242];

12) *Детей у него, два сына: Петрушка 15 лет, вие ума, Оска 6 лет.* Томск., 1700 г. [Сл. Том.¹⁵: 291];

13) *А хто без ума на кабаке пропився, деретца, яко в век на дурака тюрьма уготована.* Служба кабаку, 57, XVII в. [СОРЯ, В. 2: 64];

14) *Говориши, што дурак без ума.* Аноним. разг., 32 об., 1568 г. [СОРЯ, В. 1: 102].

В современной русистике сочетания, употребляющиеся в определительной функции, рассматриваются либо как отдельный тип (словоформы с атрибутивным значением) [12: 62], либо в группе наречных сочетаний, обозначающих признак предмета (эту функцию большинство лингвистов считают вторичной, развившейся на основе обстоятельственной, поскольку употребление таких единиц как несогласованных определений часто генетически восходит к глагольным сочетаниям¹⁶).

В деловом и обиходном языке Московской Руси такие УППС обычно полифункциональны и даже синкретичны: одно и то же сочетание может употребляться в обстоятельственной, атрибутивной, предикативной позиции.

15) *[Крестьяне] живутъ въ бѣгахъ.* Шумаков. Акты юрид., 3, 1662 г. [СОРЯ, В. 1: 94];

16) *За бѣглую кабанную жонку, за Анютку Никитину дочь, что вышла в бѣгахъ замужь въ деревню Крутые.* Вкл. Нижегород., 40, 1662 г. [СОРЯ, В. 1: 94];

17) *4 человека в бѣгахъ.* Росп. прид., 124, XVII в. [СОРЯ, В. 1: 94];

18) *Дворъ отъ улицы загороженъ в заметъ.* АМГ III, 27, 1660 г. [СлРЯ, В. 5: 239];

19) *Промеж избы и чулана стѣни в замѣт.* ВПИ-3, № 781, 1, 1695 г. [Сл. Ворон.¹⁷, В. 2: 49].

Например, УППС *в бѣгахъ* может функционировать как обстоятельство места со значением 'там, где кто-л. скрывается' (15), (16) и как предикат с семантикой 'скрывающийся' (17). УППС *в заметъ* аналогично способно характеризовать действие 'путем закладывания жердей, досок между кольями (о способе строительства)' (18) и одновременно реализовать обстоятельственную и атрибутивную функции 'построенный таким способом' (19). В примерах (17) и (19) УППС находятся, скорее, в полупредикативной

позиции («свернутой» предикативности) при опущенном глаголе: *4 человека* (которые находятся) *в бѣгахъ* (обстоятельство места и характеристика субъекта); *стѣни* (которые построены) *в заметъ* (обстоятельство способа действия и признак предмета). Раскрытие «свернутой» предикативности показывает возможность интерпретирования УППС в том числе и как обстоятельства, что указывает на синкретичный характер таких единиц.

Некоторые УППС в деловом и обиходном языке Московской Руси преимущественно употребляются в атрибутивной и/или предикативной функции, но обстоятельственное значение (чаще всего места) может сохраняться за счет локативной семантики предлога: *за (чей-л.) рукой (-ами)* 'подписанный кем-л. (о документе)' (20); *у груди* 'грудной (о ребенке)' (21):

20) *Дали две челобитные за руками.* ПНРЯ, 81, XVII в. [СОРЯ, В. 2: 272]; *Взять отписъ за руками.* Хоз. Мор. II, 133, 1650 г. [СОРЯ, В. 2: 177];

21) *Сына своег Серешку принесла [Татьяна] с собою мала, у груди. недель в дватцать.* МДБП, 233, 1652 г. [СОРЯ, В. 4: 287]; *А дочка твоя мала еще у груди и тоя могут своячины твои возпитат.* В-К III, 19, 1645 г. [СОРЯ, В. 4: 287].

Таким образом, УППС этой группы демонстрируют разные способы выражения значения (в обстоятельственной и атрибутивной функции, в полупредикативной или преимущественно атрибутивной (и/или предикативной позиции)). Степень одновременного выражения обстоятельственной и определительной функции тоже различна, но объединяет эти УППС в одну группу их возможность совмещать эти значения или реализовывать одно из них в зависимости от контекста. Синкретичный характер УППС демонстрирует семантико-синтаксический потенциал этих единиц (возможность характеризовать действие и предмет в зависимости от контекста, реализуя разные оттенки значения), а также процесс формирования вторичной функции наречия (признака предмета) и особой группы УППС (атрибутивных сочетаний).

УППС КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО И ВВОДНОЕ СЛОВО (И/ИЛИ ЭКВИВАЛЕНТ ПРЕДЛОЖЕНИЯ) (17,6 %)

В эту группу входят УППС, способные выступать в обстоятельственной и вводно-модальной функциях. Например, сочетания *в подлинник* 'доподлинно; без сомнения', *без сумнения (сомнения)* 'несомненно', *по грехом* 'по ошибке без умысла; к несчастью, на беду' функционируют как обсто-

яательства (22), (24), (26) и в функции вводного слова (23), (25), (27):

22) *Того де онъ Кипрюшка въ подлинникъ не знаетъ.* ДАИ X, 330, 1684 г. [СлРЯ, В. 15: 278];

23) *Она толкнула Марыца и она де в подлинникъ жеребенка затонула в воду.* КА, 84, 1686 г. [Сл. Перм.¹⁸, В. 2: 49];

24) *Безъ сумнения о такомъ зговоре были бы грамоты учинены на память человекуъ.* Польск.д. I, 526. 1517 г. [СлРЯ, В. 29: 26];

25) *И гетманъ и все войско противъ ляховъ ставились безъ сомнѣния крѣпко.* АЮЗР V, 76, 1661 г. [СОРЯ, В. 9: 121];

26) *Яз того ненарокомъ достѣл, по грѣхомъ [prochrechom] я того достѣл, затемъ на меня не повѣщуй.* Разг. Фенне, 229, 1607 г. [СОРЯ, В. 4: 268];

27) *А своей ми, господине, розъѣждие грамоты передъ тобою положить не мочно: по грехомъ, господине, у меня та грамота згорѣла.* Арх. Стр. I, 154, 1518 г. [СлРЯ, В. 4: 131].

Во многих случаях сложно однозначно определить, к чему относится УППС (к глаголу или всему высказыванию), что может указывать на их синкретичный характер в деловом и обиходном языке Московской Руси.

В эту группу входят и УППС-речевые формулы. С одной стороны, УППС *во здравие* (кому-л.) и *на* (чье-л.) *здоровье* употребляются в качестве обстоятельств 'для хорошего физического самочувствия' (28), (29):

28) *Да челом бью тебѣ гсдрю моему новиною часть винограду астраханског да кадочку медку своего украинского, чтоб вамъ гсдремъ моимъ кушат во здравие.* ПНРЯ, 90, XVII в. [СОРЯ, В. 1: 65];

29) *Послала я [Д. Ларионова] к тебѣ [И. С. Ларионову] друг мои связочку извол носит на здравие и связыват головушку.* ИНРЯ, 66, 1696 г. [СОРЯ, В. 5: 139].

С другой стороны, такие УППС могут функционировать как эквиваленты междометия со значением 'пожелание здоровья при угощении' в позиции вводной (уточняющей) конструкции (30) или слова-предложения как реплика диалога (31):

30) *Буди здоровъ, на твоё здравие* [in salutem tuam, auf euerer gesundheit]. Лудольф, 51, 1696 г. [СлРЯ, В. 5: 365]

31) *Во здравье тебѣ!* Копенг. разг., 33, сер. XVII в. [СОРЯ, В. 3: 244].

Такие УППС фиксируются преимущественно в разговорниках иностранных купцов. В разговорной речи вместо полной конструкции (УППС в сочетании с глаголом) употребляется только УППС, выходящее на коммуникативно-прагматический уровень [9: 19], при этом первичной функцией является обстоятельственная.

Такие УППС со временем способны претерпевать бóльшие изменения за счет десемантизации и прагматикализации [4].

Таким образом, эта группа позволяет увидеть процесс формирования будущих вводно-модальных слов и междометий, или дискурсивных слов, обеспечивающих семантическую связность текста [3: 7–8]. Такие УППС могут не вступать в синтаксические отношения с другими компонентами предложения, однако важны для выражения смысла, поскольку используются, чтобы обозначить позицию говорящего в роли вводно-модальных слов или регулировать процесс общения в качестве реплик.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрение синтаксической полифункциональности УППС в русском языке XVI–XVII веков позволило сделать следующие выводы.

1) Синтаксическая полифункциональность УППС может быть синкретичной, она заключается в способности единицы совмещать несколько функций в одной позиции. УППС, употребляясь в атрибутивной, предикативной или вводной позиции, могут сохранять обстоятельственное значение, но в разной степени. Совмещение признаков обстоятельственной и атрибутивной функции (и/или предикативной) без изменения валентных свойств и семантики демонстрирует развитие вторичной функции наречия (признака предмета) и группы атрибутивных сочетаний. Развитие вводно-модальной функции (и дискурсивной при выходе на коммуникативно-прагматический уровень) происходит на основе обстоятельственной с сохранением значения или с некоторым изменением семантики, что демонстрирует постепенное формирование модальных слов и междометий на базе УППС.

2) Функциональными омонимами в деловом и обиходном языке Московской Руси можно считать УППС, функционирующие как обстоятельства (эквиваленты наречия) и предикаты с дательным падежом субъекта (эквиваленты слов категории состояния), как обстоятельства и связующие элементы (чаще эквивалент предлога). Важное значение для разграничения функциональных омонимов в группе УППС русского языка XVI–XVII веков, наряду с некоторой семантической трансформацией, имеет развитие новых синтаксических отношений с компонентами предложения, что и демонстрируют эти группы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Термин «устойчивый словесный (сверхсловный) комплекс» был предложен в 1969 году А. Г. Ломовым для обозначения устойчивых сочетаний разных типов при их исследовании в диахроническом аспекте. Ломов А. Г. Устойчивые словесные комплексы древнейших русских летописей: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самарканд, 1969. 33 с.
- ² Под лексикализацией понимается «превращение в отдельное знаменательное слово или в другую эквивалентную ему словарную единицу (например, во фразеологизм)». Лопатин В. В. Лексикализация // Большая Российская энциклопедия. Т. 17. М.: Большая Российская энциклопедия, 2010. С. 203.
- ³ Под грамматикализацией понимается «процесс превращения неграмматической единицы языка в грамматическую или развития у языковой единицы большего числа грамматических свойств». Майсак Т. А. Грамматикализация // Большая Российская энциклопедия. Т. 7. М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. С. 615.
- ⁴ Под прагматикализацией понимается процесс перехода лексической единицы на коммуникативно-прагматический уровень языка для выражения реакций говорящего и его отношения к информации (см. [4]).
- ⁵ Лекант П. А., Диброва Е. И., Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В. Современный русский язык: Учебник для вузов / Под ред. П. А. Леканта. М.: Юрайт, 2024. С. 64.
- ⁶ Рогожникова Р. П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову: ок. 1500 устойчивых сочетаний русского языка. М.: ООО «Издательство Астрель», «Издательство АСТ», 2003. 416 с.
- ⁷ Пасечник А. А. Лексикализованные предложно-падежные сочетания и их репрезентация в лексикографии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005. С. 6.
- ⁸ Здесь и далее процентные данные приводятся от общего числа полифункциональных УППС в деловом и обиходном языке Московской Руси.
- ⁹ Панова Г. И. Морфология современного русского литературного языка: Уч. пособие для вузов. М., 2022. С. 239.
- ¹⁰ Здесь и далее при цитировании примеров из НКРЯ приводится название источника в соответствии с данными корпуса и указывается датировка.
- ¹¹ Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–29. Л.; СПб., 1967–2024, издание продолжается (далее – ПОС).
- ¹² При цитировании примеров из словарей-источников в квадратных скобках приводится сокращение словаря, выпуск (если имеется) и номер страницы, где расположена цитата. Возле цитаты указывается сокращение памятника, принятое в словаре-источнике, страница, где находится цитата, и датировка (год, век или период).
- ¹³ Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. (далее – СОРЯ). Вып. 1–9. СПб., 2004–2020 (издание продолжается).
- ¹⁴ Словарь русского языка XI–XVII вв. (далее – СлРЯ). Вып. 1–32. М., 1975–2023 (издание продолжается).
- ¹⁵ Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII вв. (далее – Сл. Том.) / Под ред. В. В. Палагиной, Л. А. Захаровой. Томск, 2002.
- ¹⁶ Панова Г. И. Морфология современного русского литературного языка: Учеб. пособие для вузов. М.: Юрайт, 2022. С. 221–222.
- ¹⁷ Хитрова В. И. Словарь воронежской деловой письменности XVII–XVIII вв. (далее – Сл. Ворон.). Т. 1–4. М., 2022–2023.
- ¹⁸ Словарь лексики пермских памятников XVI – начала XVIII в. (далее – Сл. Перм.) / Сост. Е. Н. Полякова. Т. 1–2. Пермь, 2010.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабайцева В. В. Зона синкретизма в системе частей речи современного русского языка // Филологические науки. 1983. № 5. С. 35–42.
2. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматическом строе русского языка // Избранное. 1955–2005: Сборник научных и научно-методических статей. М.; Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005. С. 150–158.
3. Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993. 207 с.
4. Богданова-Бегларян Н. В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 3 (27). С. 7–20.
5. Генералова Е. В., Зиновьева Е. И. Истоки русской фразеологии: устойчивые сочетания языка делового и повседневного общения Московской Руси XVI–XVII вв. СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2024. 462 с.
6. Ларин Б. А. Очерки по фразеологии (о систематизации и методах исследования фразеологических материалов) // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание (Избранные работы). М.: Просвещение, 1977. С. 125–149.

7. Лекант П. А. К вопросу о минимальной единице фразеологии // Лекант П. А. Очерки по грамматике русского языка. М.: Изд-во МГОУ, 2002. С. 258–265.
8. Ломов А. Г. К вопросу об устойчивых словесных комплексах в древнейших русских летописях // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц: Материалы межвузовского симпозиума. Тула, 1968. С. 300–303.
9. Рейнер А. И. Устойчивые предложно-падежные сочетания, соотносимые с междометиями и модальными словами, в деловом и обиходном языке Московской Руси XVI–XVII вв. // Филологический аспект. 2024. № 09 (113). С. 14–20.
10. Рогожникова Р. П. Об основных единицах описания в толковых словарях русского языка // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2008. Т. 4, № 3. С. 33–40.
11. Сергеева Г. Н. Образования предложного типа и слова-гибриды // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2022. № 3 (11). С. 11–15. DOI: 10.18572/2687-0339-2022-3-11-15
12. Сергеева Г. Н. Предложно-падежные словоформы с атрибутивным значением (об одной структурно-семантической разновидности «эквивалентов слова») // Сергеева Г. Н. Лексикализованные словоформы: динамика языкового развития: избранные работы: к 60-летию кафедры русского языка. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2017. С. 62–69.
13. Черкасова Е. Т. Переход полнозначных слов в предлоги. М.: Наука, 1967. 280 с.
14. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. СПб.: Спец. лит., 1996. 192 с.
15. Шулержкова С. Г. Проблемы создания Большого фразеологического словаря старославянского языка в условиях цифровой культуры // Лексикография цифровой эпохи: Сб. материалов Междунар. симп. Томск, 2021. С. 51–54. DOI: 10.17223/978-5-907442-19-1-2021-15
16. Ягунова Е. В. Неоднословные целостности в словаре и в корпусе // Труды Международной конференции «Корпусная лингвистика – 2006». СПб., 2006. С. 395–412.

Поступила в редакцию 28.11.2024; принята к публикации 28.04.2025

Original article

Ada I. Reiner, Cand. Sc. Applicant, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)
adairein@gmail.com

SYNTACTIC POLYFUNCTIONALITY OF STABLE PREPOSITIONAL COMBINATIONS IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE XVI–XVII CENTURIES

Abstract. The article deals with the syntactic properties of stable prepositional combinations – semantically and grammatically stable reproducible constructions formed according to the model “preposition + case word form”. The study was conducted with the material of official and everyday language of Moscow Russia, representing the initial stage of formation of the national Russian language. The sources included historical dictionaries of various types, as well as the Old Russian Subcorpus of the Russian National Corpus. Based on the research base of 483 units (with more than 1500 usage contexts), 14% of syntactically polyfunctional stable prepositional combinations were identified and classified into groups depending on their ability to perform different syntactic functions. Additionally, syncretic stable prepositional combinations and emerging functional homonyms in the Russian language of the XVI–XVII centuries were singled out. The results of the study can be used to clarify the linguistic status of stable prepositional combinations in modern Russian studies and to describe these units in lexicographic practice.

Key words: stable prepositional combinations, syntactic polyfunctionality, syncretism, functional homonymy, historical phraseology, historical phraseography, Old Russian language

For citation: Reiner, A. I. Syntactic polyfunctionality of stable prepositional combinations in the Russian language of the XVI–XVII centuries. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(5):28–35. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1197

REFERENCES

1. Babaytseva, V. V. The zone of syncretism in the system of parts of speech of the modern Russian language. *Philological Sciences*. 1983;5:35–42. (In Russ.)
2. Babaytseva, V. V. Transitivity in the grammatical structure of the Russian language. *Selected works. 1955–2005: Collection of research and methodology articles*. Moscow; Stavropol, 2005. P. 150–158. (In Russ.)
3. Baranov, A. N., Plungian, V. A., Rakhilina, E. V. Guide to discursive words of the Russian language. Moscow, 1993. 207 p. (In Russ.)
4. Bogdanova-Beglaryan, N. V. Pragmatic items in everyday speech: definition of the concept and general typology. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 2014;3(27):7–20. (In Russ.)

5. Generalova, E. V., Zinovyeva, E. I. The origins of Russian phraseology: stable combinations of the language of business and everyday communication of Moscow Russia in the XVI–XVII centuries. St. Petersburg, 2024. 462 p. (In Russ.)
6. Larin, B. A. Essays on phraseology (about the systematization and methods of research of phraseological materials). *Larin, B. A. History of the Russian language and general linguistics (selected works)*. Moscow, 1977. P. 125–149. (In Russ.)
7. Lekant, P. A. Revisiting the issue of the minimal phraseological unit. *Lekant, P. A. Essays on the grammar of the Russian language*. Moscow, 2002. P. 258–265. (In Russ.)
8. Lomov, A. G. Revisiting the issue of stable word complexes in the most ancient Russian chronicles. *Problems of stability and variability of phraseological units: Proceedings of the interuniversity symposium*. Tula, 1968. P. 300–303. (In Russ.)
9. Reiner, A. I. Stable prepositional combinations, correlated with interjections and modal words, in the business and common language of Moscow Russia of the 16th–17th centuries. *Filologicheskiy aspekt*. 2024;09(113):14–20. (In Russ.)
10. Rogozhnikova, R. P. The basic units of description in explanatory dictionaries of the Russian language. *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*. 2008;3:33–40. (In Russ.)
11. Sergeeva, G. N. The formations of prepositional type and blendwords. *Professors Journal. Series: Russian Language and Literature*. 2022;3(11):11–15. DOI: 10.18572/2687-0339-2022-3-11-15 (In Russ.)
12. Sergeeva, G. N. Prepositional case word forms with attributive meaning (one structural-semantic variety of “word equivalents”). *Sergeeva, G. N. Lexicalized word forms: dynamics of linguistic development: selected works: celebrating the 60th anniversary of the Russian Language Chair*. Vladivostok, 2017. P. 62–69. (In Russ.)
13. Cherkasova, E. T. Transformation of full notional words into prepositions. Moscow, 1967. 280 p. (In Russ.)
14. Shansky, N. M. Phraseology of the modern Russian Language. St. Petersburg, 1996. 192 p. (In Russ.)
15. Shulezhkova, S. G. The challenges of creating *The Big Phraseological Dictionary of the Old Church Slavonic Language* in the age of digital culture. *Lexicography of the digital age: Proceedings of the international symposium*. Tomsk, 2021. P. 51–54. DOI: 10.17223/978-5-907442-19-1-2021-15 (In Russ.)
16. Yagunova, E. V. Multiword expressions in the dictionary and in the corpus. *Proceedings of the international conference “Corpus Linguistics – 2006”*. St. Petersburg, 2006. P. 395–412. (In Russ.)

Received: 28 November 2024; accepted: 28 April 2025

ЛИЛИЯ МАРАТОВНА САФИНА

аспирант отделения иностранных языков (ШОН)
Национальный исследовательский Томский политехниче-
ский университет
(Томск, Российская Федерация)
safinal.8585@gmail.com

ПЕРЕДАЧА ОБСЦЕНИЗМОВ ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «ТАРАС БУЛЬБА» В АНГЛИЙСКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ПЕРЕВОДАХ

А н н о т а ц и я . Предметное содержание повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» в последние годы находится в центре информационно-политических дискуссий на фоне разворачивающихся в современной России геополитических событий: трактовка исторического контекста значительно варьируется в зависимости от политической мотивации фабулы. В рамках изменяющихся требований к переводу проблема применения переводчиками стратегий сближения (конвергенции) и отдаления (дивергенции) в отношении первоисточника приобретает особую актуальность. Целью статьи является определение конвергентных и дивергентных стратегий перевода путем сопоставления передачи различных выразительных средств, одним из которых является обсценная лексика. Приводится сопоставительный анализ обсценизмов предметно-тематической группы «животные» в количестве 20 лексических единиц на основе десяти английских и французских объектов перевода. Исследование единиц указанной группы с доминантами «собака – собачий» в тексте оригинала, обеспечивающих произведению локальный колорит, обнаруживает в англо-французских транслятах преимущественно конвергентную тенденцию (90 %). Избрание переводчиками стратегии конвергентности на уровне текста в отношении инвективной лексики обусловлено в целом единой национально-культурной спецификой анализируемых понятий в языках перевода, а следовательно, и наличием соответствующих эквивалентов. Выявлено, что конвергентность на уровне слова и содержания также позволяет осуществить более качественный перевод и наиболее полно воспроизвести оригинальный авторский замысел выразительными средствами языка перевода.

К л ю ч е в ы е с л о в а : конвергенция, дивергенция, доместикация, обсценизмы, стратегии перевода, повесть Н. В. Гоголя «Тарас Бульба», английский, французский языки

Д л я ц и т и р о в а н и я : Сафина Л. М. Передача обсценизмов повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» в английских и французских переводах // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 5. С. 36–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1193

ВВЕДЕНИЕ

Монологическая и диалогическая речь персонажей в художественном языке повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» насыщена определенной долей ненормативной лексики, или обсценными словами и выражениями, характерными для казаков Запорожской Сечи. В интерпретации Ю. В. Кобенко, обсценизмы являются выразительными средствами создания локального (народного) колорита с вульгарным, грубым оттенком, служащими маркерами несдержанности или классовой нетерпимости [8: 29]. По определению Ю. И. Левина, обсценизм – это вербальный акт, реализация которого маркирует конфликт с нормативными рамками и служит инструментом провокации, самоидентификации маргинальных групп или создания эмоционального

шока [10: 45]. Указанная лексическая единица, обладающая максимальной экспрессивностью, относится к группе средств с социальными ограничениями и обозначается ненормативной (обсценной, бранной) лексикой [11: 338]. Ввиду разнообразия ее наименований в русскоязычной культуре В. И. Жельвис предлагает условное разделение бранной лексики на три группы – табуирование, обзывание и гневные восклицания с учетом возможности их пересечения [5: 111]. Ю. Д. Апресян указывает на двойную семантическую нагрузку обсценных слов и выражений: номинативную (обозначение табуированного объекта) и прагматическую (выражение агрессии, презрения или иронии) [1: 332]. Как отмечает В. В. Сдобников, сниженная лексика в художественном произведении выполняет ряд функций:

эмоционально-экспрессивную (доминантную), функцию оценки, речевой характеристики, стилиобразующую функцию¹. М. А. Кронгауз рассматривает мат как специфическую, отдельную категорию особенно грубой лексики, относя ее к «уникальной языковой и культурной системе с большим количеством разнообразных функций» [9: 109].

Ввиду высокой актуальности идейно-тематической составляющей исследуемой повести в современном медиапространстве, а также в контексте возрастающих требований к переводу, стратегии конвергенции и дивергенции предметного содержания текста перевода по отношению к тексту оригинала приобретают особое значение. Фактически конвергенция, означающая лояльность нарративной парадигме повести, выходит за рамки собственно лингвистической плоскости и становится одним из инструментов медийной борьбы [14: 49]. Основой для сравнения в данном исследовании, согласно концепции американского лингвиста Л. Венути, выступают приемы доместикации и форенизации, выражающиеся в адаптации или заимствовании иноязычных слов и обозначаемых ими понятий, выражений [16]. Для анализа способов перевода средств создания колорита как составляющей стратегий конвергентного или дивергентного перевода используются алгоритмы передачи национально-культурных единиц перевода, предложенные болгарскими исследователями С. Влаховым и С. Флориным:

1. Функциональный аналог или уподобление (Ан).
2. Калькирование (К).
3. Транслитерация или транскрибирование (Тр).
4. Лексико-семантические замены (ЛСЗ):
 - а) генерализация (гиперонимический перевод);
 - б) конкретизация (гипонимический перевод);
 - в) модуляция (метафорические, метонимические замены);
5. Описание, дескрипция (О);
6. Опущение (Оп);
7. Ошибки в переводе (лексико-семантические, то есть смысловые) (Ош) [3: 135].

Обозначенные выше стратегии и приемы передачи предметного содержания повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» составляют предмет настоящей статьи. Объект образует бинарная группа из 20 эквивалентов обсценных слов и выражений, зафиксированных в 10 текстах перевода на английский и французский языки. В работе использованы обще- и частнонаучные методы: к общенаучным принадлежат методы логики (анализ, индукция, сравнение, группировка) и статистики (метод выборки, сопоставительный анализ);

ключевым частнонаучным методом выступает синхронный анализ, предполагающий соотношение специфики различных стратегий перевода обсценизмов в рамках фиксированного сопоставления англо- и франкоязычных версий повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба».

Материалом для анализа наряду с оригиналом повести (1842)² послужили переводы Б. Бэкервилле³, К. Гарнетт⁴, О. Горчакова⁵, Дж. Курноса⁶, И. Хэпгуд⁷, М. Окутюрье⁸, Ж. Приэль⁹, С. Татарула¹⁰, Л. Виардо¹¹, И. де Витте¹².

СТРАТЕГИИ ПЕРЕДАЧИ ОБСЦЕНИЗМОВ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Рассмотрение группы обсценизмов с доминантой «собака – собачий»

Исследование показало, что в тексте повести чаще всего применяются сравнения с животными, при этом бранные выражения «собака», «собачий сын» встречаются в произведении 35 раз. Указанная ненормативная лексика употребляется главным героем и другими казаками преимущественно в отношении противников – «жидов, ляхов, татар» и снабжена главным образом пейоративными оттенками экспрессивно-семантической окраски. В речи казаков сопоставление с собакой представляет граничащее с несдержанной бранью тяжелое оскорбление. И. И. Срезневский указывает, что «собака», «пёс» в древнерусских текстах обозначали образ врага или предателя (напр., в «Слове о полку Игореве»: «поганые сыны псови»)¹³. Словарь В. И. Даля отмечает употребление выражений «собачья душа», «собачий сын» как тяжкое оскорбление¹⁴. Таким образом, сравнение с собакой используется в тексте для характеристики морально-волевых качеств персонажей-антагонистов и выступает образцом низости, подлости, недостойного поведения [6: 4]. К обсценизмам, связанным с образом собаки, в повести относятся также эпитеты «рас/собачий сын», «сукин сын». Отметим, что указанные выражения соотносятся с понятием «инвектива» (лат. *invectiva* 'бранная речь'): по сравнению с бранью инвективная лексика направлена на стремление понизить социальный статус человека [7: 337]. По мнению Е. В. Вырощевой и Е. А. Щегловой, речевая агрессия (грубые, просторечные выражения, навешивание ярлыков) становится частью своеобразной языковой игры автора, эксплицитным способом оценки персонажа [4: 36].

Обсценизм в составе сравнительной конструкции выступает в тексте произведения в форме фразеологизмов: «пропал, как собака», «кинуть, как собаку», «голодные, как собаки», «повесят,

как собаку», «как собаку за шеяку...». Противники-поляки также употребляют данный обсценнизм, ср.: «Попалась ворона! – кричали ляхи. – Теперь нужно только придумать, какую бы ему, собаке, лучшую честь воздать».

Употребление обсценнизма «собака» в зависимости от контекста может иметь неоднозначную экспрессивно-семантическую окраску, ср.: «Вишь, какой батько!.. все старый, собака, знает»; «...принимай же честь, собака, когда тебе дают ее!». В обозначенных примерах употребление бранного выражения между главными героями-протагонистами в первом случае имплицитно выражает шутливое, родственное одобрение, товарищеский характер. Использование казаками соответствующего инвектива в эпизоде с выбором кошевого обусловлено не столько желанием оскорбить товарища, сколько чувством церемониального долга и демонстративного дружеского негодования. В указанных случаях обсценнизм несет не оценочную, а дезинтегративную функцию, характеризующую представителей маргинальных культур, к которым можно отнести и воин-

ствующее казачье сообщество эпохи Средневековья.

В современном обществе понятие «собака» имеет скорее положительное значение, однако язык сохраняет пейоративную коннотацию, зафиксированную словарными пометами «бран., руг., ирон.-шутл.» для следующих выражений: «собачье дерьмо», «к чертям собачьим!», «не твое собачье дело», «Ах ты, собака сутулая!» и др.¹⁵ Таким образом, наблюдается тенденция, когда повсеместное использование инвектив ведет к постепенной утрате ими бранного значения и трансформирует характерную лексику в общеупотребительные слова-паразиты с полной или частичной делексикализацией [12: 73].

Рассмотрим варианты передачи обсценнизмов: 1) «собака», 2) «собачий сын» в английских и французских переводах повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» (табл. 1). Отметим, что в рамках исследования проанализировано употребление бранной лексики в составе следующих контекстных фрагментов:

1) «...Ты врешь, собака!»

2) «...что ж ты, собачий сын, не колотишь меня?»

Таблица 1

Английские переводы обсценнизмов с лексемой «собака – собачий»

Table 1

English translations of obscenities with the lexeme “dog – canine”

Переводчик	Перевод № 1	Перевод № 2
Б. Бэкервилле	Thou liest, thou dog! (Ан)	Come now, thou hound's son , art going to fight me too? (К)
Дж. Курнос	You lie, dog! (Ан)	Why don't you fight me? You son of a dog? (К)
К. Гарнетт	You are lying, you cur! (ЛСЗ)	Why you don't pommel me, you son of a bitch? (Ан)
О. Горчаков	You lie, dog! (Ан)	Come now, you hound's son , aren't you going to give me a drubbing? (К)
И. Хэпгуд	You lie, dog! (Ан)	How about you, you son of a dog – why don't you also give me a licking? (К)

Для трансляции обсценнизма «собака» английские переводчики используют domesticiрованные аналоги и лексико-семантические замены: «dog» ('собака, самец'), «hound» ('гончая, охотничья собака'), «cur» ('шавка, дворняга'). В большинстве англоязычных стран исследуемое понятие не несет негативного значения и, соответственно, воспринимается нейтрально, то есть как единица общеупотребительной лексики. Исключения составляют несколько идиом, где лексема «собака» является ударной: «be as sick as a dog» ('скверно себя чувствовать'), «throw to the dogs» ('бросить к чертям собачьим'), «go to the dogs»¹⁶ ('псу под хвост'). Однако использование лексемы в негативной коннотации также допускается в современной медиакоммуникации.

К примеру, американский политик в должности президента США Дональд Трамп, комментируя гибель сирийского политического лидера Аль-Багдади в 2019 году, выразился следующим образом: «He died like a dog, a coward» ('Он умер, как пес, он умер, как трус')¹⁷.

Передача бранного выражения «сукин сын» в форме «son of a dog», «hound's son» является форенизированной калькой. В данном случае наиболее адекватен оригиналу эквивалентный обсценнизм «son of a bitch» в переводе К. Гарнетт. Слово «bitch» в исходном значении 'самка семейства псовых' в разговорной речи зачастую употребляется как оскорбление преимущественно в отношении женского пола (груб. 'сука, дрянь, стерва').

Таблица 2

Французские переводы обсценизмов с лексемой «собака – собачий»

Table 2

French translations of obscenities with the lexeme «dog – canine»

Переводчик	Перевод № 1	Перевод № 2
М. Окутюрье	Tu mens, chien! (Ан)	Tu ne viens pas me rosser, fil de chien? (К)
Ж. Приэль	Tu mens, chien! (Ан)	Comment se fait-il, fil de chien , que tu ne me cognes pas? (К)
С. Татарула	Tu mens, chien! (Ан)	Pourquoi ne te bats-tu pas, toi aussi, avec moi? (Он)
Л. Виардо	Tu mens, chien! (Ан)	Pourquoi, fil de chien , ne me rosse-tu pas aussi? (К)
И. де Витте	Tu mens, chien! (Ан)	Pourquoi ne me bats-tu pas, chenapan? (ЛСЗ, Ош)

Из табл. 2 следует, что все французские переводчики транслируют domesticiрованный аналог «chien» (собака, пес, сука). В словаре Французской академии (*Dictionnaire de l'Académie française*)¹⁸ XVIII века обращение к человеку «собака» в переносном смысле отмечено как презрительное, оскорбительное выражение в отношении кого-либо. Во французском тезаурае также сохранены следующие фразеологические единицы с лексемой «собака» в отрицательном значении: «un temps de chien» ('мерзкая, собачья погода'), «travail de chien» ('собачья, то есть унижительная, работа'), «un caractère de chien» ('собачий, ненавистный характер'). Сравнение человека с собакой в отрицательном значении характерно как для древнерусского эпоса, так и античного европейского фольклора, отражающего истоки негативного народного отношения к этому домашнему животному. В статье французской газеты «Le Parisien» со ссылкой на философа и автора книги «Собаки» М. Ализара приводится пример:

«Во времена язычества собака могла служить защитником воина, домашним стражем, а при монотеизме человека стали расценивать как “domini canis” (пес божий). Подобное сравнение бессознательно было невыносимо для человека, и тот стал дистанцироваться от собаки, принижать ее положение»¹⁹.

Следует отметить, что в современном французском языке понятие «собака» не имеет негативных коннотаций.

Обсценизм «собачий сын» во всех французских переводах представлен форенизированной калькой инвектива «сукин сын» – «fil de chien», вместо аналогичного соответствия «fils du chienne» (chienne – 'собачья сука') или еще более грубого французского вульгаризма «fils de pute» (pute – 'шлюха'). Исключение составляет лексико-семантическая замена перевода И. де Витте – «chenapan» в разговорном значении 'лодырь',

'шалопай'²⁰. С. Татарула применяет контекстуальный перевод, демонстрируя пропуск (опущение) лексемы из приводимого контекста.

Таким образом, все 20 исследованных лексических единиц, содержащих ключевую лексему «собака», переведены как с помощью domestикации (функциональные аналоги, гиперонимический перевод, опущение) – 60 %, так и посредством форенизации (способ калькирования) – 40 %, как показано на рис. 1.

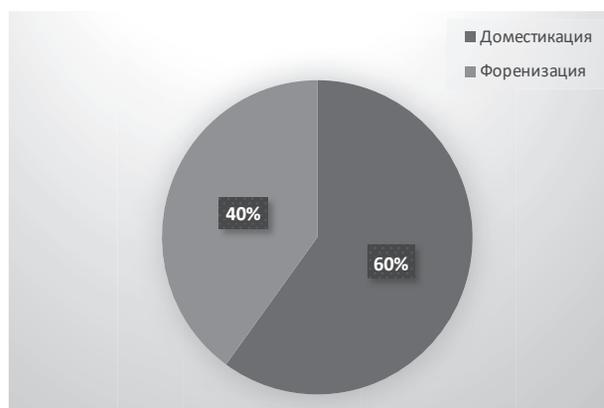

Рис. 1. Соотношение domestикации и форенизации обсценизмов

Figure 1. Ratio between domestication and foreignization of obscene words

Согласно рис. 2, подавляющее большинство проанализированных единиц перевода (90 %) конвергентны подлиннику на уровне слова и текста. Дивергентность на уровне слова зафиксирована в передаче лексемы «chenapan» ('лодырь, шалопай'), не совпадающей с лексической единицей оригинала по предметно-тематической группе, так как основанием для сравнения послужило противопоставление по морально-волевым качествам человека. Отхождение от текста оригинала выявлено также в случае пропуска обсценизма «собачий сын» из французской версии перевода (см. табл. 2, рис. 2).

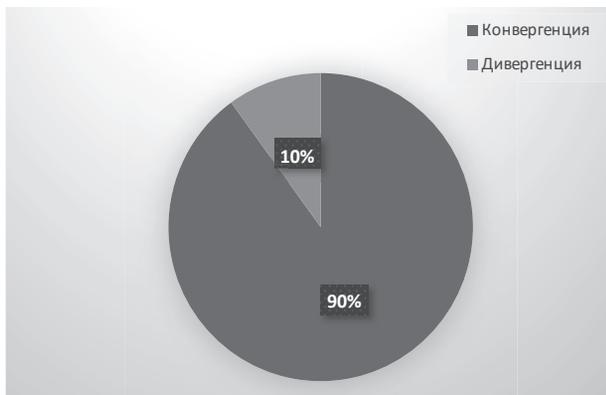

Рис. 2. Соотношение конвергенции и дивергенции обсценизмов

Figure 2. Ratio between convergence and divergence of obscene words

Результаты анализа иллюстрируют, что стратегия конвергентности на уровне текста обусловлена в целом единой национально-культурной спецификой анализируемых понятий в исследуемых языках, а следовательно, и наличием в языках перевода соответствующих функциональных аналогов или эквивалентов. Стратегия дивергентности вызвана пропуском обсценизма, некорректным применением доместикации (способа лексико-семантической замены), повлекшими смысловые ошибки в транслатах.

Необходимо отметить, что исследуемые обсценизмы в разных словарях отмечены как грубые, просторечные и разговорные выражения. К однозначным вульгаризмам лексемы «собака» и ее производные могут быть отнесены исключительно с точки зрения соответствия предметному содержанию повести: действие происходит в эпоху Средневековья (XIII–XV века), когда аналогичные инвективы имели непосредственно религиозный подтекст. Как отмечает И. Пильщикова, для понимания произведений Н. В. Гоголя читателю необходимо ознакомление с характерными группами языковых и социально-культурных явлений, в которые входят, в частности, идиоматическая фразеология и намеки на религиозные обычаи и христианские ритуалы [15: 32]. Неоднородность разговорной речи, к которой относится и инвективная лексика повести, различается степенью литературности и экспрессивно-эмоциональными нюансами [12]. В эпоху создания повести исследуемые бранные выражения («собака», «собачий сын») приобретают на шкале оттенков экспрессивно-семантической окраски все более разговорный характер, приближающий их использование к рамкам допустимости в художественных текстах как элементов стилистической дифференциации при контекстной оправданно-

сти [2: 92]. Конвергентность представленных переводов в отношении передачи локального колорита также проявляется через предпочтение переводчиков выбрать не грубые современные аналоги, а их книжные (печатные) соответствия. Таким образом, в представленных переводах можно наблюдать явление частичной эвфемизации – замены грубых, неприличных выражений (коммуникативных табу) на эмоционально нейтральные аналоги [13: 106].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках метода синхронного анализа в отношении группы обсценизмов «собака – собачий» выявлены доминирующие переводческие тенденции через количественную оценку конвергентных (90 %) и дивергентных (10 %) подходов. В результате исследования зафиксировано преобладание стратегий, ориентированных на сохранение семантики и национально-исторического (локального) колорита лексических единиц оригинала. Выбор стратегии обоснован наличием функциональных аналогов и эквивалентов в языках перевода, что подчеркивает роль универсальных культурных концептов в преодолении лингвистических барьеров. Вычисленное соотношение доместикации (60 %) и форенизации (40 %) позволяет оценить степень культурно-языковой адаптации единиц перевода, указывая на соблюдаемый переводчиками баланс между локализацией и сохранением экспрессивных особенностей оригинала.

Несмотря на хронологический разброс исследуемых переводов (1853–2004 годы), синхронный анализ акцентировал стабильность переводческих решений, обусловленную устойчивостью пейоративных коннотаций обсценных лексем в рамках национально-культурных парадигм.

Исходя из результатов исследования, можно констатировать целесообразность применения параметра конвергентности, так как данная стратегия позволяет осуществить более качественный перевод и воспроизвести оригинальный авторский замысел средствами языка транслата. Однако в случае с переводом обсценизмов противоречие может возникнуть в морально-этической плоскости их передачи в качественном и количественном отношении. Ввиду данного аспекта, несмотря на искажающий характер дивергенции в отношении реалионимов исходного текста, стратегический выбор остается в компетенции переводчика, чье решение должно учитывать как лингвистические параметры, так и социокультурные традиции целевой аудитории.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Сдобников В. В. Проблемы передачи функций стилистически сниженной лексики в переводе художественного текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1992. 24 с.
- ² Гоголь Н. В. Миргород. Полное собрание сочинений: В 14 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 2. С. 5–94.
- ³ Gogol N. V. Taras Bulba. A story of the Dnieper Cossacks. (B. C. Backerville, Trans.). London: The Walter Scott Publishing Co; New York, 1907. 295 p.
- ⁴ Gogol N. V. Taras Bulba and other stories by Nikolai Gogol. (C. Garnett, Trans.). New York: A Washington Square Press Book, 1962. 292 p.
- ⁵ Gogol N. V. Taras Bulba. (O. A. Gorchakov, Trans.). Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1955. 143 p.
- ⁶ Gogol N. V. Taras Bulba, and other tales. London: Dent; New York: Dutton, 1930. 311 p.
- ⁷ Gogol N. V. Taras Bulba, a tale of the Cossacks. (I. F. Hapgood, Trans.). London: Harper; New York, 1915. 284 p.
- ⁸ Gogol N. V. Taras Bulba. (M. Aucoeur, Trad.). Paris: Gallimard, 2004. 250 p.
- ⁹ Gogol N. V. Tarass Boulba. (J.-Priel, Trad.). Paris: Émile, Paul, 1935. 223 p.
- ¹⁰ Gogol N. V. Tarass Boulba: Roman. (S. Tataroula, Trad.). Paris: Ardent, 1945. 238 p.
- ¹¹ Gogol N. V. Tarass Boulba. (L. Viardot, Trad.). Paris: Hachette, 1853. 215 p.
- ¹² Gogol N. V. Tarass Boulba. (H. de Witte, Trad.). Paris: Libr. Plon, 1956. 186 p.
- ¹³ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т. Т. 3. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1893. С. 385.
- ¹⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М.: Русский язык, 1998. 688 с.
- ¹⁵ Мокиенко В. М. Словарь русской брани: Справочное издание. СПб.: Норинт, 2004. 448 с.
- ¹⁶ Мюллер В. К. Базовый англо-русский словарь. М.: Эксмо, 2014. 799 с.
- ¹⁷ Trumpwhitehouse.archives.gov. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-death-isis-leader-abu-bakr-al-baghdadi/> (accessed 11.11.2024).
- ¹⁸ Dictionnaire de l'Académie française. Available at: <https://archive.org/details/dictionnaire187902acad/page/38/mode/2up?q=chien/> (accessed 11.11.2024).
- ¹⁹ Le parisien. 21.05.2022. Available at: <https://www.leparisien.fr/animaux/nom-dun-chien-pourquoi-le-meilleur-ami-de-lhomme-est-maltraite-par-la-langue-francaise-21-05-2022 J3Q3KI7GE5E2TC5GXRMG7MZMCM.php/> (accessed 11.11.2024).
- ²⁰ Гак В. Г., Триумф Ж. Французско-русский словарь активного типа: Справочное издание. М.: Дрофа, 2008. 1055 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II: Интегральное описание языка. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.
2. Великов В. И., Крысин Л. П. Социоллингвистика. М.: Юрайт, 2018. 338 с.
3. Влахов С., Флорин С. Непере译димое в переводе. М.: Высш. шк., 1986. 416 с.
4. Выровцева Е. В., Щеглова Е. А. Языковая игра как средство комического в современном медиадискурсе // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 1. С. 31–40. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.565
5. Жельвис В. И. «Грубость»: проблемы классификации лексики // Вопросы психолингвистики. 2008. № 7. С. 109–113.
6. Кадимов Р. Г., Маллалиев Г. Н. Прием сравнения в поэтике повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. 2009. № 2 (7). С. 50–54.
7. Кан Е. В., Шумейко Ю. А. Лексические особенности разговорной речи в тексте повести Н. В. Гоголя «Майская ночь, или Утопленница» // Филологический аспект. 2016. № 7 (15). С. 55–59 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://scipress.ru/philology/articles/leksicheskie-osobennosti-razgovornoj-rechi-v-tekste-rovosti-nv-gogolya-majskaya-noch-ili-utoplennitsa.html> (дата обращения 23.11.2024).
8. Кобенко Ю. В. Теоретические основы функциональной стилистики: Учебник. Томск: Изд-во Томского политехнического ун-та, 2023. 296 с.
9. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Знак: Языки славянских культур, 2007. 232 с.
10. Левин Ю. И. О семиотике искажения речи // Левин Ю. И. Избранные труды. М.: Шк. «Языки рус. культуры»; Кошелев, 1998. С. 45–48.
11. Озерский А. В., Сорокина Н. В. Ненормативная лексика в английском и русском художественном дискурсе // Современное педагогическое образование. 2023. № 5. С. 337–341.
12. Панкратова С. А. Инвективная лексика в зарубежном кинодискурсе последней декады // СибСкрипт. 2023. Т. 25, № 1. С. 66–74. DOI: 10.21603/sibscript-2023-25-1-66-74
13. Салимова Г. Н. Эвфемизация коммуникативных табу // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2023. Т. 158, № 5. С. 104–107.
14. Сафина Л. М., Кобенко Ю. В. Особенности перевода военно-административных и военно-политических реалионимов в повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» (на материале английского, французского, татарского языков) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 3 (227). С. 48–57. DOI: 10.23951/1609-624X-2023-3-48-57
15. P ilshchikov I. Gogol's "The Nose". Between linguistic indecency and religious blasphemy // Religions. 2021. № 12 (8). С. 1–32. DOI: 10.3390/rel12080571
16. Venuti L. The translator's invisibility. A history of translation. London: Routledge, 1995. DOI: 10.4324/9780203360064

Поступила в редакцию 02.12.2024; принята к публикации 28.04.2025

Liliya M. Safina, Postgraduate Student, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation)
safinal.8585@gmail.ru

TRANSLATING OBSCENE WORDS IN NIKOLAY GOGOL'S SHORT NOVEL *TARAS BULBA* INTO ENGLISH AND FRENCH

Abstract. The subject content of Nikolay Gogol's short novel *Taras Bulba* has been at the center of information and political discussions in recent years amid the geopolitical events unfolding in modern Russia: the interpretation of the historical context varies significantly depending on the political motivation of the plot. Due to the changing requirements for translation, the problem of translators' using convergence and divergence strategies in relation to the original source is becoming especially relevant. The aim of the article is to define convergent and divergent translation strategies by comparing the transfer of various expressive means, with special focus on obscene vocabulary. The paper provides a comparative analysis of 20 obscene words from the subject-thematic group "animals" based on 10 English and French objects of translation. The studied lexical units with the "dog – canine" dominants, adding local color to the original text, are mainly translated into English and French through convergence strategy (90 %). The choice of convergence as a key translation strategy for invective vocabulary at the text level is determined by generally uniform national and cultural characteristics of the analyzed concepts in the target languages, and, consequently, by the existence of corresponding equivalents. The convergence at the word and content level also improves the quality translation and ensures the most complete reproduction of the original author's intent with the expressive means of the target language.

Key words: convergence, divergence, domestication, obscene words, translation strategies, Gogol's short novel *Taras Bulba*, English language, French language

For citation: Safina, L. M. Translating obscene worlds in Nikolay Gogol's short novel *Taras Bulba* into English and French. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(4):36–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1193

REFERENCES

1. Apresyan, Yu. D. Selected works. Vol. II: Integral description of language. Moscow, 1995. 767 p. (In Russ.)
2. Belikov, V. I., Krysin, L. P. Sociolinguistics. Moscow, 2018. 338 p. (In Russ.)
3. Vlahov, S., Florin, S. The untranslatable in translation. Moscow, 1986. 416 p. (In Russ.)
4. Vyrov'tseva, E. V., Shcheglova, E. A. Language game as a comic means in modern media discourse. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(1):31–40. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.565 (In Russ.)
5. Zhelvis, V. I. "Rudeness": problems of vocabulary classification. *Journal of Psycholinguistics*. 2008;7:109–113. (In Russ.)
6. Kadimov, R. G., Mallaliev, G. N. The method of comparison in the poetics of Nikolay Gogol's short novel *Taras Bulba*. *Dagestan State Pedagogical University Journal*. 2009;2(7):50–54. (In Russ.)
7. Kan, E. V., Shumeyko, Yu. A. Lexical features of spoken language in the text of the novel N. V. Gogol "May Night, or the Drowned". *Filologicheskij aspekt*. 2016;7(15):55–59. Available at: <https://scipress.ru/philology/articles/leksicheskie-osobennosti-razgovornoj-rechi-v-tekste-povesti-nv-gogolya-majskaya-noch-ili-utoplennitsa.html> (accessed 23.11.2024). (In Russ.)
8. Kobenko, Yu. V. Theoretical foundations of functional stylistics: Textbook. Tomsk, 2023. 296 p. (In Russ.)
9. Krongauz, M. Russian language on the verge of a nervous breakdown. Moscow, 2007. 232 p. (In Russ.)
10. Levin, Yu. I. The semiotics of speech distortion. *Levin, Yu. I. Selected works*. Moscow, 1998. P. 45–48. (In Russ.)
11. Ozersky, A. V., Sorokina, N. V. Non-standard lexicon in English and Russian fiction. *Modern Pedagogical Education*. 2023;5:337–341. (In Russ.)
12. Pankratova, S. A. Invective lexicon in the foreign film discourse of the last decade. *SibScript*. 2023;25(1):66–74. DOI: 10.21603/sibscript-2023-25-1-66-74 (In Russ.)
13. Salimova, G. N. Euphemization of communicative taboo. *Izvestia of Volgograd State Pedagogical University*. 2023;5(158):104–107. (In Russ.)
14. Safina, L. M., Kobenko, Yu. V. Features of translation of military-administrative and military-historical realonyms in "Taras Bulba" by N. V. Gogol into English, French and Tatar languages. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2023;3(227):48–57. DOI: 10.23951/1609-624X-2023-3-48-57 (In Russ.)
15. Pilshchikov, I. Gogol's "The Nose". Between linguistic indecency and religious blasphemy. *Religions*. 2021;12(8):1–32. DOI: 10.3390/rel12080571
16. Venuti, L. The translator's invisibility. A history of translation. London, 1995. DOI: 10.4324/9780203360064

Received: 2 December 2024; accepted: 28 April 2025

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА ЛОЙТЕР

доктор филологических наук, профессор, независимый
исследователь
(Петрозаводск, Российская Федерация)
sofia5@sampo.ru

ВСЕГДАШНЕЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ В ШВАМБРАНИЮ: К 120-ЛЕТИЮ ЛЬВА КАССИЛЯ

А н н о т а ц и я . Творчество Льва Абрамовича Кассиля – предмет исследований автора статьи в течение почти 70 лет: с первой научной студенческой работы (1957) вплоть до 2025 года. В этом исследовании речь идет только об одной, самой знаменитой книге писателя – повести «Кондуит и Швамбрания», и не столько о ее художественных достоинствах, ее самости, сколько о редких для детской книги истории создания, истории текста и особенно истории читательской жизни. В центре превосходная публикация А. А. Сеницына «Швамбранцы from USA (Предисловие к публикации двух интересных писем)». Письмо читателя-мальчика о «Стране Швамбрании» (так называлась книга в английском переводе), ныне известного ученого Джеймса Роберта Расселла, и ответ писателя Льва Кассиля. Это и история дружбы А. А. Сеницына и Дж. Р. Расселла – двух замечательных швамбранцев. Рассмотрев игру в страну как явление детского фольклора, видя в нем типичное игровое высказывание детства, автор статьи относит ее к городскому детскому фольклору по преимуществу. Это особый тип импровизационной символической игры, представленной на материале, позволившем ввести игру в страну в научный оборот и стать достоянием фольклористики. Выявленные многочисленные примеры игр убедительно и неопровержимо свидетельствуют об уникальности и неповторимости игры, воссозданной талантом Кассиля, – игры в Швамбранию.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Лев Кассиль, Швамбрания, А. А. Сеницын, Джеймс Роберт Расселл, игра в страну, вымышленные страны, детский фольклор, детская литература, письма

Б л а г о д а р н о с т и . Автор благодарит А. А. Сеницына за возможность познакомиться с его научными трудами и перепиской с Дж. Р. Расселлом, Наталью Лайдинен, Надежду Ровенко и Наталью Урванцеву за библиографическую помощь.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Лойтер С. М. Всегдашнее возвращение в Швамбранию: к 120-летию Льва Кассиля // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 5. С. 43–54. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1198

ВВЕДЕНИЕ

Лев Абрамович Кассиль (1905–1970) – выдающийся детский писатель и незаурядная личность в культуре детства. Оставленное им большое литературное наследие – это трижды изданное собрание сочинений писателя¹. Его творчество изучалось многими исследователями, автор этой статьи – один из них². Есть работы и о читательской жизни книг Кассиля [3]. Придя в детскую литературу в 1920-е годы и оставаясь в ней до конца своих дней, Кассиль был одним из ее создателей. Начатый М. О. Чудаковой разговор о том, кого можно определять понятием «советский писатель», а кого понятием «писатель советского времени» [32: 193], продолжает и развивает М. Р. Балина в статье «“Воображаемая география” в детских повестях Льва Кассиля» [1]. По мнению исследователей, писатели,

чье детство прошло в послереволюционное время, относятся ко второму поколению «писателей советского времени». Они «не приходили к признанию времени, а исходили из него», застав сложившиеся стереотипы, «основной задачей которых было утверждение и восхваление действительности» [1: 46, 47]. И с этим трудно не согласиться. Такова типичная позиция и творческая судьба большинства детских писателей. Бытует мнение: Кассиль – типичный писатель соцреализма, пользовавшийся официальным признанием, обласканный властями, благополучный и успешный. В известной степени это объясняется тем, что Кассиль всегда был очень общественным человеком, слишком на виду в силу своей личной активности, «начальником детства» (Т. Д. Полозова). Однако почитаемым и благополучным он был последнее десятилетие

тие, когда пришли и слава, и награды, и Сталинская премия, и даже звание академика. В предшествовавшие годы за ним закрепился ярлык формалиста и псевдоромантика, и книга «Кондуит и Швамбрания», ставшая потом знаменитой, не издавалась 20 лет.

ИСТОРИЯ ИЗДАНИЙ

«Кондуит и Швамбрания» начинается публикациями 1928–1929 годов в журналах «Новый Леф» и «Пионер» первой и тогда самостоятельной книги «Кондуит». За ними последовало отдельное издание «Кондуита» в 1930 году и череда его переизданий³. Успех «Кондуита» стимулировал Кассиля продолжить рассказ о детстве, и в декабре 1930 года в письмах родителям он впервые упоминает о работе над следующей книгой, за которую «энергично взялся», – «Швамбрания». В 1931 году «Швамбранию» печатает журнал «Пионер», а в самом начале 1933 года в издательстве «Федерация» выходит отдельная книга «Швамбрания. Повесть с картами, гербом и флагом»⁴. Спустя два года издательство «Советский писатель» выпускает новое издание «Швамбрании», на титульном листе которого впервые и затем уже навсегда появился такой подзаголовок:

«Повесть о необычайных приключениях двух рыцарей, в поисках справедливости открывших на материке Большого Зуба великое государство Швамбранское, с описанием удивительных событий, происшедших на блуждающих островах, а также о многом ином, изложенном бывшим швамбранским адмиралом Арделяром Кейсом, ныне живущим под именем Льва Кассиля, с приложением множества тайных документов, мореходных карт, государственного герба и собственного флага»⁵.

Идентичны этому издания 1936 и 1937 годов.

Книгу Кассиля высоко оценили такие ее современники, как О. и И. Брики, Ю. Олеша, Э. Багрицкий, Э. Мейерхольд. Она горячо была принята читателями и критикой. Эти издания явились основой переводов в Польше, Чехословакии, Венгрии, Болгарии, Франции, США. Однако первые восторженные рецензии 1930-х годов вскоре сменились огульными обвинениями в беспочвенной мечтательности и «ложной романтике». Злопыхательская критика приписывает Кассилю проявления буржуазности. Придуманная страна Швамбрания расценивается как неприятие реальной живой действительности и желание создать параллельный, более совершенный мир. «Разве у нас нет любимой советской Родины?» – вопрошает газета «Правда». «Это не нужно детям», – заявляет в «Литературной газете» 27 июля 1949 года в «письме из народа» учительница Н. Костырева. Этому благоприятству-

ет разыгравшаяся в 1949 году космополитическая кампания и последовавшее за ней «дело врачей». В это время «врагом народа», троцкистом, «участником антисоветской террористической диверсионно-вредительской организации» объявляется брат писателя Иосиф Абрамович Кассиль, тридцатилетний литератор и ученый, доцент вуза, тот, кто послужил прототипом самого обаятельного героя повести – фантазера и «великого путаника» Оськи. В январе 1938 года он был расстрелян. В ссылке от «звонка до звонка» отбыла свой срок его жена Зинаида Петровна, отказавшаяся отречься от мужа – «предателя народа и шпиона». Лев Кассиль пытался хлопотать за брата, так как родственникам не сказали о его расстреле, а объявили об осуждении на десять лет без права переписки. Добился встречи с А. Я. Вышинским. Ничто не помогло. Кассиль стал ждать ареста. Но все обошлось, он остался на свободе и даже не был исключен из Союза писателей, лишившись лишь должности редактора журнала «Мурзилка». Уже в 1937 году книга была изъята из печати и не выходила в течение 20 лет, а следующее издание появилось в 1957 году сначала не в Москве, а в Петрозаводске. Впрочем, в Москве она вышла в том же году, а уже в 1959 году «Кондуит и Швамбрания» публикуется в серии «Золотая библиотека». Эти издания 1957 года и последовавшее прижизненное, соответствующее авторской воле собрание сочинений 1965 года⁶ стали каноническими для последующих переизданий конца XX и XXI века. В этом качестве «Кондуит и Швамбрания» вновь пришла к читателю, став одной из любимейших книг детей и взрослых.

«В 1950-х – 1960-х гг. Лев Кассиль считался живым классиком детской литературы. Уже несколько поколений мальчишек и девчонок страны Советов играли в кассилевских героев. Писатель постоянно ездил, летал и плавал по всему СССР, выступал перед аудиторией в библиотеках и школах, детских домах и пионерских лагерях. Лев Швамбранович Кондуит, как его именовали читатели, – друг всех мечтателей и сам великий озорник и выдумщик. Он открыватель новых стран, эдакий географ-сказочник. Он знаменитость, живая легенда! К началу 1960-х гг. о Л. А. Кассиле и его творчестве уже написаны десятки статей и книг» [27: 195].

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ПОВЕСТИ

Проблему текстологии повести «Кондуит и Швамбрания» Л. Кассиля поднял известный культуролог из Шадринска С. Б. Борисов [4], [5], [6]. Свои наблюдения и выводы он делает на основе сопоставления издания книги 1935 года и изданий, появившихся в 1957 и последующих годах. Эти сравнения выявили изъятия, совокупный удельный вес которых составляет

примерно один процент объема книги. Борисов приводит фрагменты текста, которые были определены им как изъятия «преимущественно принудительного идеолого-политического, т. е. фактически цензурного характера». Они касаются еврейской, немецкой темы и проявлений ксенофобии. В главах: «История», «От Покровска до Дранздонска», «Мы – демократы», «Бог и Оська», «Наука умеет много гитик» – это отдельные небольшие высказывания, которые во всех последующих изданиях были изъятые и за редким исключением никогда не воспроизводились.

Продолжая историю текста, начатую С. Б. Борисовым, я сопоставила издания: 1935 года, 1937 года, два издания 1957 года и издание 1965 года из названного собрания сочинений. Они отражают то, как повесть «Кондуит и Швамбрания» формировалась как одна книга, как единое сюжетное и структурное целое, чего еще не было в издании 1935 года. Тогда она состояла из трех частей: «Страна вулканического происхождения» (52 главы), «Блуждающие острова» (47 глав) и «На твердой земле» (17 глав) – всего 116 глав, то есть примерно две трети текста будущей повести. Позже в Детиздате под названием «Кондуит и Швамбрания» (с приведенным выше подзаголовком) выходит книга с другой структурой и количеством глав – 173 [17].

Наши наблюдения убеждают: элиминации, «исправления» и изменения в повести «Кондуит и Швамбрания», чей период создания Кассиль обозначил припиской в конце книги «1928–1931; 1955», имеют неоднородный характер. Условно их можно классифицировать таким образом: изъятия идеолого-политического свойства, изъятия и изменения, обусловленные нападками педагогической критики; поправки и изменения творческого характера и, наконец, вставки и «исправления», вызванные критиками (подробно см.: [15]).

Как уже упоминалось, советская парадигма детства не допускала существование параллельной, более совершенной действительности. Этим объясняется нарочитый декларативный и категоричный посыл, которым заканчивается третья глава «Запоздавшее предисловие» первой части, которая ни в одном из изданий после 1935 года не повторялась:

«Но суть повести совсем не в этом. Игра отмечала все, что происходило в действительности, все, чем были полны в то время наши ребячьи головы. Война, ложная героика, идеалы мешанской доблести, уродливое воспитание, революция, жажда общестственности, попытки разобраться в происходящем, рождение новой школы, годы разрухи, ломка старой семьи и т. д. Поэтому повесть о небывшей Швамбрании – это, прежде всего, правдивая, немножко озорная, но совершенно правдивая повесть о невыдуманной, сбывшейся революции».

Изъятие этого фрагмента – из той области переработки текста, когда автор ощутил несостоятельность деклараций, касающихся противопоставления Швамбрании революции в пользу революции. Именно отсюда тот благоразумный и рассудочный голос, который, оставаясь за пределами художественного изображения, неоднократно звучит в повести, доказывая, что реальная жизнь и особенно свершившаяся революция выше придуманной страны. Это тот случай, когда художественная правда правдивее всех других. Декларации – это реакция автора на многочисленные требования рецензентов издательств, даже просьбы родителей, просивших «утяжелить вес революции», что он и сделал в финале повести. Таков характер стихотворного гимна Швамбрании и особенно последняя «Глава с глобусом», которая «Заменяет эпилог».

«Прощай, прощай, Швамбрания!
За работу пора нам!
Не зевай по сторонам!
Сказка – прах, сказка – пыль!
Лучше сказки будет быть!
Жизнь взаправду хороша...» (Т. 1: 318).

Но для того ли Кассиль взалхлеб, самозабвенно, горячо и страстно рассказал о своей выдумке, чтобы отказаться от нее? Швамбрания – ярчайшее художественное открытие Кассиля, перенесшего игру своего детства в книгу, исследовавшего ее как явление детского мифотворчества, уникальна и неповторима. После Швамбрании художественное воссоздание стран детства воображения стало органической стороной его творчества: позже была создана страна Синегория («Дорогие мои мальчишки»), Джунгахора («Будьте готовы, Ваше Высочество!») [18], [20], [21], [23]. Однако ни одна из них не может сравниться с Швамбранией, как не могут сравниться с ней другие известные мне страны детского воображения.

КАССИЛЬ, РАССЕЛЛ, СИНИЦЫН И ДРУГИЕ ШВАМБРАНЫ

«Кондуит и Швамбрания» – редчайшая книга для детей, которая имеет историю создания, историю текста и, как оказалось, историю читательской жизни.

Во время своего первого посещения Льва Кассиля в 1964 году мне, тогда аспирантке, посчастливилось почувствовать не только необычную атмосферу кабинета «швамбранского адмирала Арделяра Кейса», но прочесть в газете «Вечерняя Москва» анонимную статью «Герб Государства Большого Зуба. Жизнь одной книги»⁷, в которой были напечатаны фрагменты двух пи-

сем – восьмилетнего американского читателя и советского писателя Льва Кассиля. Неординарная заметка настолько впечатлила меня и, как выяснилось, многих, что я немедленно скопировала ее и полностью включила в свои работы [18], [21]; заметка вызвала интерес и отклики других читателей Кассиля [2]. Прошло много времени. Совсем недавно я открыла для себя интереснейшие исследования творчества Кассиля ученого, историка, писателя А. А. Синицына⁸, которого упомянутые письма и жизненные обстоятельства подвигли на разыскания. Глубина погружения, личная причастность к неординарному эпизоду, историческому для культуры, ссылки на работы побудили меня написать автору публикаций. Письмо привожу с купюрами.

«Глубокоуважаемый Александр Александрович! Это неожиданное для Вас письмо – мое благодарение за публикацию “Швамбранцы From USA”, которую я обнаружила с большим опозданием (она 2018 года), а как она мне важна и нужна, поймете из письма. Я – Лойтер Софья Михайловна <...> с Кассилем как исследователь связана с 1954 года, когда студенткой 2-го курса Петрозаводского университета в кружке детской литературы, руководимом профессором И. П. Лупановой, сделала доклад о только вышедшей повести “Ранний восход”, который был опубликован в сборнике студенческих работ (1957). Инициирован он (доклад) был докладом старшего студента Олега Тихонова, который стал известным писателем и редактором журнала «На рубеже». Доклад Олега “Юмор “Кондуита и Швамбрании” Л. Кассиля” меня потряс настолько, что я пришла к Кассилю. В 1967 г. защитила диссертацию, по ее следам вышла книга (далее Вы кое-что знаете – сужу по публикации). Были встречи и общения с Кассилем, после его смерти с Светланой Леонидовной, доверявшей мне работу в кабинете и даже несколько дней проживания в их квартире. В разных моих публикациях это отражено. С 1970 года я серьезно погрузилась в фольклористику, и она помогла увидеть Кассиля с нового ракурса. Этим я обязана своим занятиям детским фольклором. И появились работы о связи “Кондуита и Швамбрании” с детским фольклором. Эта книга стала главным объектом внимания. Истоки Швамбрании, ее уникальность – доминанта ряда моих статей, одну из которых Вы упоминаете. Швамбрана позволила мне открыть новую детскую игру – игру в страну и обосновать ее как явление детского фольклора, а точнее постфольклора. Фольклористы ее приняли. Во всех этих работах я привожу множественные примеры детских игр в страну, но во всех доминирует мысль о том, что самой яркой, художественно воплощенной, полнокровной является кассилевская Швамбрана. И вот сейчас, обнаружив, что в июле Кассилю исполняется 120 лет, я решила, что не имею морального права это обойти, мучаюсь, как мне снова вернуться к Швамбрании и сказать о ее бесценности. Считаю эту книгу вершиной творчества, которое по многим причинам не достигало уровня этой первой книги писателя. И открывшаяся мне Ваша публикация такой подарок и радость, каких не ожидала. Превосходный материал,

который мне многое сказал о Вас как земляке Кассиля, об Энгельсе, о семье Кассилей и т. д. Ну, а три поколения Расселлов – читателей “Швамбрании” это сокровище. Позвольте мне, ссылаясь на эту публикацию и письма, цитируя их, сказать то, что зрело в моей голове, но не имело необходимого обоснования. Коротко: Швамбрана – детище Кассиля, но она и “глубь” (Пастернак) детства. <...> Я счастлива, что прочитала Вас. Последняя моя работа “История текста “Кондуита и Швамбрании”” в “Детских чтениях” Пушкинского Дома за 2024 год. Мои Вам благопожелания. Еще раз с уважением и благодарностью. Софья Лойтер. 29.01.25».

Незамедлительно пришел ответ. Так с января 2025 года началась переписка о «Возвращении в Швамбранию», о Швамбрании и швамбранах.

«Глубокоуважаемая Софья Михайловна! Сам я по специальности антиковед, занимаюсь историей Древней Греции и античной литературой. Но когда-то для меня стало открытием, что Джеймс Расселл (известный американский ученый, филолог и историк, профессор Гарвардского университета, с которым мы были знакомы) рассказал мне о том, как в детстве отец подарил ему кассилевскую книгу “Кондуит и Швамбрана”, и, прочитав ее, мальчишка написал советскому писателю письмо – в далекий СССР! А писатель ему ответил! – Это ли не чудо! И поскольку я с детства любил Кассиля и мой дом находится в Энгельсе по соседству с домом (теперь музеем) детского писателя, то захотелось рассказать всем об американских швамбранах»⁹.

Далее буду чередовать тексты публикаций, и особенно драгоценной «Швамбранцы from USA (Предисловие к публикации двух интересных писем)», с письмами [26], [27], [28], [29].

«Этот американский мальчишка, обратившийся в 1962 г. с помощью своего папы к Л. А. Кассилю, ныне известный исследователь Джеймс Роберт Расселл (род. 1953), историк-востоковед, филолог и философ, специалист по иранским языкам и ближневосточным религиям. Много лет Дж. Р. Расселл работал профессором арменистики в Гарвардском университете. <...> В разные годы профессор Дж. Р. Расселл выступал с лекциями и докладами в России, Армении, Израиле, Великобритании, Индии, Иране и других странах. Он является автором нескольких десятков книг и сотен научных и публицистических статей, опубликованных на многих языках мира, автор статей для многотомного академического издания “Encyclopaedia Iranica” (США)» [27: 177–178].

Из следующего письма:

«Что касается нашего с Джеймсом знакомства, то мы знакомы лет 13 или 14. В 2011 году я собирал сборник к юбилею своего петербургского друга. В сборнике было с полсотни авторов, из них около половины – западные и восточные ученые. Все авторы – известные антиковеды, востоковеды, археологи, историки, филологи. Конечно, был приглашен и Дж. Расселл. Мы с Джеймсом долго переписывались, подружились сначала по переписке. А потом – в 2017 году – я от СПбГУ оформил Расселлу приглашение от университета, трехлет-

нюю визу в Россию (где до этого он бывал более 10 раз, подолгу жил; впервые приезжал еще в конце 1960-х как школьник старших классов). Джеймс прилетал в 2017 году. И вот тогда мы много гуляли по Петербургу... Джеймс прочитал несколько лекций в СПбГУ, где я тогда работал, прочел лекцию в Русской христианской гуманитарной академии, где я служил и тогда и служу сейчас, словом, мы с ним здорово сошлись, хотя до этого уже лет 5–6 тесно общались по почте и знали друг про друга многое. Узнав, что я из Энгельса / Покровска, где родился Великий детский писатель Лев Абрамович Кассиль, Джеймс как-то рассказал мне про свое письмо Кассилу в далеком 1962-ом. Признаться, я сначала не сразу поверил. <...> Настолько мне казалось это НЕВЕРОЯТНЫМ!! Но Джеймс прислал мне и копию своего письма, и копию ответа Льва Кассиля. Эти присланные копии я тогда же (в 2016 или 2017-ом?) передал работникам Музея Кассиля. Так мы все сошлись – Кассиль, Расселл (даже Расселлы, поскольку тогда еще были живы родители Джеймса!), музейщики, ну и я, как автор, раскопавший материалы и написавший про всю эту удивительную историю.

После 2017 года Джеймс собирался прилетать в Россию ежегодно. Но сначала у него разболелись родители, потом начался Ковид, затем война. А теперь, когда удастся нам встретиться, не известно.

Джеймс Расселл – очень известный ученый (я отправлял Вам несколько своих статей о Расселле), но и замечательный человек. Он любит Россию и русскую культуру.

Так что мы познакомились на научной почве, а потом сошлись и дружим, можно сказать, с давних пор. Вот такая история. С уважением, Александр»¹⁰.

А это свидетельство Расселла из публикации «Возвращение в Швамбранию»:

«Я рос, получил образование, выучил русский язык. И вот сбылась моя мечта: летом 1969 г. я впервые попал в СССР. В июле того года наследники Юрия Гагарина, американские астронавты, высадились на Луне. Наша группа школьников тогда была в Ялте. Советские мальчишки и девчонки хлопали нас по плечам, кричали “Молодцы!” и угощали лимонадом. (Помните ли вы газированную воду с сиропом за три копейки?!) В этом году папе исполнится 90 лет. Мой славный товарищ, русский ученый Саша Сеницын, который сам из города Энгельса (ныне Покровск – город Льва Кассиля – носит имя великого немецкого деятеля, где живут и поволжские немцы, народ мирный и трудолюбивый), знал по моим рассказам историю с письмом из Швамбрании. Мы с ним решили в честь моего папы сканировать письмо Кассиля и с этими пояснительными строчками передать его Дому-музею писателя, о котором мне рассказывал Саша. Делаем это для того, чтобы и мы, и потомки наши воображали и творили, не убирая ладони со лба, как завещал Булат Окуджава, чтоб никогда не расставались со своими мечтами “сделать жизнь на самом деле радостной, счастливой и веселой”, как утверждает в своем письме девятилетнему американскому мальчику адмирал флота Швамбрании Арделяр Кейс, наш общий друг Лев Кассиль. г. Фресно, штат Калифорния, США, июнь – июль 2017 г.» [25: 223–224].

Не чудо ли это знакомство, эта встреча, а затем и дружба двух реальных известных ученых?! Не чудо ли, что американский мальчишка, обратившийся в 1962 году с помощью папы с письмом к писателю Кассилу, как «истинный швамбранец» посылает в 2017 приветствие отцу в честь 90-летия – свое эссе «Возвращение в Швамбранию» [25]! Вот в таком первоизданном виде с переводами на английский благодаря огромной работе А. А. Сеницына и Дж. Р. Расселла хранятся оба письма в архиве Музея Льва Кассиля в г. Энгельсе:

«Мистеру Лео Кассиль Члену Союза Писателей СССР Ул. Воровского 52

Москва, СССР. Дорогой мистер Кассиль!

В 1935 году, когда мне было 8 лет, мой отец подарил мне издание “Страны Швамбрании” (The Land of Shvambrania), незадолго до этого переведенной на английский. Я прочел ее много раз с огромным удовольствием и радостью. Она была также и весьма поучительна для меня. В прошлом году, когда моему старшему сыну исполнилось 8 лет, я дал ему мою книгу, которую сохранил для этого. Он тоже прочел ее много раз. Действительно, эта книга его любимица. Он просил меня задать Вам несколько вопросов: Имела ли Швамбрания свой алфавит? Продолжаете ли Вы играть в Швамбранию? Что Вы видите похожим на Швамбранию сегодня? Почему Вы написали о Швамбрании, если хотели сохранить ее тайну?

Вы можете послать Ваш ответ по адресу:

Джеймс Р. Рассел. 159–34. Риверсайд, Драйв-уэст. Нью-Йорк, 32, Н. И.

Я тоже хочу задать Вам один вопрос. Написали ли Вы какие-нибудь другие книги, которые были тоже переведены на английский? Мы оба, Джимми и я, сильно надеемся, что если многие люди на нашей стороне Атлантического океана были бы дружны со Швамбранией, значительно повысилось бы понимание между нашими двумя народами.

Не предполагали ли Вы продолжить свою автобиографию до наших дней, чтобы мы могли последовать за Вами с Оськой через пертурбации тридцатых годов и тяготы войны и холодной войны? Если Вы располагены ответить, мы будем очень благодарны Вам. Ваш, с дружеским чувством, Джозеф Б. Рассел»¹¹.

Ответ Л. А. Кассиля – Дж. Р. Расселлу:

Москва. Январь 14, 1963.

ДЖЕЙМСУ Р. РАССЕЛ

159–34, Риверсайд Драйв Вест,

Нью-Йорк, 32, Н. И.

«Дорогой Джимми! Dear James (Jimmy)!

Мне было очень приятно получить к Новому году письмо от твоего папы, который сообщил, что тебе, как и ему, нравится моя книга “Страна Швамбрания” (The Land of Shvambrania), и ты просишь меня ответить на несколько вопросов, вызванных знакомством с историей и жизнью швамбран. Охотно выполняю твою просьбу.

1. Алфавит Швамбрании был прежде русский. Но затем, по мере того, как книга печаталась в разных странах, письменность швамбранская менялась. И швам-

браны теперь стали полиглотами, говорят на многих языках и пользуются разными алфавитами.

2. В Швамбранию сам я уже давно не играю... Но стараюсь сохранять в себе некоторые черты, которыми отличались швабраны: веру в могучие силы справедливости, твердое убеждение, что без мечты жить скучно и она поможет сделать жизнь на самом деле радостной, счастливой и веселой.

3. В мечтах наших ребят, в дружном труде их старших друзей, делающих жизнь совсем хорошей, многое напоминает мне о думках моего детства. Но сегодня это все уже не игра, не выдумка, а великое настоящее дело, в котором изо всех сил стараюсь участвовать и я.

4. Государственную Тайну Швамбрании я позволил себе разгласить потому, что мне очень хотелось, чтобы как можно больше людей научились мечтать и потом находить такое дело в жизни, которое помогает делать задуманное сбывающимся.

Поблагодари от меня своего папу за очень дорогие мне слова о моей книге. Я тоже верю, что добрая мечта сближает людей и народы.

Автобиографию мою можно прочесть в журнале "Советская литература" (Soviet Literature), который выходит на английском языке. Она напечатана в № 3 за 1962 год Four Continent Book Corporation, 156, Fifth Avenue, New York, 10. N. Y. – Imported Publications and Products, 1, Union Square, Room 812. New York, 3. N. 9. Вероятно, его можно приобрести и в Америке.

На английском языке вышли следующие мои книги: "The Hero's Brother", "Early Dawn", "The Queen of Snows".

К сожалению, я не имею возможности сейчас достать эти книги в Москве – они все давно распроданы. Но, возможно, они имеются по адресу, который я указал выше.

В моем рабочем кабинете над письменным столом укреплена модель яхты "Швамбрания", которую я построил незадолго до войны.

Я совершил на ней немало интересных путешествий, посещая пионерские лагеря, в которых ребята отдыхали на берегах Волги и канала Волга – Москва. После войны я подарил свою яхту Водной спортивной станции воспитанников школ ремесленного обучения.

А модель яхты оставил у себя на память. На ее белом борту красуется герб Швамбрании. А на мачте развевается государственный флаг швабран.

Я трижды салютую в твою честь флагом Швамбрании!

Бывший Швамбранский Адмирал Арделяр Кейс, ныне живущий под именем ЛЬВА КАССИЛЯ».

Под этим текстом, внизу страницы, справа, перьевой ручкой с синими чернилами стоит подпись автора размашистым почерком в двух вариантах: по-русски – Лев Кассиль, и под ней, в скобках, по-английски – Lev Kassil. Внизу страницы, слева – оттиск личной печати Л. А. Кассиля, под которой автор подписал ручкой: Печать Адмирала Швамбрании¹².

Нужно ли говорить, что эти два письма (мальчика-читателя и писателя) – уникальные памятники культуры, а их подробное воспроизведение в переводах и уточнениях имеет историографиче-

ское и культурологическое значение. Публикации А. А. Сеницына замечательны тем, что их автор сумел через один, несомненно, беспрецедентный эпизод из жизни одной книги воспроизвести историю изучения всего творчества писателя в разные годы, и не только творчества, но и сложнейшие, трагические обстоятельства жизни его семьи. Очень тщательно освоена большая исследовательская и критическая литература о творчестве Кассиля, она не просто учтена, а всегда лично интерпретирована. Публикации достойны самостоятельной книги. Без них трудно представить сегодняшнее кассилеведение, которое дополняют неординарные личности двух современных ученых.

«С детства и на всю жизнь Джеймс Рассел влюблен в русскую литературу. <...> То, что и ныне продолжает играть в страну-мечту и увлечен фантастической географией, свидетельствует тематика его последних работ...»¹³.

Искренняя приверженность двух ученых книге детства и в том, что они в письмах друг другу называют себя швабранами и готовят свои приношения предстоящему 120-летию Кассиля и музею его имени в г. Энгельсе.

«Вчера мне написала директор музея Льва Кассиля в Энгельсе Наталья Григорьевна Мещерякова. Вот ее письмо:

"Добрый день, дорогие друзья! Присоединяюсь к вашей интересной переписке. Прекрасно, что несмотря на разделение мира, так называемую "атомизацию", есть люди, устремленные друг к другу. Вдвойне приятно, что этим магнитом стал наш любимый писатель Лев Кассиль. Музей, безусловно, тоже готовится к юбилею писателя и не только. В этом году юбилей и у музея – ему исполняется 30 лет. Родился он, то есть открылся, 9 ноября 1995 г. Именно в ноябре будут проходить основные события, а именно: Кассилиум, или Кассилевские чтения. Тема чтений: "Швамбранский синдром, или Юмор в детских литературных произведениях и не только". Как видите, мы с вами мыслим в одном направлении.

Ваша неожиданная активность стала для нас подарком в такое не очень радостное время. Спасибо за это. Будем рады видеть вас в будущем в музее и, конечно, готовы общаться по почте. Александра прошу по возможности уточнить, когда он будет в музее. Хотелось бы обсудить некоторые вопросы. С наилучшими пожеланиями, Наталья Григорьевна Мещерякова (начальник Швамбрании)"»¹⁴.

А это письмо А. А. Сеницына обращено к Льву Кассилю – правнуку писателя, который готовит выставку работ своего деда Дмитрия Львовича Кассиля:

«Дорогой Лев и все корреспонденты-швамбранцы, добрый вечер!

В приложении к письму пересылаю несколько файлов, в которых собран материал о Льве Кассиле, отце и сыне Расселлах (американских почитателях совет-

ской детской литературы), о брате Льва – Иосифе Кассиле (Оське) и “Кондуите и Швамбрании”. Здесь статьи на русском и английском, написанные мной и Джеймсом Расселлом (и мои тексты о самом Джеймсе). Все эти публикации есть в Интернете, но здесь сразу целая подборка...

С приветом из Петербурга – в Энгельс / Покровск, Москву, Петрозаводск и Нью-Йорк. Дорогая Софья Михайловна, уедем в Швамбранию все! Всего доброго. С уважением, А. Сеницын»¹⁵.

О ЖАНРЕ «КОНДУИТА И ШВАМБРАНИИ»

Известно, какое место в литературе занимает жанр автобиографической повести о детстве, в которой определяющим является изображение семейной жизни и рост детской души под влиянием окружения детей и взрослых. Какие-то черты автобиографической повести имеются в «Кондуите и Швамбрании». Но как не похоже полнокровное «золотое детство» братьев Лельки и Оськи на многие известные автобиографические детства! И не только потому, что неповторимы оригинальные, прекрасные реальные образы героев-мальчишек, умных, веселых, озорных, наполненных книжным знанием, острой наблюдательностью над жизнью, и особенно обаятельного «великого путаника» и фантазера – младшего брата, Оськи. Да, «Кондуит и Швамбрания» – прежде всего повествование о детстве, но не только о нем. Оно и об эпохе, провинции, гимназии, Первой мировой войне, двух революциях, раннесоветском времени, новой единой трудовой школе. Одно из несомненных достоинств повести – яркие образы родителей, представителей провинциальной интеллигенции. И прежде всего отца, одного из самых прекрасных «взрослых», а в Швамбрании – капитана. Художественный образ и его реальный прототип не всегда одно и то же. Но совпадают главные обстоятельства жизни: молодым врачом Абрам Григорьевич Кассиль приехал в слободу Покровскую, мало чем отличавшуюся укладом жизни и обычаями от большой деревни, и, как человек долга, проработал в ней всю жизнь, оставив о себе благодарную память; мать Кассиля, пианистка, учительница музыки, из состоятельной семьи, выйдя замуж, «храбро покинула большой город», «уехала с супругом в земство», безропотно разделив с ним тяготы жизни.

Другое стилизованное повествование, другая интонация – сатирическая, даже гротескная, когда изображается гимназия и гимназические учителя. Сочно, в ярко увиденных деталях и характеристиках нарисован социально-исторический портрет самой Покровской слободы, Брешки, что «была черна от шелухи подсолнухов. Семечки называли у нас “покровский разговор”» (Т. 1:

45). Или вот такой пассаж из жизни Покровской слободы, где

«завелась повальная мода иметь электрический звонок на парадном крыльце. <...> Одни звонки трещали, другие перезванивались, третьи шипели, четвертые просто звонили. Около некоторых кнопок висели вразумляющие объявления: “Прозба не дербанить в парадное а сувать пальцем в пупку для звонка”» (Т. 1: 91).

Здесь сатира, переходящая в юмор. Превосходно передает Кассиль разноязычную (украинскую, немецкую) речь покровских обывателей. В этом хоре прекрасно воспроизведен одесский колорит и интонации коммивояжера Иосифа Пукиса, пришедшего к директору гимназии выручать набедокуривших ее воспитанников:

«Господин высший директор, я старый блуждающий еврей, и я вижу на вашем лице семейное счастье. Бьюсь об закладку, ваши дети не будут ходить босы и наглы. <...> Одно маленькое мгновение, господин директор. Вы сегодня исключили восемь ребят. За что вы их исключили, я вас спрашиваю? Нет! И еще двадцать раз нет. Но у меня мягкое сердце. А когда мягкое сердце, так нельзя молчать. Мне очень жалко за мальчиков. А еще больше мне жалко за родителей, которые нянкали и росли этих мальчиков» (Т. 1: 106).

Блестящий юмор окрашивает страницы, связанные с Оськой. Ирония, допускающая неожиданные ассоциативные сближения и причудливые сцены и подробности из жизни единой трудовой школы с ее беспредельно преданным, но малообразованным и авторитарным комиссаром Чубарьковым.

«Кондуит и Швамбрания» – органичный сплав событий детского и большого мира, переживаемых через призму Швамбрании. Это особый этап, особая «дистанция», которая не знает ровной, спокойной описательности. Такой стилистики больше никогда не было в творчестве Кассиля. Такого стилизованного многоголосия не знает ни одна его книга.

ШВАМБРАНИЯ И ДЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР

С ослепительной выдумки 8 февраля 1914 года начинается история Швамбрании, определившей сюжет и существование героев книги Кассиля.

«Не надо было никуда бежать, не надо было искать обетованную землю. Она была здесь, около нас. *Ее надо было только выдумать.* <...> – Оська, земля! – воскликнул я задыхаясь. – Земля! *Новая игра на всю жизнь!* Оська прежде всего обеспечил себе будущее. – Чур, я буду дудеть... и машинистом! – сказал Оська. – А во что играть? – В страну! Мы теперь каждый день будем жить не только дома, а еще как будто в такой стране <...> в нашем государстве» (Т. 1: 36–37).

Так вот «такая страна и наше государство» – это Швамбрания – Остров Большого Зуба и ее

антиподы Кальдония, Бальвония, Шелопутия, Пришпандория, Гирляндия. В Швамбрании есть: своя география и история, свой швамбранский флот, и флагманское судно, и адмирал Арделяр Кейс (он же автобиографический герой Лелька), и вице-адмирал Сатанатам (он же Оська), и свои чемпионы, и самый уважаемый гражданин – Джек, Спутник Моряков, и свой «заповедник героев»:

«Принц и Нищий, Макс и Мориц, Бобус и Бубус, Том Соьер и Гек Финн, Оливер Твист, Маленькие женщины и Маленькие мужчины, они же ставшие взрослыми, дети капитана Гранта, маленький лорд Фаунтлерой, двенадцать егерей, три пряхи, тридцать три богатыря, племянники дядьки Черномора, последний день Помпеи и тысяча и одна ночь...» (Т. 1: 178).

Рассуждая в письме родителям о «зернах серьезного философского замысла» книги, Кассиль говорит об «оригинальной выдумке и ведущем приеме, в котором... впервые дает пространное толкование весьма популярной среди ребят игры во вторую жизнь» [31: 228]. Это очень важный посыл для понимания истоков и корней выдуманной утопической страны, основанной на «мечтательной форме воображения» (Л. С. Выготский). Игра в страну – это тот архетип, то типичное игровое высказывание детства, которое позволяет говорить об особом жанре детского фольклора. К этой теме я возвращалась неоднократно на протяжении многих лет (см.: [10], [11], [12], [13], [14], [19], [22]), определяя игру в Швамбранию как особый тип импровизационной символической игры. Она существенно отличается от традиционных, уходящих в обрядовую жизнь детских игр. Игр в страну-мечту нет ни в одном фольклорном сборнике. Сама природа сделала их «нефиксированными видами культуры» (термин В. Е. Гусева). Эти игры не могли быть записаны в момент разыгрывания, исполнения. У них иной «механизм» возникновения и функционирования, никак не связанный с передачей от одного исполнителя к другому, «из уст в уста».

Основанные на деятельности воображения, перенесении в игру вычитанного и увиденного, книжных и жизненных впечатлений, соединения бывальщины и небывальщины, «комбинировании их и построении на их основе новой действительности» [7: 7], существующие прежде всего как способ духовной консолидации узкого круга участников, такие игры содержат в себе то, что фольклористы называют «стереотипизированной формой человеческой деятельности, т. е. “поведенческим стереотипом”» [9: 49].

Фольклорное знание в нашем случае включает в себя не столько тексты, сколько широкий спектр воспроизведений и исполнений. Как правило, игра воспроизводится ретроспективно самими участниками, чаще ставшими взрослыми, и воссоздается в «зеркале автобиографии» как область детского художественного творчества. Материалом изучения детских игр в страну явились прежде всего автобиографические повести о детстве. Затем к ним прибавились такие источники, как воспоминания, дневники, эссе и собственно детская литература. В итоге в нашем распоряжении оказался обширный и разнообразный материал о детских утопических играх, явленных то как развернутый художественный сюжет, то как подробное описание, то всего лишь как упоминание. Большинство игр в страну имеет имянаречение: Швамбрания, Синегория, Джунгахора Л. Кассиля, Мэрце М. Шагинян, Гегемония Ю. Козлова, Амония, Парамония и Рондалия Н. П. Анциферова, Росамунтия И. Коневского, Рукомара Ю. Казакова, Жабиания Л. Кузьмина, Лукоморье К. Паустовского, Страна Нигде Н. Тэффи, Улигания Г. Белых и Л. Пантелеева, Страна Золотого Василька Р. Фраермана, Лилипутия В. Сухомлинского, Ахагия И. Дьяконова, Арлезиания, Лимония, Фанфаронова гора, страна Шад В. С. Баевского, Палмара Б. Ф. Егорова (кстати, известного литературоведа и составителя исторического путеводителя «Российская утопия», включившего игры в страну в детские утопии).

Главный повторяющийся стереотип и «стабилизатор» игры, ее сигнал, ее маркер – *страна* как символ воплощенной мечты: «волшебная страна», «иное царство», «страна обилия», «солнечное царство» – вторая «автономная реальность», которая противопоставляется реальности существующей. И это мифологизированное место действия, этот мифологизированный локус определяют свой архетип коллективного и бессознательного – остров (в Швамбрании – Остров Большого Зуба). Именно модель острова неосознанно для создателей, «авторов» игры оказывается «мифической первоосновой сознания» об ином «небывалом» мире».

Назову другие черты этого особого типа импровизационной символической игры городских по преимуществу детей. Игра в страну-мечту – игра не коллективная, а камерная, можно сказать, очень личная, нередко даже индивидуальная. В ней небольшое количество играющих – от одного до трех, среди которых преобладают дети в возрасте 7–11 лет. Игра в страну-мечту – игра тайная, известная толь-

ко самим играющим, засекреченная, закодированная, тщательно скрываема от взрослых и нередко возникшая из оппозиции к ним и желания жить тайно от них. Как правило, это игра длительная, протяженная во времени, длящаяся недели, месяцы, а иногда и годы. Она не исполняется, а проживается, сопровождаясь созданием большего или меньшего количества атрибутов (карты, схемы, рисунки, тексты) – своеобразного вещественного приложения, которое делает игру *синтезом устных и письменных форм*. Создателями, «авторами» игры в страну, как правило, являются городские дети, обладающие богатым воображением и непременно – большим или меньшим книжным опытом; игры в страну – это игры по преимуществу тех, кто во взрослой жизни реализовал себя в творческом труде (писательстве, искусстве). Это городской детский фольклор.

Швамбрания как явление детского городского фольклора уникальна и неповторима. Не может сравниться с ней по полнокровности, которая обеспечивается ярким и развернутым художественным изображением географии, народонаселения, геральдики, топонимики, ономастики, антропонимики, словообразования, реквизита, ни одна из известных нам вымышленных стран. Когда заходит речь о детских играх в страну, многочисленные придуманные изощренные лексемы-топонимы заменяет одна метафора, одно обобщенное имя – «Швамбрания»: «наши

детские Швамбрании», «сочиняли свои Швамбрании», «швамбранская карта» [24]. Феномен Швамбрании, ставшей наиболее совершенным из всех художественных воспроизведений детской страны-мечты, М. Л. Гаспаров называет неким поэтическим символом, «именем нарицательным» [8: 436].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Самая знаменитая книга Л. А. Кассиля «Кондуит и Швамбрания» стала отдельным объектом разговора в связи с 120-летием писателя. «Всегдашнее возвращение в Швамбранию» – новое обращение к книге в тех аспектах, в каких она специально не рассматривалась: история изданий, история создания текста, история читательской жизни. Стимулом такого изучения для автора статьи явилась блестящая публикация и последовавшие за ней материалы российского ученого А. А. Сеницына, посвященные двум письмам – письму Кассилю американского мальчика о «Стране Швамбрании» и ответ Кассиля. Маленький адресат 1960-х годов – сегодня известный ученый Джеймс Расселл, с которым Сеницына связывает большая дружба, основанная на любви к творчеству Кассиля, и Швамбрании в частности. Письма, ставшие предметом изучения Сеницына и Расселла, несомненно, исторические памятники культуры.

Названные ракурсы возвращения в Швамбранию обогащают и обновляют кассилеведение.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Первое*: Кассиль Л. А. Собрание сочинений: В 5 т. / [Коммент. Е. Таратуты]. М.: Дет. лит., 1965–1966; *Второе*: Кассиль Л. А. Собрание сочинений: В 5 т. / [Коммент. Е. Таратуты]. М.: Дет. лит., 1987–1988; *Третье*: Кассиль Л. А. Собрание сочинений: В 5 т. / [Сост. В. Кассиль, И. Собинова-Кассиль; Коммент. Е. Таратуты]. М.: Терра-Кн. клуб, 2009.
- ² См.: [30: № 72, 78, 79, 80, 81, 84, 85–88, 90, 97, 105, 110, 114, 120, 155, 178, 205, 226, 234, 293, 315, 374, 402, 417, 439, 450], [16].
- ³ Кассиль Л. Кондуит (из книги) // Новый Лэф». 1928. № 5; Кондуит // Пионер. 1929. № 3, 5, 7, 10, 15; Кондуит. Последняя повесть о гимназии. Рис. А. Брея. М.; Л.: Мол. гвардия, 1930; То же. М.: Роман-газета, 1930; То же. Изд. 2-е. М.: Мол. гвардия, 1931; То же. Изд. 3-е. М.: Мол. гвардия, 1931; Подпись Цап-Царапыча (из повести «Кондуит»). Рис. Кукрыниксов. М.: Мол. гвардия, 1931; Блуждающая школа (из повести «Кондуит»). М.: Мол. гвардия, 1932; Кондуит. Последняя повесть о гимназии. Рис. Кукрыниксов. Изд. 5-е, доп. М.: Детгиз, 1934; Кондуит. Последняя повесть о гимназии. Илл. Кукрыниксов. Изд. 6-е, доп. Саратов: Обл. кн. изд., 1935.
- ⁴ Кассиль Л. Швамбрания // Пионер. 1931. № 1, 9, 10, 12–18, 20–21; Швамбрания. Повесть с картами, гербом и флагом. М.: Федерация, 1933.
- ⁵ Кассиль Л. Швамбрания. М.: Сов. писатель, 1935. Издание уникально по оформлению: изящный формат, превосходная печать, нарядная желтая суперобложка, красный ледериновый переплет с выпуклым изображением швамбранского герба, форзац со стилизованными инициалами писателя; на фронтисписе – портрет Кассиля в рост в одежде средневекового рыцаря, сделанный под старинного рыцаря; в конце книги закрепленный красной шелковой лентой конверт «Секретный пакет адмирала Швамбранского со вложением тайных государственных документов» с изображением якоря и компаса; в конверте – четыре карты; конверт «запечатан» гербовой швамбранской печатью; на шелковой тесемке приклеены бумажный флаг и картонная гербовая печать; заставки, концовки. Это издание презентовал мне С. Б. Борисов, за что ему большое спасибо.
- ⁶ Кассиль Л. А. Собрание сочинений: В 5 т. / [Коммент. Е. Таратуты]. М.: Дет. лит., 1965–1966. Далее цитируется по этому изданию, в круглых скобках – номер тома и через двоеточие страницы.
- ⁷ Герб «Государства Большого Зуба». Жизнь одной книги // Вечерняя Москва. 1963. № 11. 14 января. С. 3.

- ⁸ Синицын Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент Русской христианской гуманитарной академии имени Ф. М. Достоевского; антиковед, автор многочисленных работ по истории и культуре, древней рецепции античности в современной культуре (литературе, кинематографе, театре и музыке), постоянный автор и член редколлегии «Вестника Русской христианской гуманитарной академии», организатор научных семинаров по вопросам истории и культуры.
- ⁹ Письмо А. А. Сеницына С. М. Лойтер от 20.02.2025.
- ¹⁰ Письмо А. А. Сеницына С. М. Лойтер от 31.03.2025.
- ¹¹ Письмо Дж. Б. Расселла Л. А. Кассилю от 17.12.1962.
- ¹² Ответ Л. А. Кассиля Дж. Р. Расселлу от 14.01.1963.
- ¹³ Письмо А. А. Сеницына С. М. Лойтер от 31.03.2025.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Письмо А. А. Сеницына Льву Кассилю (правнуку писателя) от 04.04.2025.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ба л и н а М. Р. «Воображаемая география» в детских повестях Льва Кассиля // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2012. № 11 (91). С. 46–53.
2. Б е л а я Л., М о т я ш о в И. Швамбрания – на всю жизнь! (Перечитывая Кассиля) // Детская литература. М.: Дет. лит., 1970. С. 116–134.
3. Б о б р у к Л. С. Творчество Л. Кассиля в жизни читателя // Книга должна быть намагниченной (Кассилевские чтения): Материалы Всерос. конф. 23–24 октября 2018. Энгельс. Музей Кассиля / Под ред. О. А. Щегловой. Вып. 1. Саратов: Амирит, 2018. С. 47–54.
4. Б о р и с о в С. «Делать задуманное сбывающимся...» // Годы и люди. Саратов: Приволжское кн. изд-во, 1986. Вып. 2. С. 105–111.
5. Б о р и с о в С. Б. Книга Л. А. Кассиля «Кондуит и Швамбрания»: Проблемы текстологии // Ученые записки Шадринского государственного педагогического института. 2005. Вып. 9. С. 43–52.
6. Б о р и с о в С. Б. Книга Л. А. Кассиля «Кондуит и Швамбрания»: проблемы текстологии // Борисов С. Б. Человек. Текст. Культура: социогуманитарные исследования. Шадринск, 2007. С. 491–501.
7. В ы г о т с к и й Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте: Психологический очерк. М.: Промсвещение, 1967. 92 с.
8. Г а с п а р о в М. Л. Записи и выписки // Новое литературное обозрение. 1998. № 31 (3). С. 436.
9. И в л е в а Л. Дотеатрально-игровой язык русского фольклора / Сост., подгот. текстов В. Д. Кен. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 1998. 194 с.
10. Л о й т е р С. М. Детские утопии, или игра в страну-мечту как явление детского фольклора // Русский школьный фольклор: от «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов / Сост. А. Ф. Белоусов. М.: Ладомир: АСТ, 1998. С. 605–617.
11. Л о й т е р С. М. Древнегреческие истоки русских детских игровых утопий первой трети XX века // Россия и Греция: диалог культур: Материалы I Междунар. конф. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. Ч. II. С. 338–344.
12. Л о й т е р С. М. Еще раз о детской игре в страну // Фольклор, постфольклор, быт, литература: Сб. ст. к 60-летию А. Ф. Белоусова / Под ред. А. К. Байбурина, В. В. Головина, Е. В. Душечкиной, Г. А. Левинтона. СПб.: СПбГУКИ, 2006. С. 59–64.
13. Л о й т е р С. М. Игра в страну-мечту как явление детского фольклора // Школьный быт и фольклор: Учебный материал по русскому фольклору / Сост. А. Ф. Белоусов. Таллинн: Таллин. пед. ин-т, 1992. Ч. I. С. 65–75.
14. Л о й т е р С. М. И снова: игра в страну-мечту или детские утопии и их северные архетипические истоки // Рябининские чтения – 2019: Материалы VIII конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2019. С. 412–414.
15. Л о й т е р С. М. «Кондуит и Швамбрания» Л. Кассиля: история текста // Детские чтения. 2022. Т. 20, № 2. С. 388–403. DOI: 10.31860/2304-5817-2-22-388-403
16. Л о й т е р С. М. Мой Кассиль // Лойтер С. М. От Пудожа до Парижа: Избранное: эссе, очерки, статьи. Петрозаводск: Версо, 2020. С. 120–128.
17. Л о й т е р С. М. Необходимо академическое издание // Проблемы детской литературы и фольклора: сборник научных трудов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. С. 284–298.
18. Л о й т е р С. М. Открытие неведомых стран: (о творчестве Л. Кассиля) // О литературе для детей. Л.: Дет. лит., 1965. Вып. 10. С. 65–82.
19. Л о й т е р С. М. Русский детский фольклор и детская мифология: Исследование и тексты. Петрозаводск: КГПУ, 2001. 293 с.
20. Л о й т е р С. М. Сатира и романтика в повести Л. Кассиля «Кондуит и Швамбрания» // Ученые записки Карельского педагогического института. 1967. Т. XVIII: Вопросы литературы. С. 89–99.
21. Л о й т е р С. М. Там, за горизонтом...: (проблемы романтического в творчестве Л. А. Кассиля). М.: Дет. лит., 1973. 120 с.
22. Л о й т е р С. М. Феномен детской субкультуры. Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 1999. 44 с.

23. Лойтер С. М. Юмор «Кондуита и Швамбрании» Л. Кассиля и детский фольклор // Жизнь и творчество Льва Кассиля: Сб. / Сост. Л. Разгон; Вступ. ст. С. Михалкова. М.: Дет. лит., 1979. С. 189–202.
24. Москвина М. Как стать детским писателем // Вопросы литературы. 2001. № 6. С. 250–258.
25. Расселл Дж. Р. Возвращение в Швамбранию // История и историческая память: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А. В. Гладышева. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 2018. Вып. 17. С. 219–224.
26. Синицын А. А. «Книжные мальчики» советской детской литературы, или Еще одна «великая тайна Швамбрании» // «Ното loquens: язык и культура. Диалог культур в условиях открытого мира»: Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. 13–14 апреля 2018 г.: Сб. материалов докладов и сообщений. Вып. 3 / Отв. ред. О. Г. Оленчук. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2018. С. 24–47.
27. Синицын А. А. Швамбранцы from USA (предисловие к публикации двух интересных писем) // История и историческая память: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А. В. Гладышева. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 2018. Вып. 17. С. 176–212.
28. Синицын А. А. Из переписки швамбранцев [публикация писем и комментарии к ним] // История и историческая память: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А. В. Гладышева. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 2018. Вып. 17. С. 213–218.
29. Синицын А. А. «Я трижды салютую в твою честь флагом Швамбрании!» (переписка Л. А. Кассиля с американскими читателями) // Книга должна быть намагниченной (Кассилевские чтения): Материалы Всерос. конф., 23–24 октября 2018 года, г. Энгельс / Под ред. О. А. Щегловой. Вып. 1. Энгельс: Музей Л. А. Кассиля; Саратов: Амирит, 2018. С. 55–57.
30. Софья Михайловна Лойтер: Библиографический указатель / Ред.-библиогр.: Т. П. Немцева (сост. и отв. ред.), К. С. Ицкарь, Н. В. Ровенко; Авт. вступ. ст. Т. Г. Иванова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2024. 112 с.
31. Таргутта Е. А. «Да здравствует Швамбрания!» или Сорок лет спустя. История создания «Швамбрании» и споров вокруг нее, рассказанная самим Львом Кассилем в письмах к родителям // Жизнь и творчество Льва Кассиля: Сб. / Сост. Л. Разгон; Вступ. ст. С. Михалкова. М.: Дет. лит., 1979. С. 204–265.
32. Чудакова М. О. Новые работы: 2003–2006. М.: Время, 2007. 560 с.

Поступила в редакцию 22.04.2025; принята к публикации 23.05.2025

Original article

Sofia M. Loiter, Dr. Sc. (Philology), Professor, Independent Researcher (Petrozavodsk, Russian Federation)
sofia5@sampo.ru

PERPETUAL RETURN TO SCHWAMBRANIA: CELEBRATING THE 120TH ANNIVERSARY OF LEV KASSIL

Abstract. The creative work of Lev Abramovich Kassil has been the focus of the author’s research for over 70 years, spanning from her initial scholarly efforts as a university student in 1957 to 2025. This study concentrates specifically on Kassil’s most renowned work – the short novel *The Black Book and Schwambrania* – and emphasizes not so much its artistic qualities or its uniqueness, but rather its history, textual evolution, and, notably, the reader’s experience – elements that are rarely explored in children’s literature. Central to this analysis is A. A. Sinitsyn’s excellent publication, “Schwambranians from USA (preface to the publication of two intriguing letters)”. These include a letter from a young reader concerning *The Land of Schwambrania* (the English translation of the book) penned by the now-famous scholar James Robert Russell, as well as Kassil’s response. This publication also narrates the story of friendship between A. A. Sinitsyn and J. R. Russell, two notable Schwambranians. By examining the imaginary country game as a phenomenon of children’s folklore, viewed as a quintessential playful expression of childhood, the author argues that this particular game should be classified primarily as urban children’s folklore. It represents a unique form of improvisational symbolic play rooted in material that enabled to integrate this particular game into scholarly discourse and recognize it as a valuable component of folkloristics. Numerous examples of games are presented convincingly, illustrating the distinctive and irreplaceable nature of the Schwambrania game, skillfully recreated through Kassil’s creative talent.

Keywords: Lev Kassil, Schwambrania, A. A. Sinitsyn, James Robert Russell, creating fictional country, imaginary countries, children’s folklore, children’s literature, letters

Acknowledgements. The author expresses deep gratitude to A. A. Sinitsyn for the opportunity to explore his research papers and correspondence with J. R. Russell, as well as to Natalia Laidinen, Nadezhda Rovenko, and Natalia Urvantseva for their bibliographic assistance.

For citation: Loiter, S. M. Perpetual return to Schwambrania: celebrating the 120th anniversary of Lev Kassil. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(5):43–54. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1198

REFERENCES

1. Balina, M. R. The “imaginary geography” in the Lev Kassil’s children novels. *RSUH/RGGU Bulletin. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies*. 2012;11(91):46–53. (In Russ.)

2. Belaya, L., Motyashov, I. Schwambrania – for life! (Rereading Kassil). *Children's literature*. Moscow, 1970. P. 116–134. (In Russ.)
3. Bobruk, L. S. Lev Kassil's books in reader's life. *The book must be magnetized (Kassil Readings): Proceedings of the all-Russian conference, 23–24 October 2018*. Issue 1. Saratov, 2018. P. 47–54. (In Russ.)
4. Borisov, S. "To make the conceived come true...". *Years and people*. Issue 2. Saratov, 1986. P. 105–111. (In Russ.)
5. Borisov, S. B. Lev Kassil's short novel *The Black Book and Schwambrania*: Problems of textual studies. *Bulletin of Shadrinsk State Pedagogical Institute*. 2005;9:43–52. (In Russ.)
6. Borisov, S. B. Lev Kassil's short novel *The Black Book and Schwambrania*: problems of textual studies. *Borisov, S. B. Human. Text. Culture: socio-humanitarian studies*. Shadrinsk, 2007. P. 491–501. (In Russ.)
7. Vygot'sky, L. S. Imagination and creativity in childhood: A psychological essay. Moscow, 1967. 92 p. (In Russ.)
8. Gasparov, M. L. Notes and excerpts. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 1998;31(3):436. (In Russ.)
9. Ivleva, L. Pre-theatrical-game language of Russian folklore. St. Petersburg, 1998. 194 p. (In Russ.)
10. Loiter, S. M. Children's utopias, or playing with a dream country as a phenomenon of children's folklore. *Russian school folklore: from "summoning" the Queen of Spades to family stories*. Moscow, 1998. P. 605–617. (In Russ.)
11. Loiter, S. M. Ancient Greek origins of Russian children's game utopias of the first third of the XX century. *Russia and Greece: dialogue of cultures: Proceedings of the I international conference*. Part 2. Petrozavodsk, 2007. P. 338–344. (In Russ.)
12. Loiter, S. M. Once again about the children's game with an imaginary country. *Folklore, post-folklore, everyday life, literature: Collection of articles commemorating the 60th anniversary of A. F. Belousov*. St. Petersburg, 2006. P. 59–64. (In Russ.)
13. Loiter, S. M. The game with a dream country as a phenomenon of children's folklore. *School life and folklore: Educational materials on Russian folklore*. (A. F. Belousov, Ed.). Part 1. Tallinn, 1992. P. 65–75. (In Russ.)
14. Loiter, S. M. Once again: playing with a dream country, or children's utopias and their northern archetypal origins. *Ryabinin Readings – 2019: Proceedings of the VIII conference on the study and actualization of the cultural heritage of the Russian North*. Petrozavodsk, 2019. P. 412–414. (In Russ.)
15. Loiter, S. M. "The Conduit and the Shvambrania" by Lev Kassil: a history of the text. *Children's Readings*. 2022;20(2):388–403. DOI: 10.31860/2304-5817-2-22-388-403 (In Russ.)
16. Loiter, S. M. My Kassil. *Loyter, S. M. From Pudozh to Paris: Selected works: essays, sketches, articles*. Petrozavodsk, 2020. P. 120–128. (In Russ.)
17. Loiter, S. M. An academic publication is needed. *Problems of children's literature and folklore: Collection of research papers*. Petrozavodsk, 2009. P. 284–298. (In Russ.)
18. Loiter, S. M. Discovery of unknown countries: (on Lev Kassil's books). *About Literature for Children*. 1965;10:65–82. (In Russ.)
19. Loiter, S. M. Russian children's folklore and children's mythology: Research and texts. Petrozavodsk, 2001. 293 p. (In Russ.)
20. Loiter, S. M. Satire and romance in Lev Kassil's short novel *The Black Book and Schwambrania*. *Proceedings of Karelian Pedagogical Institute. Topics in the Study of Literature*. 1967;XVIII:88–89. (In Russ.)
21. Loiter, S. M. There, beyond the horizon...: (problems of the romantic in Lev Kassil's books). Moscow, 1973. 120 p. (In Russ.)
22. Loiter, S. M. The phenomenon of children's subculture. Petrozavodsk, 1999. 44 p. (In Russ.)
23. Loiter, S. M. Humor of *The Black Book and Schwambrania* by Lev Kassil and children's folklore. *Life and work of Lev Kassil: Collection of papers*. (L. Razgon, Ed.). Moscow, 1979. P. 189–202. (In Russ.)
24. Moskvina, M. How to become a writer for children. *Voprosy literatury*. 2001;6:250–258. (In Russ.)
25. Russell, J. R. Back to Schwambrania. *History and historical memory*. Issue 17. Saratov, 2018. P. 219–224. (In Russ.)
26. Sinitsyn, A. A. "Bookish dreamer boys" of the Soviet children's literature, or Another "great mystery of Schwambrania". *Homo loquens: language and culture. Dialogue of cultures in an open world. 13–14 April 2018: Proceedings of the international research and practical conference*. St. Petersburg, 2018. P. 24–47. (In Russ.)
27. Sinitsyn, A. A. Sshvambranians from USA (preface to the publication of two intriguing letters). *History and historical memory*. Issue 17. Saratov, 2018. P. 176–212. (In Russ.)
28. Sinitsyn, A. A. Excerpts from correspondence between Schwambranians. *History and historical memory*. Issue 17. Saratov, 2018. P. 213–218. (In Russ.)
29. Sinitsyn, A. A. "I salute you three times with the flag of Shvambrania!" (Lev Kassil's correspondence with American readers). *The book must be magnetized (Kassil Readings): Proceedings of the all-Russian conference, 23–24 October 2018*. Issue 1. Engels; Saratov, 2018. P. 55–57. (In Russ.)
30. Sofia Mikhailovna Loiter: Bibliographic index. (T. P. Nemtseva, Ed.). Petrozavodsk, 2024. 112 p. (In Russ.)
31. Taratuta, E. A. "Long live Schwambrania!" or Forty years later. History of Schwambrania's creation and disputes around it told by Lev Kassil himself in letters to his parents. *Life and work of Lev Kassil: Collection of papers*. (L. Razgon, Ed.). Moscow, 1979. P. 204–265. (In Russ.)
32. Chudakova, M. O. New works: 2003–2006. Moscow, 2007. 560 p. (In Russ.)

ДАРЬЯ СЕРГЕЕВНА ОРЛОВА

аспирант кафедры литературы
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова
(Архангельск, Российская Федерация)
ORCID 0009-0005-0628-9612; dariaolr2014@yandex.ru

МАРИНА ЮРЬЕВНА ЕЛЕПОВА

доктор филологических наук, профессор кафедры литературы
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова
(Архангельск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-7229-5851; m.elepova@yandex.ru

ОБРАЗ ОТЦА В РОМАНЕ-ИДИЛЛИИ А. П. ЧУДАКОВА «ЛОЖИТСЯ МГЛА НА СТАРЫЕ СТУПЕНИ»: ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ

А н н о т а ц и я . Цель исследования – выявление повествовательных стратегий при создании образа отца Петра Стремоухова в романе-идиллии А. П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени». Образ этого героя впервые становится отдельной темой исследования. Нарратологический анализ произведения позволил выявить ряд повествовательных стратегий: обращение к идиллическому хронотопу, включение в роман фольклорных жанров, цитатный дискурс с формированием провозкативной стратегии, трагикомическое начало, применение ненадежного повествования. Образ Петра Стремоухова как создателя и хранителя семьи соотносится с семейным идиллическим хронотопом. Фольклорные тексты внутри романного повествования (жанр семейного предания, пословицы) уточняют характеристику героя. Образ отца связан с вечным героем мировой литературы Дон Кихотом: ощущая гнет советской системы, персонаж парадоксально идеализирует ее, это романтик, всеми силами души устремленный к великому в прошлом и настоящем. В романе-идиллии выявлены реминисценции из произведения М. Сервантеса. Образ Петра Стремоухова занимает особое место в персоналогии романа: он коррелирует с образом деда, зачастую становясь по отношению к нему антагонистом. Нравственное влияние отца и деда определяет становление главного героя. **К л ю ч е в ы е с л о в а :** А. П. Чудаков, «Ложится мгла на старые ступени», роман-идиллия, образ отца, донкихотство, реминисценция, повествовательные стратегии, персоналогия

Д л я ц и т и р о в а н и я : Орлова Д. С., Елепова М. Ю. Образ отца в романе-идиллии А. П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени»: повествовательные стратегии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 5. С. 55–60. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1199

ВВЕДЕНИЕ

Александр Павлович Чудаков – ученый-филолог, автор множества научных работ, в том числе широко известных монографий «Поэтика Чехова», «Мир Чехова. Возникновение и утверждение». Роман-идиллия «Ложится мгла на старые ступени» (2000), единственное художественное произведение этого автора, становится знаковым сочинением современной русской литературы. За это произведение Чудаков удостоен звания лауреата премии «Русский Букер» (2011). Роман, отличающийся глубиной проблематики и художественным богатством, в 2000–2010-е годы при-

влек внимание литературоведов (см.: Е. М. Гордеева [4], Ю. В. Доманский [5], С. В. Зеленцова, Д. С. Тарухтина [8], А. Степанов [11] и др.). Научный интерес к этому произведению в отечественном литературоведении не ослабевает. Обращает на себя внимание такая художественная особенность романа Чудакова, как его полифоничность, оперируя термином М. Бахтина, или полимодальность, по Ж. Жанетту. И. Булкина выделяет в этом произведении три основных звучащих голоса и расставляет их от главного к сравнительно наименее значимому: голос традиции, голос деда; голос отца; голос повествователя Антона,

художественного альтер-эго автора¹. Роман представляет собой прихотливую цепь воспоминаний нарратора. Ключевое место в этих воспоминаниях занимает образ деда. Голос отца то звучит в унисон с голосом деда, то вступает с ним в противоречие. Антон оказывается между двумя звуковыми волнами. Голоса вводятся в роман при помощи использования разных повествовательных стратегий. Теоретической разработкой теории повествования, принципов нарратологии занимались М. Бахтин [2], В. Тюпа [12], В. Шмид [14], Ж. Жаннет [7], Ю. Кристева [10].

Цель исследования – через анализ повествовательных стратегий рассмотреть образ отца, а именно выявить в нем черты вечного образа Дон Кихота, уточнить его место в художественном произведении по отношению к образам деда и главного героя Антона Стремоухова.

* * *

Жанровое определение исследуемого произведения, данное самим Чудаковым, – роман-идиллия. М. Бахтин, обращаясь к вопросу романного хронотопа, выделяет четыре чистых типа идиллии: любовную (пастораль), земледельчески-трудовую, ремесленно-трудовую и семейную [2].

Когда отец показан как член семейства Саввиных – Стремоуховых, в его образе можно найти черты семейной, земледельчески-трудовой и ремесленно-трудовой идиллий. Например, внезапно открыв, что сын, дошкольник, уже умеет читать и считать, отец спешит поделиться этим открытием с женой: «Тасенька, – позвал отец, – иди сюда, посмотришь на результаты по системе Ушинского» (68)². Далее супруги решают судьбу сына, обсуждая, в какой класс его отдать. В отношениях родителей главного героя видны черты семейной идиллии (гармония и взаимопонимание). Место отца является важным в производящем почти все натуральном хозяйстве Саввиных – Стремоуховых, он «занимался самыми ответственными и тяжелыми делами – заготовкой дров и сена» (124). Через приобщение к семье и семейным ценностям человек обретает внутренний мир и гармонические отношения с близкими людьми.

Кроме обращения к идиллическому хронотопу, Чудаков использует включение в текст романа других текстовых жанров, в том числе фольклорных. Э. Ф. Шафранская, обращаясь к фольклорному контексту романа Чудакова, отмечает:

«Легенды, предания, байки, песни, жестокие романсы, паремии, слухи, детские игры – все включено в повседневную жизнь, попутно представлен генезис некоторых сюжетов, их варианты» [13: 143].

Отец часто является главным действующим лицом семейных преданий: он спасся в степи от волков, вступил в единоборство с вором, позарившимся на скошенное семейное сено, отогрелся в русской печи провалившегося под лед Антона. Имея все характерные для сюжета фабульные узлы: завязку, кульминацию и развязку, – эти воспоминания запечатлеваются в памяти Антона очень ярко. Таким образом, мужское начало (отец повел себя смело в ситуации встречи с волчьей стаей, отстоял имущество семьи, защитил сына) выражено в некоторых эпизодах романа в художественном плане очень активно, и отец здесь не может не быть примером для Антона.

Еще один фольклорный жанр, обнаруживаемый в тексте романа, – поговорка. Любимая поговорка отца – «Не красно солнышко – всех не обогрею». При этом повествователь сообщает, например, как отец безвозмездно оказывал юридическую помощь всем, кто обращался к нему, составляя заявления и письма. Прием антитезы в данном случае показывает доброту героя и стремление помочь другим, высокое значение для него таких понятий, как долг и совесть.

В образе Петра Стремоухова очевидны некоторые черты романтического героя. Всеми мыслями и душой он стремится к «магии силы». Автор показывает это при помощи цитатного дискурса, «когда повествователь делает вид, что буквальным образом передает слово своему персонажу» [7: 191]. Петр Иванович вдохновенно рассказывает сыну про Черчилля:

«Уинстону Черчиллю шел шестьдесят шестой год. Другие в этом возрасте в своих поместьях пишут мемуары. Но страна находилась в опасности. Англия вспомнила о нем и призвала его, вручив ему власть 10 мая 1940 года – за пять лет до победы. И первое, о чем он сказал, – о победе. Но ты послушай, что он сказал!» (473).

Благодаря тому что герой характеризуется в основном при помощи собственных реплик, автору удается с особенной силой показать суть персонажа: страстную увлеченность, восторженность, стремление к возвышенному идеалу.

Цитатный дискурс у Чудакова часто перерастает в провокативную повествовательную стратегию. В диалогах отца и деда нередко представлены диаметрально противоположные мнения, их столкновение заставляет и читателя подключаться к этому спору. Например, про кулаков, сосланных в Чебачинск (небольшой город в Казахстане, где прошло детство Антона) и очень быстро заживших лучше местных, дед говорит: «Что вы хотите... цвет крестьянства. Не могут не работать. Да как!» Ответ отца на эту фразу такой: «А чего же этот цвет в колхозе ни черта не дела-

ет?» (39). Когда началась Великая Отечественная война, несмотря на медотвод, Петр Иванович пытался записаться на фронт добровольцем: «Умирать за эту власть? С какой стати?» – не одобрял поступок дед. На это отец возражал: «При чем тут власть! <...> За страну, за Россию!» (46). Дед стоит в оппозиции по отношению к советской власти, считая ее эпоху «царством фантомов». Отец с его восторженностью и способностью увлекаться ближе к советской идеологии, лозунговой по своей природе.

Некоторым фрагментам текста, посвященным отцу, Чудаков придает трагикомическую окраску, в них можно отметить реминисценции из романа М. Сервантеса «Дон Кихот». Ю. Айхенвальд пишет про двойственность и неоднозначность образа Дон Кихота, его связь с такими понятиями, как «христианство», «благородство», с одной стороны, и «чужачество», «юрродство», с другой [1: 18–19]. В Петре Ивановиче есть и первое, и второе. При анализе фольклорного контекста произведения уже сказано про доброту героя, его стремление бескорыстно помогать окружающим. В то же время донкихотство героя выглядит и как смешное, не укладывающееся в реалии времени. Петр Иванович восхищается великим, хотя, как правило, очередной предмет его восхищения далек от советской действительности. Однако, в отличие от героя Сервантеса, герой Чудакова осознает жизненные реалии: свои идеалы он должен хранить для себя. Зачитанное сыну высказывание Черчилля (приведенный выше эпизод) случайно слышит известный доносчик Роман Казаков. Петр Иванович проявляет находчивость и объясняет, что слова принадлежат Молотову. Молотов замещает Черчилля, а примитивно мыслящий и невежественный Казаков ловко обманут. Так конфликт мечты и действительности получает юмористическое звучание. В то же время столкновение Дон Кихота, комического героя, с действительностью в контексте романа Сервантеса рождает отчасти трагический пафос. В описанном случае комическое граничит с трагическим: зачитывание на улице слов, произнесенных американским президентом, могло бы кончиться для героя арестом, ссылкой, негативно отразиться на его семье.

Восхищаясь великим, Петр Иванович не задумывается о сути этого великого, ее подменяет внешний блеск. Автор нанизывает в главе «Отец» предметы восхищения героя: политические деятели, радиостанции, армии стран мира. Разнородность и иногда сомнительность личностей и явлений, перед которыми преклоняется Стре-

моухов (например, Талейран был известен своей полной беспринципностью и продажностью, Черчилль стал врагом России, зачинщиком холодной войны, вещания радиостанции «Голос Америки» никак не совмещались с преклонением отца Антона перед железной волей Сталина и т. д.), доказывают противоречивость и поверхностность воззрений романтически настроенного Петра Ивановича, и в скрыто ироническом освещении повествователя они в некоторой степени приобретают комическое звучание.

В. Е. Багно в работе «Дон Кихот в России и русское донкихотство» отмечает такую особенность русского донкихотства, как «превращение... в культурное явление, охватывающее и бытовое поведение» [3: 205], и одним из его проявлений исследователь называет «начетнический энтузиазм» [3: 206]. Это определение соответствует образу Стремоухова-старшего, книгодея, который, подобно Дон Кихоту, из книг черпал представления об идеальных фигурах для поклонения.

Реминисценция из романа Сервантеса, а именно на пародийно изображенные рыцарские поединки, содержится и в сцене отстаивания отцом скошенного семьей сена. В ней в юмористическом ключе представлено «фехтование» вилами – поединок между Петром Ивановичем и мужиком-вором, отступление последнего, его «полная капитуляция»:

«...через минуту отец уже бежал впереди Антона, держа наперевес вилы, как участник крестьянского восстания Болотникова, – и успел схватить под уздцы отъезжающую лошадь. Мужик спрыгнул с воза тоже с вилами и попытался пырнуть ими отца – тот отбил. Мужик сделал еще выпад – отец отбил с лязгом. Антон, раскрыв рот, смотрел на это фехтование. Отец кинул на него короткий взгляд (Антон долго его вспоминал) и закричал мощно: “Трофимыч! Григорьич!” Услышав, что есть еще Трофимыч с Григорьичем, мужик бросил вилы, отскочил за куст и, быстро соорудив удивленное лицо, забормотал:

– Да я как? Смотрю – сенцо ничье, можа, думаю, не вывезли, дак я что...» (102).

Кроме того, судьба Петра Ивановича – человека, не получившего возможности в полной мере реализовать себя, также исполнена драматизма. Упоминание горы Спящий Рыцарь заставляет читателя вспомнить про рыцаря печального образа. Принесенные отцом с этой горы ягоды при всей тяжести работы стоили столь же мало, что и трудные «подвиги» Дон Кихота, завершающиеся совсем не так, как он рассчитывал.

Несмотря на все чудачества, Петр Стремоухов – хранитель семьи и необходимого для ее су-

ществования хозяйства. Донкихотство героя – это спор с тяготами действительности через неустанные труды. И здесь очевидна еще одна особенность русского донкихотства: по наблюдениям О. Есиповой, идея «безумия» героя постепенно вытесняется в русской традиции идеей жизнестроительного бунта [6: 27]. И прекрасное, и смешное в персонаже противопоставлено реалиям XX века, нарушению нормального функционирования всех социальных институтов того времени. О. А. Казьмина так характеризует донкихотствующего героя пьесы М. А. Булгакова «Бег», «рыцаря» Серафимы приват-доцента Голубкова: в нем

«рыцарский идеал... оказывает сопротивление раздвоившемуся в смутном времени и сменившему ориентиры миру, приводящему к предательству, душевному и нравственному кризису» [9: 121].

Анализируя принципы ретроспекции в литературе, М. Басселер и Д. Бирке останавливаются в том числе на вопросе ненадежного повествования. Ненадежность повествования в данном случае обуславливается особенностями человеческой памяти: ее избирательностью, субъективностью, склонностью к ошибкам, домысливанию – и помогает создать реалистичную картину видения мира, когда автор не претендует на всеохватность, а показывает то, что хранит память одного человека [15]. Таким образом, рассмотрение места отца в представленных воспоминаниях позволит сделать вывод о его значении в жизни сына.

Образ отца не выстраивается в произведении последовательно, посвященных ему частей текста сравнительно немного. На протяжении романа находим подтверждения любви сына к отцу, существования между ними духовной связи. Примером здесь могут служить проанализированные выше фрагменты текста, в которых отец показан как глава семьи, пример для сына и т. д. Однако есть и воспоминания, которые свидетельствуют о произошедшем со временем охлаждении в отношениях между отцом и сыном. Оценивая бытовые привычки Антона – столичного студента, отец иронично говорит «там у вас» (90), чем ранит героя. Взрослый Антон не принимает многие дорогие для Петра Стремоухова советские идеологемы. Несомненно, что отец живет в воспоминаниях любящего сына, но его место в становлении его личности неоднозначно, трудно сделать окончательные выводы об отношениях отца и сына: память главного героя не сохранила подробностей.

Избрание автором такой повествовательной стратегии, как репрезентация процесса

воспоминания, позволяет показать, что отец не занимает в жизни сына исключительно важное место. Дед Леонид Саввин, в отличие от отца, зримо и незримо присутствует в каждом воспоминании внука. Именно он заложил в Антоне основы знаний о мире. В первую очередь от деда Антон усваивает понятие о семейных ценностях, и пусть его дочка, а потом внучка не такие любознательные, как он в детстве, герой пытается говорить с ними и передавать свой жизненный опыт, как некогда делал дед по отношению к Антону. «Ты был прав во всем!» (494), – восклицает герой на могиле Саввина.

Голоса деда и отца, переключаясь и противопоставляя, определяют формирование личности Антона, выбор им жизненного пути. Отец заражает сына страстной увлеченностью историей, и тот идет по его стопам, становится историком. Подобно ему, переживает период поклонения великим людям, в частности, исповедуя культ Наполеона. Стремоухов-старший привил сыну любовь к работе, всевозможные трудовые навыки, впрочем, как и дед. Однако высокие духовно-нравственные принципы Антон наследует от деда Леонида Саввина, именно он сформировал мировоззрение внука, хотя некоторые позиции деда Антон смог принять только через много лет после напряженного духовного поиска. Голос деда, отражающий многовековые традиции русской жизни, оказывается значимее для главного героя, чем голос внутренне прекрасного в своей устремленности к идеалу, но несколько оторванного от действительности отца.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, для раскрытия образа отца автор использует несколько повествовательных стратегий. Обращение к идиллическому хромотопу позволяет вписать героя в мир изображенной в романе семьи. Семейные предания, пословицы способствуют созданию образа отца как положительного героя. Наиболее ярко как личность он проявляется посредством использования автором цитатного дискурса и обращения к трагикомическому началу. Восторженные реплики отца говорят о том, что он способен быстро загораться идеей, не вдумываясь в ее суть. Это отчасти связывает героя с советской идеологией и делает в какой-то мере антагонистом по отношению к деду. Из столкновения устремленности Петра Ивановича к великому с действительностью рождается комический эффект, оборачивающийся в романе идиллии и трагическим пафосом.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Булкина И. История внука века // Знамя. 2012. № 8 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/znamia/2012/8/istoriya-vnuka-veka.html> (дата обращения 14.10.2024).
- ² Чудаков А. П. Ложится мгла на старые ступени. М.: Время, 2022. 640 с. Далее цитируется по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ай хенвальд Ю. Дон Кихот на русской почве. Нью-Йорк: Chalidze publications, 1982. 357 с.
2. Бахтин М. М. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.). М.: Языки славянских культур, 2012. 880 с.
3. Багно В. Е. Дон Кихот в России и русское донкихотство. СПб.: Наука, 2009. 228 с.
4. Гордеева Е. М. Жанровое своеобразие романа-идиллии А. П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 6. С. 90–96.
5. Доманский Ю. В. Некоторые особенности художественного мира романа «Ложится мгла на старые ступени» Александра Чудакова // Новый филологический вестник. 2019. № 1 (48). С. 230–237.
6. Есипова О. Русский Дон Кихот и Булгаков // Булгаковский сборник III: Материалы по истории русской литературы XX века. Таллинн, 1998. С. 21–36.
7. Жаннет Ж. Фигуры: В 2 т. Т. 2. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. 472 с.
8. Зеленцова С. В., Тарухтина Д. С. Жанровая специфика романа А. П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» // Орловский текст российской словесности: Сб. тр. по материалам Всерос. науч. конф., Орел, 5–6 окт. 2017 г. Орел: ОГУ им. И. С. Тургенева, 2018. Вып. 11. С. 121–126.
9. Казьмина О. А. Культурная символика рыцарства в пьесе М. А. Булгакова «Бег» // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 2 (16). С. 117–129. DOI: 10.20323/2658_2023_2_16_117
10. Крестева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. М.: РОССПЭН, 2004. 652 с.
11. Степанов А. Идиллия vs. прогресс: заметки о прозе А. Чудакова // Тыняновский сборник. Вып. 13: XII–XIII–XIV Тыняновские чтения: Исследования. Материалы. М.: Водолей, 2009. С. 400–411.
12. Тюпа В. И. Нарративная стратегия романа // Новый филологический вестник. 2011. № 3 (18). С. 8–24.
13. Шафранская Э. Ф. Роман А. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» в аспекте филологической антропологии // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 4. С. 140–147. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.4.140
14. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры: Кошелев, 2003. 311 с.
15. Basseler M., Birke D. Mimesis of remembering // Journal of Literary Theory. 2022. Vol. 16 (2). P. 213–238. DOI: 10.1515/jlt-2022-2023

Поступила в редакцию 28.11.2024; принята к публикации 28.04.2025

Original article

Darya S. Orlova, Postgraduate Student, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation)

ORCID 0009-0005-0628-9612; dariaolr2014@yandex.ru

Marina Yu. Elepova, Dr. Sc. (Philology), Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation)

ORCID 0000-0002-7229-5851; m.elepova@yandex.ru

**FATHER FIGURE IN ALEXANDER CHUDAKOV'S NOVELISTIC IDYLL
A GLOOM DESCENDS UPON THE ANCIENT STEPS:
NARRATIVE STRATEGIES**

Abstract. This study aims to identify the narrative strategies used to craft the image of Pyotr Stremoukhov's father in Alexander Chudakov's novelistic idyll *A Gloom Descends upon the Ancient Steps*. This character is examined as a distinct subject of research for the first time. Through narratological analysis, several key narrative strategies were identified: an appeal to the idyllic chronotope, the incorporation of folklore genres into the narrative, the use of quotation discourse to develop a provocative strategy, blending tragic and comic elements, and the employment of unreliable narration. The depiction of Pyotr Stremoukhov as the creator and protector of the family aligns with the family-oriented idyllic chronotope. Folklore elements within the novel (family lore genres or proverbs) serve to deepen the characterization of the hero. The image of the father is also linked to the archetype of Don Quixote, the eternal hero of world literature: feeling oppressed by the Soviet system, the character paradoxically idealizes it; he is a romantic figure striving passionately for the values of the past and present. The novelistic idyll incorporates reminiscences of Cervantes'

novel. Pyotr Stremoukhov's character holds a special place within the novel's system of characters, correlating with and often opposing his grandfather. The moral influence exerted by the father and the grandfather profoundly shapes the protagonist's development.

Key words: Alexander Chudakov, *A Gloom Descends upon the Ancient Steps*, novelistic idyll, father, Quixotism, reminiscence, narrative strategies, system of characters

For citation: Orlova, D. S., Elepova, M. Yu. Father figure in Alexander Chudakov's novelistic idyll *A Gloom Descends upon the Ancient Steps*: narrative strategies. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(5):55–60. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1199

REFERENCES

1. Aikhenvald, Yu. Don Quixote on Russian soil. New York, 1982. 357 p. (In Russ.)
2. Bakhtin, M. M. Collected works: In 7 vols. Vol. 3: Theory of novel (1930–1961). Moscow, 2012. 880 p. (In Russ.)
3. Bagno, V. E. Don Quixote in Russia and Russian Quixotism. St. Petersburg, 2009. 228 p. (In Russ.)
4. Gordeeva, E. M. Genre peculiarity of A. P. Chudakov's novel-idyll "Haze Lies on Old Steps". *Herald of Vyatka State University for the Humanities*. 2015;6:90–96. (In Russ.)
5. Domanskii, Yu. V. Some peculiarities of the artistic world of the novel "The Haze Lays Down on the Old Steps" by Alexander Chudakov. *New Philological Bulletin*. 2019;1(48):230–237. (In Russ.)
6. Esipova, O. Russian Don Quixote and Bulgakov. *The Bulgakov collection III: Materials on the history of Russian literature of the XX century*. Tallinn, 1998. P. 21–36. (In Russ.)
7. Genette, G. Figures: In 2 vols. Vol. 2. Moscow, 1998. 472 p. (In Russ.)
8. Zelentsova, S. V., Tarukhtina, D. S. Genre specifics of Alexander Chudakov's novel *A Gloom Descends upon the Ancient Steps*. *Orel texts of Russian literature: Proceedings of the all-Russian research conference*. Orel, 2018. Issue 11. P. 121–126. (In Russ.)
9. Kazmina, O. A. The cultural symbolism of chivalry in M. A. Bulgakov's play "Flight". *World of Russian-Speaking Countries*. 2023;2(16):117–129. DOI: 10.20323/2658_2023_2_16_117 (In Russ.)
10. Kristeva, J. Selected works: Debunking of poetics. Moscow, 2004. 652 p. (In Russ.)
11. Stepanov, A. Idyll vs. progress: notes about Alexander Chudakov's prose. *The Tynyanov collection*. Issue 13: XII–XIII–XIV. *Tynyanov Readings: Research. Materials*. Moscow, 2009. P. 400–411. (In Russ.)
12. Tyupa, V. I. The narrative strategy of a novel. *New Philological Bulletin*. 2011;3(18):8–24. (In Russ.)
13. Shafranskaya, E. F. Alexander Chudakov's novel *A Gloom Descends upon the Ancient Steps* from the perspective of philological anthropology. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanities and Social Sciences"*. 2017;4:140–147. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.4.140 (In Russ.)
14. Schmid, W. Narratology. Moscow, 2003. 311 p. (In Russ.)
15. Basseler, M., Birke, D. Mimesis of remembering. *Journal of Literary Theory*. 2022;16(2):213–238. DOI: 10.1515/jlt-2022-2023

Received: 28 November 2024; accepted: 28 April 2025

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ГОЛОВACHEВА

кандидат филологических наук, начальник Отдела развития онлайн-образования

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

(Томск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-2744-8767; eagolovacheva@tpu.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПОЛЕ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» В НЕМЕЦКИХ ПЕРЕВОДАХ (уровень хронотопа)

А н н о т а ц и я . Целью исследования является рассмотрение особенностей воспроизведения смысло- и сюжетобразующего концептуального поля «преступление / наказание» романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» на уровне хронотопа на немецкий язык. Материалом выступают наиболее репрезентативные фрагменты переводов романа, выполненные В. Генкелем (1882), М. Феофановым (1908, 1922), А. С. Элиасбергом (1921), Э. Кэррик (псевд. Е. К. Разин) (1953) и С. Гайер (1994). Последовательно изучаются нюансы воспроизведения авторских признаков «масштабность пространства кризиса», «бегство», «предопределенность конца». Установлено, что наибольшие потери, обусловленные недостаточным вниманием переводчиков к особенностям стиля Достоевского, обнаруживаются в ранних интерпретациях, что сказывается на степени передачи аксиологических доминант произведения и образов ряда персонажей.

К л ю ч е в ы е с л о в а : хронотоп, Ф. М. Достоевский, роман, «Преступление и наказание», Германия, художественный перевод, художественная картина мира, концепт, немецкий язык

Д л я ц и т и р о в а н и я : Головачева Е. А. Концептуальное поле романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в немецких переводах (уровень хронотопа) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 5. С. 61–69. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1200

ВВЕДЕНИЕ

Свидетельством актуальности изучения вопросов переводческой рецепции произведений Ф. М. Достоевского в Германии является значительное количество отечественных и зарубежных исследований¹. В последнее время отмечается интерес к проблемам воспроизведения романа «Преступление и наказание» на немецкий язык², к особенностям целостной передачи его идейно-художественного содержания и формы³, а также комплексному изучению концептосферы творчества писателя и осмыслению его наследия в немецкой культуре⁴.

Материалом исследования послужили пять⁵ разновременных и наиболее часто переиздаваемых переводов «Преступления и наказания»⁶, обозначивших знаковые этапы немецкой рецепции творчества Достоевского [4], [5], выполненных В. Генкелем (1882)⁷ – первым переводчиком, интерпретация которого на долгие годы определила характер восприятия русского писателя не только в Германии, но и в Европе в целом [4: 122–125]; Э. Кэррик, М. Феофановым (псевд.

Е. К. Разин)⁸ (1908, 1922)⁹, (1953)¹⁰ – чьи переводы входят в первое и последующие собрания сочинений Достоевского в Германии издательства «Пипер» (переиздавались отдельными изданиями и в составе сборников не менее десяти раз) [4: 128–132]; А. С. Элиасбергом (1921)¹¹ – известным автором многочисленных переводов шедевров русской литературы на немецкий язык, в том числе и многократно переиздававшегося в его интерпретации «Преступления и наказания» (пять раз) [5: 158–159]; С. Гайер (1994)¹² – автором последнего перевода романа, получившего особое признание у немецких читателей и в филологических кругах (не менее семи переизданий) [5: 162–165]. Во всех интерпретациях использованы уникальные подходы и стратегии¹³, обусловленные определенными культурными традициями и личностями переводчиков¹⁴. Выбор вышеупомянутых востребованных в немецкой культуре переводов, таким образом, представляется обоснованным и позволяет выявить нюансы рецепции романа в разные периоды, проследить черты переводческой преемственности

и тенденции к воспроизведению художественной аксиологии и поэтики подлинника.

В настоящей статье рассмотрены особенности передачи на немецкий язык наиболее репрезентативных эпизодов романа, в которых объективируются авторские признаки концептуального поля (КП)¹⁵, представленные на пространственно-временном уровне текста: «масштабность распространения кризиса», «бегство», «предопределенность конца» [3]. В оригинальном тексте они указывают на важные для понимания идеи произведения аксиологические особенности, позволяют уточнить мировоззренческую позицию Достоевского, а также на всем протяжении романа акцентируют мысль писателя о глубине кризиса, переживаемого русским обществом, и о повсеместной утрате православных ценностей (соборности, милосердия, сострадания и т. д.) [3: 251–252].

Методология сопоставительного анализа переводов базируется на концептологическом анализе, который позволяет выявить факты соответствия перевода оригиналу на всех уровнях поэтики, объяснить причины переводческих потерь и трансформаций, а также глубже осмыслить нюансы восприятия романа¹⁶.

Критериями оценки эквивалентности переводов и адекватности передачи КП на пространственно-временном уровне выступают следующие: степень воспроизведения аксиологических оттенков репрезентантов концептов и приращений, которые присутствуют в индивидуальном сознании писателя и отражаются в художественном произведении; особенности стиля Достоевского; нюансы ритмики и синтаксиса оригинального текста с точки зрения норм немецкого языка¹⁷.

ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ ПРИЗНАКА КП «МАСШТАБНОСТЬ РАСПРОСТРАНЕНИЯ КРИЗИСА»

При передаче признака КП «масштабность распространения кризиса»¹⁸, актуализированного во второй части романа, перед переводчиками встает задача показать, во-первых, категоричность взглядов сторонников «прогрессивных» идей (Лужина), во-вторых – трагедию уничтожения традиционных ценностей.

«Все эти наши новости, реформы, идеи – все это и до нас прикоснулось в провинции; но чтобы видеть ясное и видеть все, надобно быть в Петербурге» (VI: 115)¹⁹.

«...распространены новые, полезные мысли, распространены некоторые новые, полезные сочинения, вместо прежних мечтательных и романических; литература принимает более зрелый оттенок; искоренено и осмеяно много вредных предубеждений...; Одним словом, мы безвозвратно отрезали себя от прошедшего, а это, по-моему, уж дело-с...» (VI: 115).

В первом фрагменте при рассмотрении интерпретации Генкеля обнаруживаются некоторые лакуны: отсутствие существительного *новости*, а также повтора глагола *видеть* (*видеть все*), которые в оригинальном тексте подчеркивают попытку Лужина произвести впечатление современного и осведомленного человека, замечая тенденции продвижения новомодных идей за пределы столицы.

В позднем переводе Кэррик (1953) лексема *прикоснулось* (*все это и до нас прикоснулось*) заменена на *проникли* (*gedrungen*), что усилило ощущение распространения и углубления социальных и нравственных деформаций. В варианте Гайер за счет дополнения *лично присутствовать* (*persönlich anwesend sein*) (в Петербурге) акцентируется тщеславный замысел Лужина, который связан не только с запланированной женитьбой, но и со страстным желанием занять высокое положение в обществе.

Во всех интерпретациях, кроме последнего перевода, выполненного С. Гайер, отсутствуют повторы глагола *распространены*, маркирующего проникновение разного рода безнравственных идей в центр России и на периферию. Генкель и Элиасберг используют синонимы *verbreitet* (*распространились*) и *erscheinen* (*появились*), Кэррик (все переводы) лишь единожды употребляет глагол *verbreitet* (*распространились*). В варианте Элиасберга в отличие от оригинала дополнительно акцентируется трагедия уничтожения исконных православных традиций за счет добавления фразы *wirken nur nicht lächerlich* (*не кажутся смешными*) (предрассудки).

В интерпретации Генкеля упущено существительное *дело-с*. Данная лакуна не позволяет первому переводчику донести до немецкого читателя аксиологическую связь воззрений Лужина и представителей молодого поколения, не имеющих истинного дела и испытывающих проблемы самоопределения²⁰, с преступной идеей Раскольникова и утратой им нравственных ориентиров (*на какое дело хочу покуситься* (VI: 6)).

Выявленные потери (отсутствие перевода слов, повторов) при воспроизведении признака КП «масштабность распространения кризиса» в данном фрагменте не позволили Генкелю передать трагедию разрушения традиционного общества и раскрыть ряд черт Лужина (малодушие, поверхностность) и Раскольникова (отсутствие истинной занятости, погруженность в свои мысли и теории). Благодаря вниманию к слову Достоевского Гайер точно изобразила трагедию распространения идеологических заблуждений и ограниченность воззрений Лу-

жина, его готовность пренебречь моральными и нравственными нормами.

В продолжающемся диалоге с Зосимовым и Разумихиным Лужин также акцентирует внимание на многочисленных преступлениях (*преступления (2)*), грабежах (*повсеместных и беспрерывных грабежах*), разбоях (*почту разбил*), обманах (*фальшивые бумажки делают, подделывателей билетов*), убийствах (*убивают, убита*))²¹:

«Не говорю уже о том, что **преступления** в низшем классе, в последние лет пять, увеличились; не говорю о повсеместных и беспрерывных **грабежах** и пожарах; страннее всего то для меня, что **преступления** и в высших классах таким же образом увеличиваются и, так сказать, параллельно. Там, слышно, бывший студент на большой дороге **почту разбил**; там передовые, по общественному своему положению, люди **фальшивые бумажки делают**; там, в Москве, ловят целую компанию **подделывателей билетов** последнего займа с лотереей, — и в главных участниках один лектор всемирной истории; там **убивают** нашего секретаря за границей, по причине денежной и загадочной... И если теперь эта старуха процентщица **убита** одним из закладчиков, то и это, стало быть, был человек из общества более высшего, — ибо мужики не закладывают золотых вещей, — то чем же объяснить эту с одной стороны распушенность цивилизованной части нашего общества?» (VI: 117).

Несмотря на очевидную сложность воспроизведения всех лингвостилистических нюансов данного фрагмента (обилие повторов (*там*), специфических временных указаний (*последние лет пять, беспрерывных, теперь*)), практически во всех интерпретациях они воссозданы без потерь, что позволило донести до немецкого читателя атмосферу современных городов, в которых культ наживы затрагивает все социальные слои. Однако Элиасберг упускает лексику *повсеместных* и тем самым не акцентирует внимание на масштабе распространения преступлений.

В четвертой части романа переводчикам необходимо показать повсеместную бедность русских семей, которая подчеркнута Достоевским на уровне слова (местоименные наречия *здесь, там (2)*), выражения *по углам, в какой обстановке*)²².

«Неужели не видала ты **здесь** детей, **по углам**, которых матери милостыню высылают просить? Я узнавал, **где живут** эти матери и **в какой обстановке**. Там детям нельзя оставаться детьми. Там семилетний развратен и вор» (VI: 252).

В варианте Генкеля отсутствует перевод слова *развратен*, маркирующего очень чуткое понимание Раскольниковым трагедии разрушения семей, а также глубокую деградацию человеческих и семейных ценностей, безнрав-

ственность поступков детей, потерявших веру в справедливость и покровительство Бога. В других рассматриваемых интерпретациях потерь не обнаружено.

В шестой части романа признак «масштабность распространения кризиса» актуализируется в речи Свидригайлова, который отмечает нездоровую атмосферу Петербурга и указывает на преступления, охватившие пространство столицы²³:

«Народ пьянствует, молодежь образованная от бездействия перегорает **в несбыточных снах и грезах**, уродуется в теориях; **откуда-то** жида **наехали**, прячут деньги, а все остальное развратничает» (VI: 370).

В варианте Генкеля данный фрагмент не переведен, а весь рассказ Свидригайлова (включая сцену в танцевальном зале) про его сватовство дан в очень кратком изложении. Поэтому в самой ранней интерпретации теряется важная деталь образа Свидригайлова: осознанное понимание им масштаба разрушения традиционных ценностей, что служит отличительным маркером, позволяющим выделить его среди других персонажей романа (Лужина, Алены Ивановны и др.). Во всех переводах Кэррик неэквивалентная замена маркированного глагола *перегорает* на *погружается* (*geht vor*) не позволяет показать глубину нравственной деградации общества. Элиасберг упускает выражение *от бездействия* (*перегорает*), поэтому проблема кризиса веры и истинной занятости у представителей молодого поколения не акцентирована в его варианте. Гайер, напротив, удалось добиться наиболее точного воспроизведения данного фрагмента на немецкий язык.

Символический сон Раскольникова, в котором признак «масштабность распространения кризиса» вербализуется с помощью обилия номинативных репрезентантов КП, указывающих на преступления, болезни и страдания, воспроизведен во всех интерпретациях максимально близко к оригиналу с учетом нюансов стиля Достоевского. Лишь в переводах Кэррик обнаруживается замена глагола *резались* (*кололись и резались*) на *убивали* (*töteten / mordeten*), что отчасти усиливает проявленность концепта «преступление» и интенсифицирует степень происходящих вокруг злодеяний.

Таким образом, в связи с недостаточным вниманием к модуляциям романного слова и идиостиллю автора в интерпретации Генкеля признак «масштабность распространения кризиса» воспроизведен с существенными потерями. Это не позволило переводчику в полной мере донести до читателя трагедию утраты православных

первооснов и ее последствий, а также негативным образом отразилось на характере воссоздания образов Свидригайлова, Лужина, Раскольников. В варианте Элиасберга при некоторых лакунах отмечено частичное усиление рассматриваемого признака, заостряющего внимание читателя на последствиях разрушительных тенденций, масштабно охватывающих все слои общества. Небольшие потери, обнаруженные в переводах Кэррик, привели к неполному воссозданию картины Петербурга, в котором господствует страсть наживы, распространяются болезни и нищета. Бережное отношение к слову Достоевского позволило Гайер наиболее цельно изобразить трагедию распространяющихся за пределы столицы безнравственных теорий и преступлений, а также воссоздать черты характера Лужина (индивидуализм, алчность и т. д.), подчеркнуть амбивалентность образа Свидригайлова, чуткость Раскольникова и его разочарованность в жизни.

ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ ПРИЗНАКА КП «ПРЕДОПРЕДЕЛЕННОСТЬ КОНЦА»

Следующий рассматриваемый признак КП «предопределенность конца» (темпоральная категория) актуализирует ощущение нарастающей катастрофы, предвещающей хаос²⁴.

Уже в первой части романа перед переводчиками стоит задача воспроизведения нюансов наивысшего эмоционального напряжения Раскольникова, когда в его сознании прошлое, настоящее и будущее соединяются воедино:

«Впрочем, все эти вопросы были не новые, не внезапные, а старые, наболевшие, давнишние. **Давно** уже как они начали его терзать и истерзали ему сердце. **Давным-давно** как зародилась в нем вся эта **теперешняя** тоска, нарастала, накоплялась и **в последнее время** созрела и концентрировалась, приняв форму ужасного, дикого и фантастического вопроса, который замучил его сердце и ум, **неотразимо** требуя разрешения» (VI: 39).

«Ясно, что **теперь** надо было не тосковать, не страдать пассивно, одними рассуждениями о том, что вопросы неразрешимы, а **непременно** что-нибудь сделать, и **сейчас же**, и **поскорее**. Во что бы то ни стало надо решиться, хоть на что-нибудь...» (VI: 39).

В версии Генкеля и позднем переводе Кэррик (1953) вместо лексемы *давнишние* в первом предложении использованы слова *alt / alte (старые)*. Генкель, Кэррик (1908, 1922) и Элиасберг упускают второй повтор в выражении *давным-давно*. Таким образом, кроме варианта Гайер, во всех переводах не передана цепочка (*давнишние, давно, давным-давно, в последнее время*), маркирующая длительность переживаний Раскольникова и под-

черкивающая их связь с настоящими (*теперешняя, теперь*). Никому из переводчиков не удалось воспроизвести повтор в выражении *терзать и истерзали (ему сердце)*, использование синонимичных замен привело к нейтрализации признака «мучение» концепта «наказание» и не позволило в полной мере акцентировать внимание немецкого читателя на ложных убеждениях Раскольникова в предопределенность судьбы и необходимость реализации преступления.

Во второй части романа в переводах необходимо воспроизвести нюансы словесного оформления признака «предопределенность конца»²⁵, которые усиливают значимость проблемы выбора жизненных и ценностных ориентиров в судьбе Раскольникова²⁶:

«Он не знал, да и не думал о том, **куда идти**; он знал одно: “что всё **это надо кончить сегодня же**, за один раз, сейчас же; что **домой он иначе не воротится**, потому что *не хочет так жить*”. Как **кончить?** Чем **кончить?** Об этом он не имел и понятия, да и думать не хотел. Он отгонял мысль: мысль терзала его. Он только чувствовал и знал, что надо, чтобы всё переменялось, так или этак, “хоть как бы то ни было”, повторял он с отчаянною, неподвижною самоуверенностью и решимостью» (VI: 120–121).

Во всех интерпретациях риторические вопросы и повторы частицы *не*, подчеркивающие дезориентированность Раскольникова и потерю им жизненных целей после совершенного преступления, переданы достаточно точно. В версиях Кэррик (1908, 1922) и Элиасберга пропущен повтор глагола *кончить (кончить сегодня же)*, поэтому близость трагической развязки истории Раскольникова и испытываемый им страх (наряду с желанием поскорее избавиться от прошлого) не переданы. В трех ранних интерпретациях (Генкель; Кэррик, Феофанов; Кэррик) лишь однократно воспроизведено повторяющееся существительное *мысль (мысль: мысль терзала его)*, подчеркивающее проблему осознанного выбора жизненного пути и личной ответственности за свои деяния. В варианте Генкеля отсутствует перевод лексемы *самоуверенностью*, маркирующей своеволие Раскольникова и его гордыню, ставшие причинами душевных переживаний, сравнимых с хождением по мытарствам²⁷.

В шестой части романа перед явкой с повинной (встреча Родиона с родными и с Соней) переводчикам необходимо воспроизвести маркеры, указывающие на скорый финал истории Раскольникова (повторы, образы и др.²⁸):

«Ему хотелось **кончить** все **до заката солнца**» (VI: 398).

«Поздно, **пора**. Я **сейчас** иду предавать себя. Но я не знаю, для чего я иду предавать себя» (VI: 399).

«**Пора, очень пора**» (VI: 400).

«Он **вдруг** почувствовал **окончательно**, что нечего себе задавать вопросы» (VI: 404).

Во всех интерпретациях точно воспроизведен образ заходящего солнца, символизирующий особое психологическое состояние Раскольникова²⁹ и указывающий на его дальнейшее духовное перерождение. Однако в варианте Генкеля вместо выражения *для чего я иду предавать себя* использовано *почему я это делаю* (*weshalb ich es tue*). Такая неэквивалентная замена разрушает смысл фразы: отсутствие повтора маркированного глагола *предать* не позволяет подчеркнуть нравственный переворот и чувство обреченности Раскольникова, его потребность в «самоспасении»³⁰. В последней фразе в двух ранних интерпретациях (Генкель; Кэррик, Феофанов) упущено слово *вдруг*, а Гайер не переводит лексему *окончательно*. Данные лакуны не позволяют донести до читателя характер спонтанного и в то же время решительного намерения Раскольникова покаяться и признаться в своем преступлении.

Таким образом, в ранних переводах обнаруживаются наибольшие потери при воспроизведении признака КП «предопределенность конца». В интерпретациях Генкеля и Кэррик, Феофанова (1908, 1922) не в полной мере переданы нюансы образа Раскольникова – его эмоциональное напряжение до и после преступления, фаталистическое следование ложным убеждениям. Небольшие переводческие потери, характерные для всех переводов, несколько сглаживают интенсивность душевных переживаний и жизненную дезориентированность героя.

ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ ПРИЗНАКА КП «БЕГСТВО»

Во фрагментах романа, в которых проявлен признак «бегство», переводчикам необходимо показать желание героев покинуть Петербург и тем самым изменить судьбу³¹. Впервые проявление данного признака отмечено уже в эпизоде первой части произведения, в котором Раскольников совершает преступление:

«Он чувствовал, что теряется, что ему почти страшно, до того страшно, что кажется, смотри она так, не говори ни слова еще с **полминуты**, то он бы **убежал от нее**» (VI:62).

«Ему **вдруг** опять захотелось **бросить всё и уйти**. Но **это было только мгновение**; **уходить было поздно**. Он даже усмехнулся на себя, как **вдруг** другая тревожная мысль ударила ему в голову» (VI: 62).

«Ему хотелось **поскорее убежать отсюда**» (VI: 65).

«**Боже мой! Надо бежать, бежать!**» – пробормотал он и **бросился** в переднюю» (VI: 66).

Многочисленные повторы глаголов *убежать* (2), *бежать* (2) акцентируют внимание на потребности героя уйти от наказания и покинуть близких, а также его страхе. В переводах Кэррик (1908, 1922), Элиасберга и Гайер они последовательно заменяются синонимами *fort von hier / fort (nрochь отсюда / nрochь)*, что приводит к нейтрализации признаков «бегство» и «страх», указывающих на желание Раскольникова избежать расплаты за свой грех. В четырех ранних версиях упущено временное указание *вдруг*, поэтому во всех интерпретациях (за исключением версии Гайер) не столь очевидна лихорадочность мыслей героя и нарастающее в нем чувство тревоги. В варианте Элиасберга фраза *тревожная мысль ударила ему в голову* не переведена, что не позволило уточнить важные психологические детали образа Раскольникова в этот период: неосознанное, но внезапно проявленное на физическом и ментальном уровне неприятие идеи преступления, противоречащей его натуре.

Повторение мысли Раскольникова о бегстве обнаруживается во второй части романа после преступления³²:

«А, вспомнил: **бежать!** скорее **бежать**, непременно, непременно **бежать!** <...> Да... а куда? <...> Я возьму деньги и **уйду**, и другую квартиру найму, они не сыщут!.. <...> Лучше совсем **бежать... далеко... в Америку**, и наплевать на них!» (VI: 100).

Генкель упускает повтор глагола *бежать* и наречия *непременно*, поэтому в его варианте одержимость героя идеей бегства не передана. Выражение *наплевать на них* в его версии эмоционально сглажено за счет использования замены *пусть ищут меня там* (*mögen sie mich dort suchen*), что не позволяет переводчику донести до немецкого читателя нарастающую в Раскольникове отчужденность от общества и враждебность к людям. В варианте Гайер используемая фраза *всех их оставлю с носом* (*allen eine Nase drehen*) подчеркивает в большей степени его чувство гордыни и злости. Кэррик и Элиасберг точно следуют оригиналу и не допускают переводческих потерь.

В четвертой части романа перед переводчиками стоит задача подчеркнуть значимость психологических переживаний преступника через точное воспроизведение нюансов речи Порфирия³³:

«И какое мне в том беспокойство, что он несвязанный **ходит по городу!** Да пусть, пусть его **погуляет пока**, пусть; я ведь и без того знаю, что он моя жертвочка и никуда **не убежит** от меня! Да и куда ему **убежать**, хе-хе! **За границу**, что ли? **За границу** поляк **убежит**, а не он, тем паче, что я слежу, да и меры принял. **В глубину отчества убежит**, что ли? Да ведь там мужики живут, настоящие, посконные, русские; этак ведь

современно-то развитый человек **скорее острог** предпочтет, чем с такими иностранцами, как мужички наши, жить, хе-хе! Но это всё вздор и наружное. Что такое: **убежит!** Это форменное; а главное-то не то; не по этому одному он **не убежит** от меня, что **некуда убежать**: он у меня *психологически не убежит*, хе-хе! Каково выраженьице-то! Он по закону природы у меня **не убежит**, хотя бы даже и было куда **убежать**» (VI: 261–262).

Ни в одной из четырех ранних интерпретаций не воспроизведены значимые повторы глаголов *убежит / не убежит*. Поэтому в большинстве немецких переводов (за исключением варианта Гайер) не изображена словесная игра следователя, понимающего психологию преступника и нравственные качества Раскольникова, но при этом использующего приемы, направленные на истязание «своей жертвочки»³⁴. Образ «глубины отечества», который отражает особенности исконных русских характеров (русских мужиков), для которых еще чужды новомодные теории и идеи, во всех интерпретациях воспроизведен без потерь.

В остальных фрагментах романа, в которых мотив бегства упоминается в диалогах Порфирия и Раскольникова, Свидригайлова и Раскольникова, повторы глаголов *убежит / бежать* во всех ранних интерпретациях также оказываются упущенными или замененными на синонимичные. Это влияет на степень воспроизведения особенностей образа Порфирия, а также Свидригайлова, призывающего бежать в Америку, но при этом строящего своеобразную «игру», предполагающую не движение к определенному топосу, а к самоубийству или к каторге.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно предположить, что в переводах романа «Преступление и наказание» на немецкий язык не должно быть явных потерь, связанных с объективацией признаков КП на уровне пространства и времени, поскольку отсутствуют явные отличия в осмыслении концептов «преступление» и «наказание» в русской и немецкой культурах³⁵. Тем не менее проведенный анализ эпизодов, в которых актуализируются признаки «масштабность распространения кризиса», «предопределенность конца» и «бегство», обнаружил неточности и лакуны при их воспроизведении, что обусловлено сложной смысловой архитектурой исследуемого произведения, а также особенностями идиостиля Достоевского.

В самом раннем переводе, выполненном Генкелем, признаки «предопределенность конца», «масштабность распространения кризиса» и «бегство» актуализированы с потерями, что не позволило

донести до немецкого читателя мысль писателя о глубине кризиса, переживаемого русским обществом, показать трагедию утраты православных ориентиров (веры, соборности, милосердия), изобразить несостоятельность идеи бегства от наказания, подчеркнуть черты индивидуализма и своеволия в образах Раскольникова, Лужина, Свидригайлова. Лакунарность данного перевода может быть объяснена культурными традициями раннего этапа рецепции Достоевского в Германии, когда на особенности идиостиля автора не были принято обращать столь пристального внимания, как в более поздние периоды.

В переводах Кэррик, особенно ранней интерпретации (1908, 1922), в связи с нейтрализацией рассматриваемых признаков КП сглаживается интенсивность душевных переживаний Раскольникова, а также не переданы фаталистическое следование ложным убеждениям, его потребность в самоспасении и страх. Небольшие потери, обнаруженные в ее интерпретациях, привели к неполному воссозданию картины Петербурга, в котором происходят трагедии и драмы. Очевидно, что Кэррик проводит определенную редакторскую работу над последним вариантом своего перевода, что положительно влияет на характер понимания немецкими читателями православного «кода» произведения и образов персонажей.

В интерпретации Элиасберга некоторые переводческие потери отчасти компенсируются частичным усилением признака «масштабность распространения кризиса», обусловленным, вероятно, тем, что переводчик, имевший опыт проживания в России и переписки со многими русскими писателями, хотел как можно более убедительно показать глубину переломных трансформаций того периода времени.

В варианте Гайер отмечается положительная динамика передачи нюансов идиостиля писателя и воспроизведения признаков КП на уровне хромотопа и, как следствие, проблематики и аксиологического содержания романа. Ей особенно точно удалось изобразить трагедию распространяющихся за пределы столицы безнравственных теорий и преступлений, а также воссоздать негативные черты характера Лужина, подчеркнуть амбивалентность образа Свидригайлова, а также чуткость Раскольникова и его разочарованность в жизни.

Выявленные тенденции обусловлены не только личностями переводчиков и выбранными ими переводческими стратегиями, но и общим развитием немецкой филологической школы, а также характерными чертами культурно-исторического периода Германии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Укажем отдельные работы, наиболее важные в контексте данного исследования: [2], [4], [5], [6], [7], [8], [9], Васильева Т. В. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в интерпретации немецких переводчиков: Дис. ... канд. филол. наук. В. Новгород, 2008. 216 с.; Кореневская О. В. Репрезентация русского мира в немецких переводах романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2011. 235 с.; Dorner E. Schuld und Sühne oder Verbrechen und Strafe? Dostojewskijs Romantitel in deutscher Übersetzung: Master's Thesis. Wien, 2016. 265 S.; Головачева Е. А. Рецепция романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в немецкой словесной культуре: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2022. 329 с.
- ² См., например: [9], Васильева Т. В. Указ. соч.; Dorner E. Schuld und Sühne oder Verbrechen und Strafe? Dostojewskijs Romantitel in deutscher Übersetzung: Master's Thesis. Wien, 2016. 265 S.
- ³ Подробнее см.: [2]; Головачева Е. А. Указ. соч.
- ⁴ Там же.
- ⁵ В настоящее время известно двадцать три перевода исследуемого романа на немецкий язык. Подробнее об этих переводах см. [4], [5].
- ⁶ Подробнее о данных пяти переводах см. в исследовании Головачевой Е. А. Указ. соч. С. 16–86; [4], [5].
- ⁷ Dostojewski F. M. Raskolnikow: Roman. Übersetzt v. W. Henckel. Erster Band. Leipzig: Verlag v. W. Friedrich, 1882. 299 S.; Zweiter Band. Leipzig: Verlag v. W. Friedrich, 1882. 309 S.
- ⁸ Псевдоним, под которым печатались все переводы произведений Ф. М. Достоевского в Собрании сочинений издательства «Пипер». Подробнее об этом см.: Головачева Е. А. Указ. соч. С. 41–46.
- ⁹ Dostojewski F. M. Sämtliche Werke. Unter Mitarbeiterschaft von D. Mereschkowski, D. Philossovhoff und anderen herausgegeben von Moeller van den Bruck: in 22 Bd. München; Leipzig: R. Piper & Co. Verlag, 1906–1919; Dostojewski F. M. Sämtliche Werke in 22 Bd. Bd. 1–2. Rodion Raskolnikoff (Schuld und Sühne). Übertragen von E. K. Rahsin. Mit einer Einleitung von D. Mereschkowskis. München; Leipzig: R. Piper & Co. Verlag, 1922. 821 S.
- ¹⁰ Перевод был существенно переработан Э. Кэррик. Dostojewski, F. M. Rodion Raskolnikoff. Schuld und Sühne. Übertragen von E. K. Rahsin. Neu durchges. München: R. Piper & Co. Verlag, 1953. 762 S.
- ¹¹ Dostojewskij F. Verbrechen und Strafe. Deutsch von Alexander Eliasberg. Potsdam: Gustav Kiepenheuer Verlag, 1921. 708 S.
- ¹² Dostojewskij F. Verbrechen und Strafe. Roman in der Neuübersetzung von Swetlana Geier. Zürich: Ammann Verlag, 1994. 766 S.
- ¹³ Перевод Генкеля, выполненный в натуралистический период рецепции Достоевского в Германии, ориентирован на передачу «детективного» сюжета романа, особенностей социальной среды; интерпретации Кэррик, выпущенные в собраниях сочинений, отличавшихся тенденциозным политизированным подходом, нацелены на трансляцию культурных особенностей оригинала, русского духа романа; вариант Элиасберга учитывает особенности принимающей культуры и «шероховатый» стиль Достоевского; перевод Гайер характеризуется зрелым подходом, сочетающим достижения немецкой филологической школы и бережное отношение к идиостилю писателя. Подробнее об этом см.: Головачева Е. А. Указ. соч. С. 16–87.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Здесь и далее под сокращением КП понимается сюжетобразующее концептуальное поле «преступление / наказание».
- ¹⁶ Головачева Е. А. Указ. соч. С. 87–91, 165–240.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Подробнее об особенностях объективации данного признака в оригинальном тексте и его роли в формировании православного «кода» произведения см. [3: 238–244].
- ¹⁹ Здесь и далее оригинальный текст романа цитируется по изданию: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. В круглых скобках римскими цифрами указывается номер тома, арабскими – номер страницы.
- ²⁰ Подробнее об этом см. [3: 239].
- ²¹ Подробнее об этом см. [3: 240].
- ²² Подробнее об этом см. [3: 241].
- ²³ Подробнее об этом см. [3: 242].
- ²⁴ Подробнее об особенностях объективации данного признака в оригинальном тексте см. [3: 244–246].
- ²⁵ Обилие риторических вопросов, многочисленные повторы, маркированные глаголы.
- ²⁶ Подробнее об этом см. [3: 245].
- ²⁷ Более подробно об этом см. [1].
- ²⁸ Подробный разбор см. [3: 246].
- ²⁹ См., например, об этом образе: Дурьлин С. Н. Об одном символе у Достоевского // Достоевский: Сб. ст. М., 1928. С. 163–198.
- ³⁰ См. (XXI: 20, 35).
- ³¹ Подробнее об особенностях объективации признака «бегство» в оригинальном тексте см. [3: 247–250].

³² Там же.

³³ Подробнее об этом см. [3: 249–250].

³⁴ Там же.

³⁵ Связь данных понятий с религиозным контекстом, а также обусловленность внешними побудителями преступления (темная сила, бес и т. д.) (в русском языке); боязнь общественного осуждения, ответственность перед обществом (в немецком языке) см. Головачева Е. А. Указ. соч. С. 168.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ветловская В. Е. «Хождение души по мытарствам» в «Преступлении и наказании» Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2001. Т. 16. С. 97–117.
2. Головачева Е. А. Особенности воспроизведения концепта «семья» в немецких переводах романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Культура и текст. 2021. № 4 (47). С. 108–130. DOI: 10.37386/2305-4077-2021-4-108-130
3. Головачева Е. А. Православные акценты сюжетообразующего концептуального поля романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» на уровне пространства и времени // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 90. С. 232–259. DOI: 10.17223/19986645/90/11
4. Головачева Е. А., Седельникова О. В. История переводов романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» на немецкий язык: роль издательств и первых собраний сочинений. Статья 1 // Новый филологический вестник. 2022. № 2 (61). С. 120–146.
5. Головачева Е. А., Седельникова О. В. История переводов романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» на немецкий язык: роль издательств и первых собраний сочинений. Статья 2 // Новый филологический вестник. 2022. № 3 (62). С. 154–179.
6. Добровольский Д. О. Перевод художественной прозы и проблемы лексической сочетаемости («Идиот» Ф. М. Достоевского в немецких переводах) // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2002. № 2. С. 47–60.
7. Кудрявцева Т. В. Роман «Подросток» Ф. М. Достоевского в немецкоязычных странах // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2021. № 1 (13). С. 153–183. DOI: 10.22455/2541-7894-2021-1-153-183
8. Хансен-Кокорус Р. Стратегии перевода романа Ф. М. Достоевского «Бесы» на немецкий язык (на примере переводов Е. К. Разин и С. Гайер) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2013. № 1 (3). С. 18–29.
9. Vukoupil S. Erlebte Rede und verwandte Verfahren zur Bewußtseinsdarstellung in deutschen Übersetzungen von Prestuplenie i nakazanie nach 1924 // Erlebte Rede und 298 impressionistischer Stil. Europäische Erzählprosa im Vergleich mit ihren deutschen Übersetzungen. Hrsg. v. Dorothea Kullmann. Göttingen: Wallstein Verlag. 1995. S. 179–222.

Поступила в редакцию 21.10.2024; принята к публикации 28.04.2025

Original article

Ekaterina A. Golovacheva, Cand. Sc. (Philology), Head of Online Education Development Department, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-2744-8767; eagolovacheva@tpu.ru

THE CORE CONCEPTUAL FIELD TRANSFER IN THE GERMAN TRANSLATIONS OF FYODOR DOSTOEVSKY'S *CRIME AND PUNISHMENT* (the level of space and time)

Abstract. The article is aimed at examining the features of reproducing the core sense- and plot-forming conceptual field “crime/punishment” in the German translations of Fyodor Dostoevsky’s novel *Crime and Punishment* at the level of space and time. The research material consists of the most representative fragments of novel’s translations made by Wilhelm Henckel (1882), Michael Feofanoff (1908, 1922), Alexander Eliasberg (1921), Elizabeth Kaerrick (ps. E. K. Rhasin, 1953), and Svetlana Geier (1994). The article sequentially explores the nuances of the individual author’s features of the conceptual field (the scale of the crisis contagion, escape, and predetermination of the end) reproduced by each of the translators. The findings suggest that the reduction and losses of some concept features in early translations are due to the lack of the translators’ attention to the features of Dostoevsky’s style, which affects the degree of transmission of the axiological dominants of the novel and the images of a number of characters.

Key words: chronotope, Fyodor Dostoevsky, novel, *Crime and Punishment*, Germany, literary translation, artistic picture of the world, concept, German language

For citation: Golovacheva, E. A. The core conceptual field transfer in the German translations of Fyodor Dostoevsky’s *Crime and Punishment* (the level of space and time). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(5): 61–69. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1200

REFERENCES

1. Vetlovskaya, V. E. "Ordeals of soul" in Fyodor Dostoevsky's novel *Crime and Punishment*. *Dostoevsky: Materials and research*. St. Petersburg, 2001. Vol. 16. P. 97–117. (In Russ.)
2. Golovacheva, E. A. The peculiarities of the "family" concept transfer in the German translations of the novel "Crime and Punishment" by F. M. Dostoevsky. *Culture and Text*. 2021;4(47):108–130. DOI: 10.37386/2305-4077-2021-4-108-130 (In Russ.)
3. Golovacheva, E. A. Orthodox features of the core conceptual field in Fyodor Dostoyevsky's *Crime and Punishment* at the level of space and time. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 2024;90:232–259. DOI: 10.17223/19986645/90/11 (In Russ.)
4. Golovacheva, E. A., Sedelnikova, O. V. "The Crime and Punishment" by F. M. Dostoevsky in Germany: history of translations, the role of publishing houses and first "Complete Works of Dostoevsky". Article one. *The New Philological Bulletin*. 2022;2(61):120–146. (In Russ.)
5. Golovacheva, E. A., Sedelnikova, O. V. "The Crime and Punishment" by F. M. Dostoevsky in Germany: history of translations, the role of publishing houses and first "Complete Works of Dostoevsky". Article two. *The New Philological Bulletin*. 2022;3(62):154–179. (In Russ.)
6. Dobrovolsky, D. O. Prose fiction translation and the problem of lexical compatibility (German translations of *The Idiot* by Fyodor Dostoyevsky). *Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*. 2002;2:47–60. (In Russ.)
7. Kudryavtseva, T. V. Fyodor Dostoevsky's *The Adolescent* in German-speaking countries. *Dostoevsky and World Culture. Philological Journal*. 2021;1(13):153–183. DOI: 10.22455/2541-7894-2021-1-153-183 (In Russ.)
8. Hansen-Kokorus, R. Strategies for translation of *Demons* by Fyodor Dostoevsky into German (by example of translations by E. K. Rhasin and S. Geier). *Text. Book. Publishing*. 2013;1(3):18–29. (In Russ.)
9. Vykoopil, S. Erlebte Rede und verwandte Verfahren zur Bewußtseinsdarstellung in deutschen Übersetzungen von *Préstuplenie i nakazanie* nach 1924. *Erlebte Rede und impressionistischer Stil. Europäische Erzählprosa im Vergleich mit ihren deutschen Übersetzungen*. Göttingen, 1995. S. 179–222.

Received: 21 October 2024; accepted: 28 April 2025

СВЕТЛАНА ЮРЬЕВНА ХАРЬКОВА

младший научный сотрудник отдела русского фольклора
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
kharkovas@mail.ru

ХРИСТИАНСКИЕ ХРОНОНИМЫ В БЫЛИНАХ: ВЕЧЕРНЯ И ЗАУТРЕНЯ

А н н о т а ц и я . В статье осмысляется христианский компонент былин, который только в последнее время начинает комплексно изучаться. Анализируются былины Русского Севера на предмет упоминаний в них вечерни и утрени (заутрени). Рассматривается, в какие формулы, мотивы и сюжеты включаются эти понятия. В результате оказывается, что в своей основной семантике былинные вечерня и заутреня обозначают буквальную утреннюю и вечернюю церковные службы, что не соответствует церковному пониманию этих терминов. Эти два родственные понятия представлены в былинах очень контрастно. Их изучение способствует разработке вопроса о том, какие реалии христианской веры были созвучны поэтике былин и смогли закрепиться в их художественном мире. Высказывается предположение, что вечерня вошла в былины на позднем этапе их бытования через внедрение в топоним «переезд из одного пункта в другой между двумя церковными службами».

К л ю ч е в ы е с л о в а : былины, Русский Север, заутреня, утренняя, вечерня, христианство в былинах

Д л я ц и т и р о в а н и я : Харькова С. Ю. Христианские хрононимы в былинах: вечерня и заутреня // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 5. С. 70–76. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1201

ВВЕДЕНИЕ

Жизнь православного человека имеет свой временной ритм: ее вехи – это праздники, дни почитания святых, посты; отдельные дни недели также наделены своим значением. В течение суток хронологически организуют жизненный распорядок приуроченные к определенному времени богослужения (вечерня, повечерие, полунощница, утренняя, часы)¹, а также Божественная литургия (народное название – обедня), но последняя, согласно христианской догматике, имеет надвременной характер.

Русский былинный эпос включает в себя многоплановый христианский компонент (комплексно его анализировали Ю. А. Новиков [4], А. Н. Розов [7]). Присутствуют в нем и отдельные хронологические христианские вехи, из перечисленных выше только три – утренняя (в основном в форме заутрени), вечерня и обедня. Рассмотрим подробнее особенности упоминаний вечерни и заутрени в былинах на примере севернорусских текстов, опубликованных в серии «Былины» академического Свода русского фольклора² (учитывая готовящийся в настоящее время к изданию том «Западное Поморье»), а также пока не вошедших в Свод записей из классических былинных собраний П. Н. Рыбникова³, А. Ф. Гильфердинга⁴, А. М. Астаховой⁵, Ю. М. Соколова – В. И. Чиче-

рова⁶, из сборника былин «малых очагов» севернорусской эпической традиции⁷.

Предварительно отметим, что в большинстве современных храмов Русской православной церкви закрепился порядок совершения двух ежедневных богослужений – утреннего (не равно «утреня») и вечернего (не равно «вечерня»), однако так было не всегда. Помимо Божественной литургии, в русских храмах в XI–XIV веках совершался суточный круг богослужений, который

«состоял из утренних молитв (“чина курооглашения”), заутрени (т. е. утрени), 1-го часа; 3, 6, 9-го часов, чина изобразительных, молитв перед обедом; вечерни; малого мефимона; великого мефимона; чина полунощного пения. Первые три службы и следующие пять служб объединены в два последования» [1: 487].

В XVIII–XIX веках общественное богослужение

«обычно совершалось трижды в день как в приходских церквях, так и в монастырях: в 3–5 часов утра – утренняя, в 8–10 – часы и Божественная литургия, в 15–16 часов – вечерня» [1: 509].

Современная же ситуация двух богослужений, причем с чтением утрени в вечернюю службу ежедневно и чтением вечерни по утрам в период Великого поста, возникает в Петер-

бурге и Москве в XIX веке, когда ускорившийся ритм жизни начинает препятствовать совершению богослужений трижды в день. Многие деятели Церкви были противниками этой новой системы (свт. Филарет Московский, св. Иоанн Кронштадтский), и, «тем не менее, к началу XX века утреня совершалась утром почти только в одних монастырях» [1: 510], [6].

* * *

Литургический день открывает **вечерня** – служба, традиционно совершавшаяся вечером, примерно во время заката солнца. В проанализированном былинном материале она встретилась всего в **9 текстах**, записанных в Кенозерье (5 текстов), Пудожье (2 текста), Прионежье (1 текст), на Зимнем берегу Белого моря (1 текст). Это варианты сюжетов «Дюк Степанович и Чурило Пленкович» (6 текстов), «Михайло Потык» (2 текста), «Добрыня и Маринка» (1 текст). В большинстве этих былин вечерня фигурирует с определением *христовская* (Рыбн. 181 = Гильф. 225 (Кенозеро)⁸; Гильф. 230 (Кенозеро); Сок.-Чич. 207 (Кенозеро); Сок.-Чич. 210 (Кенозеро); Гильф. 115 (Кизи)).

В тексте былинщика А. П. Сорокина в одной сюжетной ситуации соединяются три понятия: Дюк Степанович и Чурило Пленкович договариваются шапнуть три года, каждый день менять платья и коней, «чтоб ездить на каждый день к *заутрени*, к *обедни* и *вечерни*» (Пуд. 338, ст. 650). Понимание связи этих трех понятий можно увидеть и в другом пудожском тексте – в «Михайле Потыке» сказителя Н. В. Кигачева:

«И к *вечерни* в колокол ударили,
И тут Поток Михайло Иванович
К *вечерни* идти собирается,
А с другой стороны Авдотья Лиховидьевна,
И тут они с ней повенчались

<...>

Рано заблаговестили к *заутрени*
А и он, Потык Михайло Иванович
Он пошел объявить попам-церковникам,
Что померла его жена Авдотьюшка.
И приказали попы везти в церковь Божию:
“А после *обедни* ее хоронить будем”»

(Пуд. 314, ст. 82–86, ст. 98–103 – от Н. В. Кигачева).

Сходно упоминание вечерни в тексте «Потыка» А. М. Крюковой (ЗБ 71, ст. 81–91). Но в нем сказительница дополнительно акцентировала внимание на том, что Авдотья Лиходеевна – «неправильная», иномирная невеста, соответственно, и венчание с ней происходит в «неправильное» время, вечером («Еретица была; говорит: “Обвинцеюсе после *вечерни*”»). Несомненно,

этот смысловой оттенок присутствует и в обозначенном выше пудожском «Михайле Потыке» Н. В. Кигачева.

В варианте кижского былинщика Семена Корнилова типическое место «переезд из одного пункта в другой между церковными службами» из сюжета о Дюке Степановиче включает в себя вечерню:

«Я выехал из Индеи из богатыя

После *поздних вечерен*,

А хочу поспеть в Киев на обедню»

(Гильф. 115, ст. 130–132 – от С. И. Корнилова).

Только в Кенозерье можно обнаружить некоторое закрепление вечерни в былинной традиции (причем с определением «христовская»): как и в тексте С. Корнилова, в варианте И. П. Сивцева Дюк выезжает из дома после вечерни (но прибывает в Киев к заутрени с обедней) – «во ту ли субботу великоденную, / И ушли *ко вечерни ко христовския*», то есть накануне Пасхи (Рыбн. 181, 54–55; от него же – Гильф. 225). Сходно в записи от его внука И. В. Сивцева (Сок.-Чич. 207) и работника отца старшего Сивцева П. А. Воинова (Гильф. 230) (в форме – *вечеренка*). И. А. Сивцев (Волхонов) включил упоминание вечерни в свой вариант «Добрыни и Маринки»:

«Зазвонили к *вечерне христовыи*,

Да походит Добрыня из высóка теремá,

Да выходит Маринка из-за зависы,

Да берет она два ножика два вострыи,

Да режит слíдики Добрынюшки,

Да крепко приговор да приговáривáёт»

(Сок.-Чич. 210, ст. 37–42 – от И. А. Сивцева (Волхонова)).

В этом фрагменте, как и в вышеприведенных примерах из текстов «Михайлы Потыка», очевидна характеристика вечерни как подходящего времени для дел, связанных с «иным» миром (например, для колдовства).

Явно примыкает к рассмотренным текстам сводная былина об Илье Муромце, записанная на Космозере (Прионежье). В ней использовано выражение «служба вечерняя», которое, кажется, можно рассматривать как замену вечерне:

«И хотел поспеть в Киев-град к обедне поздней,

Но приехал к *службе вечерней*,

<...>

Отстоял он *службу вечернюю*

И поехал в палаты княженецкие»

(Аст. 157, ст. 311–312, 318–319 – от П. Г. Горшкова).

Типическое место «переезд из одного пункта в другой между церковными службами», как мы еще убедимся далее, очень характерно для былин об Илье Муромце.

В связи с вечерней можно вспомнить и наблюдение, сделанное Р. С. Липец, о некотором сходстве с былинным типическим местом единичного выражения из древнерусской литературы – цитаты из «Поучения Владимира Мономаха» (XI–XII века): «А и-Щернигова до Кыева нестижды ездих ко отцю, днем еси переездил до вечерни» [3: 269, прим. 1].

В разы более частотно в былинах упоминание **утрени / заутрени** – она обнаруживается в **108 записях**. Правда, заутреня зафиксирована не во всех крупных былинных очагах (не упоминается в былинах Западного Поморья). Ее можно обнаружить в былинах о Добрыне Никитиче (в 3 записях от 3 исполнителей), особенно часто – в текстах об Илье Муромце (в 44 записях от 39 исполнителей), а также в старинах «Алеша Попович и Тугарин» (в 1 тексте), «Михайло Потык» (в 3 записях от 3 исполнителей), «Дунай-сват» (в 2 от 2), «Дюк Степанович и Чурило Пленкович» (в 30 от 30), «Чурило и Катерина» (в 12 от 12), «Иван Гостиный сын» (в 9 от 9), «Садко» (в 1), «Лука, змея и Настасья» (в 3 от 3).

Прослеживаются более или менее устойчивые прилагательные для характеристики былинной заутрени: чаще всего она *ранняя* (в 26 текстах) – только в 1 тексте *поздняя*, довольно часто, как и вечерняя, она *христо(в)ская* (в 22) и *христовая* (в 2), *воскресенская* (в 20) / *воскресная* (в 4) / *воскресенная* (в 1), иногда *честная* (в 5), редко – *благовещенская* (в 4), *великодённая* (в 2), *успенская* (в 1), *святая* (в 1), без прилагательного – в 36 текстах. Иногда могут использоваться одновременно несколько (2 или 3) прилагательных.

Заутрени бывают вседневные и праздничные – и получается, что весомая доля былинных заутреней являются праздничными (и в том числе воскресными). Это 53 текста с характеристикой заутрени как *христо(в)ской* и/или *воскрес(е)н(ск)ой*, *благовещенской*, *великодённой*, *успенской*. К ним примыкают вариант «Чурилы и Катерины», где действие имеет место в Петров день (Печ., 158), а также текст об исцелении Ильи Муромца, которое «случилось в пасху, ударили в первый раз к заутрени» (Аст. 157 (Прионежье)). Еще П. Н. Рыбников заметил, что обозначение пасхальной заутрени варьируется по регионам: «Заутреня в первый день Пасхи у заонежан называется христовскою, а у пудожан – воскресенскою»⁹. Характерно, что однокоренные воскресенской *воскресная* и *воскресенная* обнаружены только на Пудогге. Имеющийся материал дает возможность сделать и другие наблюдения над региональной спецификой обозначения: зим-

небережные былинщики чаще всего именовали заутреню *ранней* (в 10 текстах; другие варианты – в 2 текстах (*честная*) или в 1 (*воскресенская*, *благовещенская*, без прилагательного)); кенозеры называли ее или *христовской* / *христовской* / *христовой* (5 текстов), или *благовещенской* (2 текста), или *ранней* (1 текст); кулояне – или *воскресенской* (5 текстов), или *ранней* (2 текста), или *честной* (1 текст); в печорских былинах встречаем заутрени *воскресенские* (5), *христов(ск)ую* (2), *успенскую* (1) или без определений (3).

На Печоре обнаруживается в одном тексте очень характерная замена заутрени *утренней службой* (Печ. Прил. 7.1) (вспомним подобное в связи с вечерней). Характерная потому, что показывает, что в былинах отразилась традиция служения заутрени утром, а не вечером, как это стало происходить в столицах в XIX веке, а затем и повсеместно. Встречаем и другие несомненные обозначения именно утреннего времени посредством упоминания заутрени (Гильф. 316 (Моша), Кул. 16 = Кул. 17, ЗБ 88, ЗБ 90, Печ. 278, Печ. 279, Печ. 280):

«Он ставал-де по утру да всё по ранному,
Чёсну ранному утру да воскресеньскою.
Зазвонили тут *заутреню воскресеньскою*,
Только видели: срежалса добрый молодец,
А не видели поезки богатырское»
(«Илья Муромец и Соловей-разбойник», Кул. 16,
ст. 2–6 – от Т. И. Широкого («Трохи»));

«Поутру-то было, братцы, раным-рано,
Как на утренной было да ранной зорюшке,
На восходе-то была (так! – С. Х.) красна солнышка,
На зачине-то была (так! – С. Х.) светла деничка –
А пошел-то Данило да во божье церкву,
Да будил он свое да цядо милое,
Молодого Луку сына Данилова.
Ото сну-то Лука да пробужаитца,
Ключевою водой да умываитца,
Полотеньшком он да утираитца,
Хорошешинько он да снаряжаитца,
Надевает на себя да платьё цветное,
Он ведь цветное платьё, сам церковное.
Он пошел-то, Лука, да во божье церковь,
У церковных врат стоит послушиват –
А попы-ти поют да *вползаутрени*»
(«Лука, змея и Настасья», Печ. 279, ст. 8–23 –
от М. К. Шишоловой).

В этих примерах очень заманчиво видеть отражение исконной традиции служения заутрени утром, однако возможно и иное – не догматическое церковное, а упрощенное понимание термина «утреня / заутреня» как любой церковной службы, совершаемой утром.

Отличие от вечерни, которая, как мы показали, в былинном эпосе может обретать коннотацию «неправильного времени для правиль-

ных дел» (венчание, осуществленное в это время, не приводит к счастью) и «правильного времени для неправильных дел» (приворот, осуществленный в это время, оказывается удачен), заутреня всегда (во всех 108 текстах) имеет положительную или нейтральную семантическую окраску: ее посещает богатырь перед выездом (Пуд. 167), иногда по совету матери (Пуд. 47), сама мать может идти на нее (Гильф. 43 (Толвуй)), на ней находится князь Владимир (ЗБ 85, ЗБ 88, Рыбн. 181 = Гильф. 225 (Кенозеро), Сок.-Чич. 207 (Кенозеро), Печ. 139, Кул. 62), благочестивый муж из сюжета «Чурило и Катерина» (ЗБ 90, ЗБ 92, ЗБ 93, ЗБ 94, ЗБ 95, ЗБ 97, Печ. 158, Мез. 144, Кул. 67, Пуд. 376, Гильф. 309 (Моша), Гильф. 110 (Сенная Губа)). Крайне редко и слабо, но обнаруживается идея святости времени заутрени: именно во время пасхальной заутрени может получить исцеление Илья Муромец (Аст. 157 (Прионежье)); пойдя в церковь к заутрене, этот же богатырь кладет завет ехать в Киев и не кровавить по дороге оружия (Пуд. 167, Пуд. 195, Гильф. 112 (Кижич)); заутреня, как уже упоминалось, единично получает эпитет «святая» (Рыбн. 107 (Повенец)).

Семантика былинных заутрени и вечерни не противоречит отношению к утру и вечеру в народной культуре, сформулированному, например, С. М. Толстой:

«Перед восходом солнца <...> совершаются наиболее значимые магические действия продуцирующего и защитного характера, а время после захода солнца отмечено самыми сильными запретами, которые мотивированы опасностью вредоносных действий нечистой силы» [8: 216].

Значительную часть текстов, упоминающих заутреню, составляют былины с типическим местом *ехать от заутрени к обедне* (= «от утренней службы к обедне» в Печ. Прил. 7.1) – 57 текстов из 108. Фактически в нем через координаты времени и пространства показывается скорость; Т. Г. Иванова характеризует его как «топос передвижения <...> выраженный во временных параметрах» [2: 110]. Самую большую распространенность это типическое место имеет в былинах «Илья Муромец и Соловей-разбойник», которая, как показывает Свод русского фольклора, почти во всех былинных очагах, наряду с «Добрыней и Алешей», является самой популярной эпической песней. Оно было обнаружено в **31 записи** сюжета «Илья Муромец и Соловей-разбойник» из разных былинных регионов Русского Севера: Пуд. 286, Мез. 107, Печ. Прил. 7.1, Рыбн. 4 (Кижич) = Гильф. 74 (Кижич), Рыбн. 62 (Кижич), Гильф. 104 (Сенная Губа), Гильф. 112 (Кижич), Сок.-Чич. 107 (Кижич), Сок.-Чич. 130 (Кижич), Рыбн. 191 (р. Оне-

га), Мез. 68, Мез. 72, Пин. 10, ЗБ 34, ЗБ 36, Аст. 141 (Прионежье) = Сок.-Чич. 104 (Кижич), Аст. Прил. 1.2 (Прионежье) = Сок.-Чич. 130 (Кижич), Аст. 122 (Прионежье), Аст. 131 (Прионежье) = Сок.-Чич. 96 (Кижич), Пуд. 192, Пуд. 193, Пуд. 195, Пуд. 198, Пуд. 174, Пуд. 180, Пуд. 205, Пуд. 208.

«Он заутренку тую христовскую
А стоял во городе й в Муромле,
Да й хотел попасть к обедни в стольней Киев-град.
Кладовал он заповедь великую:
Не съезжаться, не слетаться во чистом поли,
Да не делать бою-драки-кролития»
(Сок.-Чич. 96 (Кижич), ст. 5–10 – от П. И. Рябинина-Андреева).

Это типическое место можно встретить и в редкой былинах «Иван Гостиный сын». В ней, по формулировке Н. В. Петрова, оно «играет роль сюжетобразующего мотива, “провоцирующего” эпическую песню на дальнейшее развитие действия» [5: 329]. На нашем материале это **8 текстов**: Сок.-Чич. 270 (Кенозеро), Печ. 190, Печ. 191, Печ. 192, Печ. 193, Рыбн. 97 (Кижич), Гильф. 133 (Кижич), Гильф. 135 (Кижич):

«Бился он съездить все один након,
А съездил на славу ровно три раза
Меж той обедней, между утреней
Три девяноста равномерных верст»
(Печ. 192, ст. 68–71 – от Г. А. Карманова).

В былинных регионах обонежско-каргопольской традиции это типическое место обнаруживается в **15 текстах** сюжета «Дюк Степанович и Чурило Пленкович»: Сок.-Чич. 216 (Кенозеро), Аст. 142 (Прионежье), Аст. 149 (Прионежье), Аст. 175 (Прионежье), Пуд. 339, Пуд. 342, Пуд. 343, Пуд. 344, Пуд. 357, Пуд. 360, Пуд. 366, Пуд. 340, Рыбн. 30 (Пудожская Гора) = Гильф. 152, Гильф. 159 (Космозеро).

«Я из той Индеи из богатыя,
Молодой боярин Дюк Степанович.
Отстоял дома раннюю заутреню,
А сюда приехал ведь к обедни-де»
(Гильф., 159, ст. 133–136 – от И. А. Касьянова).

Единично при помощи этого типического места характеризуются и некоторые другие герои: Настасья-поленица из сюжета «Дунай-сват» (Аст. 164 (Прионежье), Сок.-Чич. 119 (Прионежье)) и Алеша Попович (Пуд. 302).

Обнаруживается минимальная вариативность: герой (Илья Муромец или Дюк Степанович) может ехать от вечерни к заутрене в старине И. П. Сивцева (Рыбн. 181 = Гильф. 225 (Кенозеро)); собирается приехать в Киев к заутрени, но не успевает и к обедне (Пуд. 208 – в речи героя; Пуд. 191) или собирается к заутрени, а успевает только к обедне (книжный в основе Печ. 62

(зависит от Пуд. 191)). «Типическое место» может получить дополнительную разработку: герой выезжает в Киев, когда в Карачарове отзвонили к заутрени, – оказывается в Чернигове, когда народ выходит от заутрени, – приезжает в Киев, когда все идут от обедни (Рыбн. 191 (р. Онега)).

Период между заутреней и обедней осмысливается и в одной из записей печорской былины «Лука, змея и Настасья». Выходя из дома, отец наказывает прислуге:

«Я пойду-де как нонь да в черков божию,
Я ко утрене нынь да воскресеньской –
Разбудите вы моего чада милого,
А того-де Луку сына Даниловича, –
Он придёт пусь к обедни да воскресеньской»
(Печ. 278, ст. 10–14 – от Д. К. Дуркина).

Интересно, что временной промежуток между этими двумя церковными службами отразился и в других областях народной культуры: в обрядовом поведении (на Благовещение «между заутреней и обедней хозяйки сгоняли помелом кур с насеста, чтобы они начали нестись к Пасхе»¹⁰), в устойчивом выражении (меж обедней и заутреней – *Новг.* Об очень коротком промежутке времени¹¹). Любопытно и то, что Г. Р. Державин в стихотворении «К другу» (1803), упоминая богатырскую поэму Н. А. Львова «Добрыня», использует это же выражение:

«С кем, вторя, он Добрыню пел,
Меж завтреной и меж обедней»¹².

Иногда в былинных текстах упоминается только заутреня, а обедня опускается, хотя логика повествования вполне позволяла бы использовать и все типическое место «от заутрени к обедне»: Пуд. 167, 200, 202, ЗБ 33, Кул. 16=17, Кул. 18, Кул. 20, Рыбн. 107 (Повенец). Встречается и одновременное упоминание заутрени и обедни: например, «Сослужи-ко христовскую обеденку, ну и простой христовскую заутренку» (Пуд. 47, ст. 53–54).

ВЫВОДЫ

1. В своей основной семантике былинные вечерня и заутреня следуют не за поздним церковным канонем (чтение утрени в вечернюю службу ежедневно и чтение вечерни по утрам в период Великого поста), а за изначальным соответствием времени суток, отразившимся в наименовании церковной службы.

2. Эти два родственные понятия оказываются представленными в былинах очень контрастно: заутреня встречается часто и почти во всех крупных эпических очагах Русского Севера – вечерня крайне редко; заутреня во всех случаях имеет положительную или нейтральную семантику – вечерня проявляет семантику «правильного времени для неправильных событий», «неправильного времени для правильных событий».

3. Анализ семантики этих двух понятий в былинах акцентирует внимание на вопросе о том, какие реалии христианской веры были созвучны поэтике былин и могли войти в их художественный мир. В соответствии с традиционными народными представлениями, более ценностным временем суток было утро, а не вечер, то есть время утрени, а не время вечерни. Видимо, именно поэтому в былинный эпос намного более активно входит не церковная служба, происходящая в опасное время, когда становится возможной связь с «иным миром», а служба, идущая во время, наделенное максимальной продуцирующей силой (не случайно, видимо, и то, что в редких случаях время заутрени наделяется семантикой особой святости).

4. Вероятно, вечерня вошла в былины на позднем этапе их бытования, потому и не сформировалась полнокровная традиция ее упоминания, однако при этом она прикрепилась к древним, относящимся еще к мифологическому, а не государственному, смысловому слою в былинах мотивам приворота, женитьбы на «иномирной» невесте.

5. И вечерня, и утрени наиболее частотно в былинах входят в типическое место переезда из одного пункта в другой между двумя церковными службами. Возможно, именно этот топос, в котором изначально были только положительные в своей семантике заутреня и обедня, и «притянул» (посредством аналогии) вечерню в формульное поле былин.

Дальнейшее изучение хрононимов в былинах планируется по двум векторам: 1) обращение к рассмотрению иных понятий, прежде всего обедни, а далее – обозначений праздников и дней недели; 2) включение в исследовательское поле былин Центральной России, Урала, Сибири и Дальнего Востока, казачьих регионов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Перечисляем в соответствии с канонем, согласно которому «день в Церкви начинается вечером с вечерни» [6: 151].

² Былины Печоры / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Корпус текстов подгот. В. И. Еремина, В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, А. Ф. Некрылова. СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. 773+784 с. (Свод русского

- фольклора: Былины: В 25 т.; Т. 1–2) (далее – Печ.); Былины Мезени / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Корпус текстов и коммент. подгот. А. А. Горелов, Т. Г. Иванова, А. Н. Мартынова, Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков, Л. И. Петрова, А. Н. Розов, Ф. М. Селиванов. СПб.: Наука; М.: Классика, 2003–2006. 531+714+600 с. (Свод русского фольклора: Былины: В 25 т.; Т. 3–5) (далее – Мез.); Былины Кулоя / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Изд. подгот. Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков, Л. И. Петрова, А. Н. Розов. СПб.: Наука; М.: Классика, 2011. 924 с. (Свод русского фольклора: Былины: В 25 т.; Т. 6) (далее – Кул.); Былины Пинеги / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Изд. подгот. Т. Г. Иванова, А. Ю. Кастров, М. В. Рейли. СПб.: Наука; М.: Классика, 2012. 974 с. (Свод русского фольклора: Былины: В 25 т.; Т. 7) (далее – Пин.); Былины Зимнего берега Белого моря / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Изд. подгот. А. Н. Власов, С. А. Жадовская, Н. Г. Комелина, Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков. СПб.: Наука; М.: Классика, 2018. 995 с. (Свод русского фольклора: Былины: В 25 т.; Т. 8) (далее – ЗБ); Былины Пудогги / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Изд. подгот. М. Н. Власова, В. И. Еремина, В. И. Жекулина, А. Ю. Кастров, Ю. А. Новиков, Т. А. Новичкова, Е. И. Якубовская. СПб.: Наука; М.: Классика, 2013–2016. 1063+952+1296+882 с. (Свод русского фольклора: Былины: В 25 т.; Т. 16–18) (далее – Пуд.).
- ³ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3 т. / Карельский филиал АН СССР. Ин-т языка, литературы и истории; Под ред. Б. Н. Путилова. Петрозаводск: Карелия, 1989–1990. Т. 1–2 / Подгот. А. П. Разумова, И. А. Разумова, Т. С. Курец. 527+640 с. (далее – Рыбн.).
- ⁴ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г.: В 3 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Сектор фольклора; Отв. ред. А. М. Астахова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 1–3. 735+812+670 с. (далее – Гильф.).
- ⁵ Былины Севера / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Подгот. текстов и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 2: Прионежье, Пинега и Поморье. 847 с. (Материалы Рукописного хранилища Сектора фольклора / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц) (далее – Аст.).
- ⁶ Онежские былины / Гос. лит. музей; Подбор былин и науч. ред. текстов Ю. М. Соколова; Подгот. текстов к печати, примеч. и словарь В. И. Чичерова. М., 1948. 938 с. (Летописи Государственного Литературного музея; Кн. 13) (далее – Сок.-Чич.).
- ⁷ Иванова Т. Г. «Малые» очаги севернорусской былинной традиции: Исслед. и тексты / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 454 с. (далее – МО).
- ⁸ Здесь и далее подобное написание обозначает повторную запись от одного сказителя.
- ⁹ Рыбников П. Н. Заметка собирателя // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3 т. Петрозаводск, 1989. Т. 1 / Подгот. А. П. Разумова, И. А. Разумова, Т. С. Курец. С. 164.
- ¹⁰ Некрылова А. Ф. Русский традиционный календарь. СПб., 2017. С. 176.
- ¹¹ Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок / Международная ассоциация преподавателей рус. яз. и лит. Рос. об-во преподавателей рус. яз. и лит. С.-Петербург. гос. ун-т. Межкаф. словарный кабинет им. Б. А. Ларина. М., 2013. С. 454; Сергеева Л. Н. Материалы для идеографического словаря новгородских фразеологизмов / Мин-во образ. РФ. Новгородск. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. В. Новгород, 2004. С. 162–163.
- ¹² Державин Г. Р. Память другу // Сочинения Державина: [В 9 т.] / Имп. АН; С объясн. примеч. [и предисл.] Я. Грота. СПб., 1865. Т. 2, ч. 2. С. 462.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Желтов М. С., Правдолюбов С. Богослужение Русской Церкви. X–XX вв. // Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь / Под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М., 2000. С. 485–517.
- Иванова Т. Г. Историческое пространство в былинах / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). СПб.: Дмитрий Буланин, 2023. 544 с.
- Липец Р. С. Эпос и Древняя Русь / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1969. 302 с.
- Новиков Ю. А. Христианская вера, монастыри и храмы в былинах // Церковь Преображения Господня на острове Киж: 300 лет на Заонежской земле: Сб. ст. / Сост. и подгот. И. В. Мельников. Петрозаводск: Изд. центр музея-заповедника «Киж», 2014. С. 311–326.
- Петров Н. В. Богатыри на Русском Севере: Сюжеты и ареалы бытования. М.: Фонд поддержки экономического развития стран СНГ, 2008. 463 с.
- Пятеров А. С. Проблема современной богослужебной практики совершения вечерни и утрени: способы преодоления // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2023. № 1 (22). С. 149–161.
- Розов А. Н. Православные мотивы в севернорусских былинах // Розов А. Н. Русская народная культура (Избранные труды: 1974–2017 гг.). СПб., 2017. С. 265–285.
- Толстая С. М. Сутки // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 2012. Т. 5. С. 212–218.

Original article

Svetlana Yu. Kharkova, Junior Researcher, Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (Pushkinskij Dom) (St. Petersburg, Russian Federation)
kharkovas@mail.ru

CHRISTIAN CHRONONYMS IN HEROIC EPICS: VESPERS AND MATINS

Abstract. The article reflects on the Christian component of the heroic epics (*bylinas*), which has only recently begun to be comprehensively studied. Heroic epics of the Russian North are analyzed for references to vespers and matins. It is considered what formulas, motifs, and plots include these concepts. The findings indicate that, in their basic semantics, vespers and matins mentioned in heroic epics literally refer to morning and evening church services, which does not correspond to the church canon. These two related concepts are presented in the epics in a very contrasting way. Their study contributes to a broader understanding of what realities of the Christian faith resonated with the poetics of heroic epics and were able to gain a foothold in their artistic world. It is suggested that references to vespers were incorporated into the epics at a late stage of their existence through the topos of “moving from one point to another between two church services”.

Key words: bylinas, heroic epics, Russian North, matins, vespers, Christianity in heroic epics

For citation: Kharkova, S. Yu. Christian chrononyms in heroic epics: vespers and matins. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(5):70–76. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1201

REFERENCES

1. Zheltov, M. S., Pravdolubov, S. Divine services of the Russian Church. X–XX centuries. *Orthodox encyclopedia. Russian Orthodox Church*. (Patriarch of Moscow and All Russia Aleksey II, Ed.). Moscow, 2000. P. 485–517. (In Russ.)
2. Ivanova, T. G. Historical space in Russian bylinas. St. Petersburg, 2023. 544 p. (In Russ.)
3. Lipets, R. S. Epic and Ancient Russia. Moscow, 1969. 302 p. (In Russ.)
4. Novikov, Yu. A. Christian faith, monasteries, and temples in Russian bylinas. *Church of the Transfiguration on Kizhi Island: 300 years on the land of Zaonezhye: Collection of articles*. (I. V. Melnikov, Ed.). Petrozavodsk, 2014. P. 311–326. (In Russ.)
5. Petrov, N. V. Bogatyrs in the Russian North: Plots and habitats. Moscow, 2008. 463 p. (In Russ.)
6. Pyaterov, A. S. The issues of modern liturgical practice of celebrating vespers and matins: ways to overcome. *Theological Collection of Tambov Theological Seminary*. 2023;1(22):149–161. (In Russ.)
7. Rozov, A. N. Orthodox motifs in Northern Russian Epics. *Rozov, A. N. Russian folk culture (Selected works: 1974–2017)*. St. Petersburg, 2017. P. 265–285. (In Russ.)
8. Tolstaya, S. M. Twenty-four-hour day. *Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary*. (N. I. Tolstoy, Ed.). Moscow, 2012. Vol. 5. P. 212–218. (In Russ.)

Received: 9 December 2024; accepted: 28 April 2025

ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА БОЧИНА

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингвистического образования для иностранных студентов

Казанский (Приволжский) федеральный университет
(Казань, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-2606-2985; Tatyana.Bochina@kpfu.ru

ВНУТРИВИДОВАЯ ВАЛЕНТНОСТЬ БЫТИЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РУССКОЙ ПАРЕМИКЕ

А н н о т а ц и я . Рассмотрены пословицы, отражающие взаимоотношения разных бытийных ценностей (благо, время, жизнь, воля, счастье, удача, судьба, молодость) в русской лингвокультуре. Актуальность исследования обусловлена научной ценностью познания специфики этнической аксиосферы, ее структурно-семантических особенностей. Теоретическая значимость работы заключается в разработке концепции аксиологической валентности, под которой понимается способность лексем, именующих ту или иную ценность, вступать в высказываниях в семантические и синтаксические связи с другими аксиолексемами. Значимость той или иной ценности в лингвокультуре определяется как количеством прецедентных единиц, включающих соответствующую аксиологическую лексему, так и числом и разнообразием ее ассоциативно-вербальных связей. В результате анализа доказано, что аксиологическое пространство бытийных ценностей отражает глубинные установки русской лингвокультуры, что большинство экзистенциальных аксиолексем обладают широкой валентностью, сочетаясь друг с другом отношениями подобия, сходства, различия, контраста, парадоксальными и причинно-следственными связями.

К л ю ч е в ы е с л о в а : лингвоаксиология, аксиосфера, аксиологическая валентность, ценность и антиценность, паремия

Д л я ц и т и р о в а н и я : Бочина Т. Г. Внутривидовая валентность бытийных ценностей в русской паремике // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 5. С. 77–81. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1202

ВВЕДЕНИЕ

Одним из активно развивающихся интегративных направлений современного языкознания является аксиологическая лингвистика, разрабатывающая теорию ценностей с позиций языкознания:

«...предметом изучения аксиологической лингвистики... являются ценности, нормы, традиции, закрепленные в значениях слов, высказываний, в содержании текстов и в характеристиках дискурсов» [15: 9–10].

Лингвисты, как и философы, социологи, культурологи, подчеркивают, что в национальных культурах ценности существуют не разрозненно, а образуют аксиосферу, которая

«представляет собой не простую совокупность, соседство, рядоположенность тех или иных ценностей, а их целокупность – сложившуюся в истории культуры систему конкретных форм ценностного отношения человека к миру» [5: 52].

Таким образом, познание структурно-семантических особенностей аксиосферы обладает бе-

зусловной научной значимостью, что мотивирует актуальность данной статьи, которая посвящается описанию одного из фрагментов русской аксиосферы.

В аксиологической лингвистике активно формируется такое направление, как аксиопаремология [6: 102], что представляется глубоко закономерным, ибо паремии являются репрезентацией системы ценностей народа [7: 52]. Актуальность разработки проблемы ценностной репрезентации в пространстве паремической семантики видится как в русле развития тенденций постмодернизма в современной лингвистике, так и в части решения задач классической семантики и лингвосемиотики [14: 229]. Аксиологической интерпретации подвергаются пословичные фонды разных народов, в том числе в сопоставительном аспекте [4], [9], [10], [11]. При этом паремологами изучаются не только те или иные ценности, но и их значимость в этнической аксиосфере, иерархия ценностей [12] и аксиологические доминанты [8].

Объектом данного исследования являются русские паремии о бытийных ценностях, его предмет составляют особенности ассоциативных связей разных ценностей друг с другом. Ранее в связи с изучением различных фрагментов русской аксиосферы было введено понятие аксиологической валентности, под которой понимается «способность лексем, именующих ту или иную ценность, вступать в высказываниях в семантические и синтаксические связи с другими аксиолексемами» [2: 8]. Теоретическая значимость данной статьи связана с дальнейшей разработкой концепции аксиологической валентности. В качестве материала исследования избраны русские паремии, так как ценность, по признанию паремологов, является стержневым компонентом паремии, при этом аксиолексема в пословицах, как правило, представлены не изолированно, а во взаимодействии с другими ценностями, ибо

«семиотическая специфика пословицы заключается в том, что она означает модель стереотипной ситуации, указывает не на отдельный элемент, а на фрагмент объективной действительности»¹.

Цель исследования – определение валентности бытийных ценностей, репрезентирующей разнообразные взаимосвязи внутри тематического фрагмента аксиосферы. В качестве источника практического материала послужил «Большой словарь русских пословиц» В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной, Е. К. Николаевой².

РЕЗУЛЬТАТЫ, ДИСКУССИЯ

Своеобразие этнических аксиосфер заключается, во-первых, в вариативности аксиологического набора, состоящего из инвариантных общечеловеческих ценностей, национально вариативных (прежде всего семантически и символически) и уникальных ценностей; во-вторых, в семантической и структурной специфике аксиологического пространства той или иной лингвокультуры. Эти структурно-семантические особенности аксиосферы отражают этнически специфическую иерархию ценностей в языковой картине мира народа. О том, насколько значима та или ценность в лингвокультуре, можно судить как по количеству прецедентных феноменов, включающих соответствующую аксиологическую лексему, так и по числу взаимодействующих с ней других ценностей.

При систематизации валентностных связей изучаемой ценности можно выделить две группы: взаимодействие ценностей одного вида и соотношенность ценностей разных видов (например, морально-нравственных и утилитарно-практических ценностей). Рассмотрим ассоциации разных бытийных ценностей друг с другом. Прежде

всего следует отметить место бытийных ценностей в аксиосфере. Л. Б. Савенкова выделила в русском пословицном фонде девять видов ценностей, среди которых бытийные ценности занимают третье место после морально-нравственных и утилитарно-практических и встречаются в 4848 паремиях [13: 138–139]. Такая частотность пословицной рефлексии на бытийные ценности, по нашему мнению, говорит об их большой значимости в русской лингвокультуре. Исследователем на пословицном материале был также составлен рейтинг бытийных ценностей:

Благо – 865 (паремий), *Время* – 722, *Жизнь* – 668, *Человек* – 651, *Воля* – 594, *Счастье, удача* – 395, *Судьба* – 376, *Молодость* – 254, *Обычай, традиция* – 170, *Своеобычие, индивидуальность* – 119, *Надежда* – 34 [13: 138–139].

Как известно, лингвокогнитивным принципом пословицы является контраст, что хорошо согласуется с дихотомической сущностью аксиосферы, в которой ценностям, как правило, соответствуют антиценности. Среди пословиц о бытийных ценностях немало изречений с аксиологическими оппозициями:

жизнь – смерть: *Живот богатство дает, а все смерть отберет; Лучше живот, нежели смерть; воля – неволя:* *Воля хуже неволи; Воля пьет водицу, а неволя медок; счастье, удача – горе, беда, неудача:* *Было бы и счастье, да одолело несчастье (несчастье); Удача – брага, неудача – квас; доля – недоля:* *Доля во времени живет, недоля в безвремяе; время – безвремяе:* *Время красит, а безвремяе чернит (старит, казнит, сушит); молодость – старость:* *В молодости ищут разгула, а в старости – притула; Молодость летает вольной пташкой, старость ползает черепашкой.*

При этом спектр семантических отношений между аксиологическими бинамами достаточно широк. Рассмотрим в качестве примера семантические отношения в витальной оппозиции. Совершенно естественно в пословицном фонде наличие контрастного противопоставления ценностей и антиценностей: *Жизнь хватает, смерть отдаст; Жизнь – загадка, смерть – разгадка* и др. Однако взаимоотношение в аксиологическом бинOME намного сложнее, чем контраст или сильное отрицание. Это и аксиологическая несовместимость: *В мертвого жизни не вдохнешь; Либо жизнь, либо смерть; Не на живот рождаемся, а на смерть*, и, наоборот, взаимопроникновение и диалектическая близость противоположностей: *В жизни смертей много; От жизни до смерти один шаток; Промеж жизни и смерти и блоха не проскочит; Животы смерть кажет; Животом и смертию владеет Бог, покаянием владеет человек.* Это и разнообразные причинно-следственные отношения, когда в од-

них ситуациях ценность и антиценность взаимоотношкаиваются: *Жизнь – отрада, помирать не надо; Жизнь – помирать не хочется*, а в других, напротив, ценность переходит в свою противоположность или уподобляется ей: *Яка жизнь, така и смерть; Жизнь не красна, так и смерть не страшна; Живот бедному смерти подобен; Жизнь на коленях позорнее смерти*.

Бытийные ценности активно взаимодействуют друг с другом. Так, в паремиях **Жизнь** сопряжена с

Радостью и Счастьем: *Кого жизнь ласкает, тот и горя не знает; Волей*: *Хоть жизнь собачья, зато воля казачья; Временем*: *Жизнь есть небес мгновенный дар; Жизнь наша временна; Человеком*: *Жив человек живую и помышляет; И худой человек проживет свой век; Пока жив человек, голодную смертью помирать не станет; Человек всю жизнь учится; Человек живет век, а его дела – два и др.*

Ценность **Человек** связана с такими бытийными ценностями, как

Благо: *Блажен человек, иже и скоты милует; Время*: *Меняются времена, меняются и люди; Во благо время много друзей бывает, а в безвременье и свои оставляют; Жизнь*: *Человек всю жизнь учится; Воля*: *У человека воля, у животного побудка; Свободный человек ничего не боится; Счастье, удача*: *Всяк человек своего счастья кузнец; Человек в беде всегда поддержки ждет; Раньше жила – горевала, теперь человеком стала; Судьба*: *Чего человек хочет, о том и судьба хлопочет; Не человек играет судьбой, а судьба человеком; Молодость*: *Человек два раза глуп живет: когда мал да стар; Обычай, традиция*: *Что человек, то обычай; что город, то норы; что голова, то и разум; Своеобычие, индивидуальность*: *У каждого человека свое рукоделие; У каждого человека свой талант; Надежда*: *Всякий не без надежды*.

Важнейшая характеристика бытия – время – в народных изречениях сопрягается с экзистенциальными феноменами

Благо: *Во благо время много друзей бывает, а в безвременье и свои оставляют; Жизнь (Смерть)*: *Что время, то новая жизнь; Придет время, все лягут в могилки; Счастье*: *Время счастье приносит; Во времена счастья не возносись, а больше Богу молись; Традиции, обычаи*: *У каждого времени свои обычаи; Надежда*: *Долгое время – короткая надежда*.

Регулярный характер носят ассоциации **жизнь / смерть – молодость / старость**: *Не бойся в жизни трудностей, бойся в жизни старости; Не молодостью живем, не старостью умираем* и т. д.

Как видим, фрагмент аксиосферы **Бытие** имеет большую плотность и заполненность пространства, практически все аксиолексемы связаны с большинством других бытийных ценностей.

Однако значимость бытийной аксиосферы определяется не только значительным числом взаимосвязей образующих ее компонентов, но и тем, что данные вербально-ассоциативные связи в русском провербиальном пространстве отражают экзистенциальные особенности миропонимания. Такова, к примеру, традиционная пословицная рифма *воля – доля*, определяющая русскую интерпретацию свободы и счастья. Следует заметить, что в так называемых банальных рифмах народных изречений ярко проявляется единство звуковой и смысловой сторон, в них «образные и звуковые параллели слились в одну поэтическую фигуру» [3: 117]. Кроме двух бытийных ценностей в триаду **Поле – Воля – Доля** входит пространственный символ русского мира – бескрайнее, не имеющее границ широкое поле. Общепризнано, что окружающая среда, природа, детерминирует направленность практической деятельности народа и определяет специфику его модели мира, в том числе иерархию ценностей и особенности национального характера. В паремиях поле как ключевая единица русского космоса регулярно соотносится с национально-эндемическим пониманием свободы как вольной воли – ничем не ограниченным простором в действиях и поступках:

Воля в поле; В поле две воли: кому Бог поможет; Дорога воля – гони врага с поля; Цвет в поле, человек в воле; Не верь ветру в поле, а жене в воле; Своя воля – велик простор и др.

Народное понимание судьбы как воли Бога, наделяющего человека его долей, участью, отражено в символической рифме *воля – доля*:

«От глагола *делить*... образовалось слово *доля*, означающее не только *pars* (отдел), но и судьбу (то, что выпало человеку на часть, на долю, что досталось ему в у-дел...)» [1: 187]: *Такова доля, что Божья воля*.

Символизм данных бытийных ценностей проявляется в разнообразии их семантических связей: от тождества и подобия до различия и противоположности. С одной стороны, аксиолексемы *воля – доля* определяют или усиливают друг друга: *Ваша воля – наша доля; Своя воля – своя и доля; Поет там, где воля, холя и доля*. Своеобразной квинтэссенцией понимания счастья как вольной воли, соединяющей простор действий с простором неограниченного пространства русского поля, является паремия *Своя волюшка раздолюшка*. С другой стороны, пословицы указывают на жизненные ситуации, когда избыток воли является причиной своеволия и ухудшения судьбы: *Своя воля не вводит в добро; Боле воли – хуже доля; Дал себе волю – спустишь и отцову долю; Дашь*

себе волю – будешь в неволе; Воля и добру жену портит. Кроме того, члены символического бинама могут противопоставляться и взаимно отталкиваться: *Во всем воля, а ни в чём доли; Доля есть, да воли нет; Не в воле счастье, а в доле.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, о высокой значимости в русской лингвокультуре фрагмента аксиосферы **Бытие** свидетельствует, во-первых, большое количество паремий о бытийных ценностях (около 5 тысяч), занимающих третье место в рейтинге частотности ценностей в пословичном фонде; во-вторых, обилие разнообразных ассоциативно-вербальных связей бытийных ценностей друг с другом. Большинство бытийных аксиолексем

обладают широкой валентностью, сочетая внутривидовые ценности отношениями подобия, сходства, различия, контраста, причины и следствия. Аксиологическое пространство бытийных ценностей с многочисленными их взаимосвязями отражает глубинные установки русской лингвокультуры. Так, аксиологическая триада **Поле – Воля – Доля** имеет экзистенциальный характер, ибо в ней соединяются ключевые концепты русской культуры, репрезентирующие свое пространство, этноспецифическое представление о свободе и понимание счастья.

Перспективы исследования аксиологической валентности русской аксиосферы видятся в познании соотношения бытийных ценностей с ценностями других видов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бочина Т. Г. Контраст как лингвокогнитивный принцип русской пословицы: Дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2003. С. 395.
- ² Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. 1024 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. Т. 3. М.: Современный писатель, 1995. 416 с.
2. Бочина Т. Г. Коммуникативная валентность гедонистических ценностей в традиционной русской аксиосфере // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2023. № 6 (67). С. 7–12. DOI: 10.12737/2587-9103-2023-12-6-7-12
3. Брик О. М. Звуковые повторы (Анализ звуковой структуры стиха) // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. М.: Academia, 1997. С. 116–120.
4. Иванов Е. Е. Семантическая типология тувинских пословиц (эмпирический и аксиологический аспекты) // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 317–337. DOI: 10.25178/nit.2022.4.22
5. Каган М. С. Философская теория ценности. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. 205 с.
6. Ломакина О. В. Изучение пословиц в русле ценностной парадигмы: методология исследования и критерии выделения оценочности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2021. Т. 7 (73), № 1. С. 97–107.
7. Ломакина О. В. Паремнология как система (на материале горномарийского литературного языка) // Финно-угроведение. 2024. № 4 (68). С. 51–61. DOI: 10.51254/2312-0312-2024-4-68-51-61
8. Нелюбова Н. Ю. Аксиологические доминанты паремий как типологические маркеры тувинской, русской и французской этнокультур // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 146–163. DOI: 10.25178/nit.2022.1.10
9. Нелюбова Н. Ю. Аксиологические концептосферы французов и русских: из опыта анализа паремнологических словарей // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3 (46). С. 387–391.
10. Нелюбова Н. Ю. Репрезентация ценностей в карельском паремнологическом фонде (на фоне паремий неродственных языков) // Вестник угроведения. 2022. Т. 12, № 3. С. 476–485.
11. Нелюбова Н. Ю., Ломакина О. В., Мирзаева С. В. ТРУД в парадигме ценностей европейских и азиатских народов: на материале паремий русского, французского и калмыцкого языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14, № 3. С. 595–615. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-595-615
12. Нелюбова Н. Ю., Хильтбруннер В. И., Ершов В. И. Отражение иерархии ценностей в пословичном фонде русского и французского языков // Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23, № 1. С. 223–243. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-223-243
13. Савенкова Л. Б. Русская паремнология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов-н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 2002. 240 с.
14. Семенов Н. Н. Аксиология паремий в фокусе проблемы когнитивно-дискурсивного моделирования семантики русских пословиц // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11, № 2. С. 213–232. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-213-232
15. Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности: Сборник статей. М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2020. 280 с.

Поступила в редакцию 13.03.2025; принята к публикации 05.05.2025

Original article

Tatyana G. Bochina, Dr. Sc. (Philology), Professor, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-2606-2985; Tatyana.Bochina@kpfu.ru

INTRASPECIFIC VALENCE OF EXISTENTIAL VALUES IN RUSSIAN PAREMICS

Abstract. The article examines proverbs reflecting the relationships between different existential values (good, time, life, will, happiness, luck, fate, youth) in Russian linguistic culture. The relevance of the research is determined by the scientific value of exploring the specifics of ethnic axiosphere and its structural and semantic features. The theoretical significance of the work lies in the development of the concept of axiological valence, which is understood as the ability of lexemes naming specific values to enter into semantic and syntactic relations with other axiolexemes in statements. The significance of each particular value in linguoculture is determined both by the number of precedent units that include the corresponding axiological lexeme and by the number and variety of its associative-verbal links. The research findings prove that the axiological space of existential values reflects the deep attitudes of Russian linguistic culture, and that the majority of existential axiolexemes have wide valence, combining with each other via relations of similarity, likeness, difference, and contrast, as well as paradoxical and causal links.

Keywords: linguoaxiology, axiosphere, axiological valence, value and anti-value, paremia

For citation: Bochina, T. G. Intraspecific valence of existential values in Russian paremics. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(5):77–81. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1202

REFERENCES

1. Afanasyev, A. N. Poetic views of the Slavs on nature: In 2 vols. Vol. 3. Moscow, 1995. 416 p. (In Russ.)
2. Bochina, T. G. Communicative valence of hedonistic values in the traditional Russian axiosphere. *Scientific Research and Development. Modern Communication Studies*. 2023;6(67):7–12. DOI: 10.12737/2587-9103-2023-12-6-7-12 (In Russ.)
3. Brik, O. M. Sound repetitions (analysis of the sound structure of verse). *Russian literature. From the theory of literature to the structure of text: Anthology*. Moscow, 1997. P. 116–120. (In Russ.)
4. Ivanov, E. E. Semantic typology of Tuvan proverbs (empirical and axiological aspects). *New Research of Tuva*. 2022;4:317–337. DOI: 10.25178/nit.2022.4.22 (In Russ.)
5. Kagan, M. S. The philosophical theory of value. St. Petersburg, 1997. 205 p. (In Russ.)
6. Lomakina, O. V. The studying of the proverbs in the value paradigm: the methodology of research and the criteria for estimating value. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences*. 2021;7(73-1):97–107. (In Russ.)
7. Lomakina, O. V. Paremiology as a system (based on of the Hill Mari language material). *Finno-Ugric Studies*. 2024;4(68):51–61. DOI: 10.51254/2312-0312-2024-4-68-51-61 (In Russ.)
8. Neliubova, N. Yu. Axiological dominants of paremies as typological markers in Russian, Tuvan and French ethnic cultures. *New Research of Tuva*. 2022;1:146–163. DOI: 10.25178/nit.2022.1.10 (In Russ.)
9. Neliubova, N. Yu. Axiological conceptospheres of the French and Russians: on the experience of paremiological dictionaries analysis. *Cognitive Studies of Language*. 2021;3(46):387–391. (In Russ.)
10. Neliubova, N. Yu. Representation of values in the Karelian paremiological fund (against the background of proverbs of unrelated languages). *Bulletin of Ugric Studies*. 2022;12(3):476–485. (In Russ.)
11. Neliubova, N. Yu., Lomakina, O. V., Mirzaeva, S. V. LABOR in the paradigm of the values of European and Asian peoples: on the basis of Russian, French and Kalmyk proverbs. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2023;14(3):595–615. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-595-615 (In Russ.)
12. Neliubova, N. Yu., Hiltbrunner, V. I., Yershov, V. I. The reflection of the hierarchy of values in the proverbial fund of Russian and French languages. *Russian Journal of Linguistics*. 2019;23(1):223–243. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-223-243 (In Russ.)
13. Savenkova, L. B. Russian paremiology: semantic and linguocultural aspects. Rostov-on-Don, 2002. 240 p. (In Russ.)
14. Semenenko, N. N. Axiology of proverbs in the focus of the problem of cognitive-discursive modeling of the semantics of Russian proverbs. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2020;11(2):213–232. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-213-232 (In Russ.)
15. Modern Russian axiosphere: semantics and pragmatics of identity: Collection of articles. Moscow, 2020. 280 p. (In Russ.)

Received: 13 March 2025; accepted: 5 May 2025

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА ИВАНИЩЕВА

доктор филологических наук, профессор кафедры филологии, межкультурной коммуникации и журналистики Института социальных и гуманитарных наук Мурманский арктический университет (Мурманск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-8495-0502; oivanishcheva@gmail.com

ПОСЛОВИЦЫ КИЛЬДИНСКОГО СААМСКОГО ЯЗЫКА: К ВОПРОСУ О ТОЛКОВАНИИ ЗНАЧЕНИЯ ПАРЕМИЙ

А н н о т а ц и я . Актуальность исследования обусловлена интересом к созданию новых типов словарей, в том числе словарей для бесписьменных и малочисленных народов и словаря обыденных толкований слов, а также развитием идей антропологической лексикографии. Новизна исследования заключается в обращении к уникальному языковому материалу с точки зрения обыденной лингвистики. Подчеркнуто, что языковой материал саамского паремиологического фонда до сих пор не описан. Кроме того, чрезвычайно ограничен выбор источников такого описания: не проводились полевые исследования, не определены респонденты с необходимым уровнем знания саамской паремиологии и профессиональной лингвистической грамотности. Цель работы – определить способы толкования носителем саамского языка саамских пословиц. Материалом исследования послужили результаты эксперимента по выяснению особенностей толкования 60 саамских пословиц носителем саамского языка. Выявлено, что значение пословицы носителем саамского языка определяется с помощью этнобытового комментария и описания ситуации употребления пословиц в речи саамов (ситуативной характеристики). Этнобытовой комментарий при толковании саамских пословиц имеет специфику и отличается от этнокультурного, историко-этимологического и историко-этнографического комментария тем, что раскрывает смысл бытовой реалии, под которой традиционно понимаются одежда, пища, жилье и утварь, транспорт. При этом этнобытовой комментарий к саамским пословицам включает в себя упоминание реалии или профессионально-производственной деятельности, а ситуативная характеристика предполагает обозначение характеристики человека или ситуации.

К л ю ч е в ы е с л о в а : саамский язык, пословицы, обыденное сознание, наивное толкование, этнобытовой комментарий, ситуативная характеристика

Д л я ц и т и р о в а н и я : Иванищева О. Н. Пословицы кильдинского саамского языка: к вопросу о толковании значения паремий // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 5. С. 82–88. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1203

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования обусловлена тем, что в последнее время особый интерес ученых вызывают проблемы создания новых типов словарей (когнитивных, фреймовых, функциональных, словарей для бесписьменных народов, словарей обыденных толкований слов и др.) [7], [17], [23], развития новых разделов лексикографии (корпусная лексикография, киберлексикография), в том числе саамского кильдинского языка [1], [24], [25], а также идеи антропологической лексикографии [3], [7].

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Среди направлений теории обыденной (наивной, естественной, профанной, народной) линг-

вистики особое место занимает ее прикладной аспект, который ориентирован на лексикографическую практику, а именно на отражение в словарях результатов обыденной метаязыковой рефлексии [16: 775]. Проблема систематизации информации, полученной путем анализа обыденного толкования значения единиц паремиологического фонда, позволяет ответить на вопрос, какое содержание ассоциируется с данной единицей у носителя языка, позволяет проникнуть в его «коммуникативную память» [7: 55], а в случае с языком малочисленного народа – в память не только индивидуальную, но и коллективную. Мы придерживаемся позиции Н. Н. Болдырева, утверждающего, что «индивидуальное знание – это определенная конфи-

гурация коллективного знания с точки зрения его объема, содержания и интерпретации» [4: 37]. Поэтому считаем обоснованным использование информации, полученной от одного носителя языка, для выводов о специфических чертах обыденного сознания как отдельных индивидов, так и целого этноса, что способствует реконструированию доминирующих представлений, знаний и установок, отражающих особенности русского национального мировидения [14: 183]. Информант в таком случае расценивается как рядовой, «усредненный» носитель языка.

В целом проблема толкования пословиц в паремиологических словарях в науке не решена: отмечается, что в таких словарях может даваться толкование значения пословицы и характеристика ситуации, в которой пословица употребляется, а также приводиться историко-этимологический и культурологический комментарий¹ [6], [19].

Лексикография языка саамов России (кольских саамов), проживающих на территории Кольского полуострова в Мурманской области, представлена переводными словарями кильдинского саамского языка (саамско-русскими и русско-саамскими)². Но в словарях А. А. Антоновой и Г. М. Керта³ пословицы не отражены, а количество пословиц, представленных в «Саамско-русском словаре» (СРС)⁴, ограничено. Их толкование в СРС выявляется в большинстве случаев через перевод на русский язык и в некоторых случаях обозначением русского аналога знаком ≈⁵. Например: *рыссе кэдчант поальтэ сүгенъ*⁶ ‘ветка падает рядом с деревом’⁷; ≈ яблоко от яблони недалеко падает⁸. Только для одной пословицы *сбнн лй суэвель рййк нйлххчмэнъ* ‘у него дырявый язык хариуса’ указан этимологический комментарий: *по преданию какая-то рыба прокусила хариусу язык за ложь*⁹. Кроме того, СРС характеризуется недифференцированным употреблением терминов *пословица* и *поговорка*. Например, пословица *кймьн ояррадт чайнэхък элл, чайнэхък ояррадт кймьн элл, на куэххтас лев кйбэсьт* ‘котел ругает чайник, чайник ругает котел, а в копти они оба’ названа в СРС поговоркой¹⁰.

СТЕПЕНЬ ИЗУЧЕННОСТИ ПРОБЛЕМЫ

В рамках обыденной лингвистики ученые обсуждают способы наивного толкования лексического значения слова, в частности на основе характера семантической близости стимула и реакции (толкования) [3] или при помощи «погружения» в ситуацию [5: 54], исследуется также степень соответствия наивных толкований лек-

сикографическим. Сквозь призму обыденного сознания описывается в литературе и восприятие паремий. Работ, посвященных анализу пословиц, поговорок, фразеологизмов в этом аспекте, немного. Есть исследования русского паремиологического фонда как репрезентанта обыденного языкового сознания [14], несколько работ сопоставительного характера о восприятии русских фразеологизмов носителями родного и неродного языков [20], [21]. Но в последнее время таких исследований, тем более на материале языков коренных малочисленных народов Севера, не проводилось.

Исследование кильдинского саамского языка осуществлялось в работах российских ученых, в первую очередь Г. М. Керта [11], [12], [13], а также в диссертации Г. В. Костиной [15] и в словарях автора настоящей работы (см. [22]). Рассмотрен ценностный потенциал саамских паремий (пословиц, поговорок, примет и устойчивых сравнений) [2], [9], [10]. Однако в целом саамская паремиология описана недостаточно. В этом состоит новизна исследования.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом исследования явились результаты эксперимента по выяснению особенностей толкования 60 саамских пословиц¹¹ носителем кильдинского саамского языка (А. М. Антоновой)¹², которому было предложено объяснить значение саамской пословицы, перевести ее на русский язык и дать русский аналог. В работе использовались методы описания, сопоставления, интуитивной дефиниции. Цель исследования – определить способы толкования саамских пословиц носителем саамского языка.

АНАЛИЗ И ОБСУЖДЕНИЕ

Компоненты наивного толкования саамских пословиц носителем языка

Анализ ответов носителя саамского языка дает возможность выделить компоненты наивного толкования саамских пословиц: значение пословицы носителем саамского языка представлено в форме этнобытового комментария (ЭК) и описания ситуации употребления пословиц в речи саамов (ситуативной характеристики) (СХ). Мы считаем, что ЭК при толковании саамских пословиц имеет специфику и отличается от этнокультурного, историко-этимологического и историко-этнографического комментария. Последние два делают акцент на историческом аспекте. По нашему мнению, в ЭК ставится задача «объяснения рецепиенту текста незнако-

мых ему явлений иной лингвокультуры» [18: 133–134]. В отличие от этнокультурного комментария в ЭК раскрывается смысл бытовой реалии, под которой традиционно понимаются одежда, пища, жилье и утварь, транспорт. Таким образом, ЭК уже, чем этнокультурный комментарий, так как этнокультурный комментарий включает представление этноса о мире, а не только об элементах народного быта. Например, для пословицы *kē kēsся вуаңкэ, тодт талльва поркханна брр* ‘кто летом на удочку ловил, тот зимой голодает’¹³ носитель языка, предлагая русский аналог *готовь сани летом* со значением ‘лучше все делать заранее’, предлагает ЭК: *кто ленился летом запастись рыбой (мало рыбачил), тот зимой голодный*. ЭК выявляет основу жизнеобеспечения кольских саамов: одним из наиболее важных продуктов питания этот малочисленный народ считает рыбу. Летом во время рыбной ловли саамы питались преимущественно свежей рыбой, а на зиму ее сушили и солили¹⁴.

В анализируемом материале выделяют-ся пословицы (1) с прямым и (2) с переносным значением. Ср.: (1) *күххт милвэсь нызан, ойртэдтэв, кәннџи кәннџэсьт рйкетъ пейхтэв, күххт милхэмэсь – пукэтъ моайнсэв* ‘две умные женщины, ссорясь, недостатки друг друга прикрывают, две дуры – раскрывают’¹⁵; (2) *мунн эмм ля күлль, кбйт тбнн оапах гу сепът* ‘я не рыба, которую ты используешь в качестве наживки’¹⁶. Анализ материалов опроса показал, что толкование пословиц с прямым значением в основном содержит ЭК и СХ, а пословиц с переносным значением – в основном только СХ.

ЭК в толковании саамских пословиц носителем языка

ЭК к пословицам *с прямым значением* включает в себя (1) упоминание реалии или (2) упоминание профессионально-производственной деятельности (в нашем материале это в основном рыболовство). Ср.: (1) *коаввас тблха гу калльм* ‘кувакса (чум) без огня как могила’¹⁷ ЭК: Куваксу (чум) без покрытия (одни шесты) не оставляют. Чум, когда стоят одни шесты, признак безжизненный; (2) *күльшыллей эйй тй, мәнн сбнн соагк* ‘рыбак не знает, что он поймает’¹⁸ ЭК: В тундровых озерах много всякой рыбы, но никогда не знаешь, что попадет в сети. ЭК к пословицам *с переносным значением* единичен: *күц пёрк лужень коавваст; күц пёрк пбрах, лужьнедах* ‘испорченная еда кончается поносом’¹⁹ ЭК: Делали заготовки мяса, рыбы столько, сколько на семью хватит, не больше.

СХ как компонент толкования саамских пословиц носителем языка

СХ предполагает обозначение характеристики (1) человека или (2) ситуации. Ср.: (1) *коашишьк сәййма күль эйй поабпэхьт* ‘в сухую (т. е. находящуюся на берегу) сеть рыба не попадает’²⁰ СХ: О нерадивом рыбаке. Когда жить у водоема и не ставить сеть, не ловить рыбу. Не бывать на рыбалке; (2) *күлль пай ли чәзесьт, на сәййм пай стәнэсьт ләбп* ‘рыба всегда в воде, а сеть чаще на стене’²¹ СХ: Редко когда человек рыбачит.

Для толкования значений пословиц носитель саамского языка прибегает к развернутым метаязыковым высказываниям с использованием традиционных для наивных толкований конструкций *в случае если / когда* и *(это) когда что-то происходит / человек делает*. См.: *лүз вуэйвесьт ли ённэ пёрмушиэ, мәнн вәййвиэсь бллмәнъ* ‘в голове семги больше еды, чем у бедняков в запасе’²² СХ: В случае если в доме еды нет; *нюэсь олма нюэзя тблэдтэ* ‘плохой человек хуже огня’²³ СХ: В случае, когда человек делает только плохие поступки в отношении кого-либо; *пүдзэ воәлиэв эйй чуэрвь вуэйке* ‘олень выбирают не по рогам’²⁴ СХ: Это когда друзей выбираешь не по красоте, богатству, а чтоб надежный был.

ВЫВОДЫ

Как показал анализ материала, способы толкования саамских пословиц, которые используются носителем саамского языка, являются типичным проявлением языковой рефлексии, в которой фиксируется обыденная семантика, сформированная в повседневном коммуникативном и гносеологическом опыте «усредненного» носителя языка [7: 57], [14: 185].

Несмотря на то, что описание значений саамских пословиц затруднено по нескольким причинам (ограниченность зафиксированного исследователями количества единиц паремнологического фонда кильдинского саамского языка, недостаточная изученность таких единиц и спорная компетентность информантов), результаты настоящего исследования позволяют сделать выводы о специфике наивных толкований паремий носителем языка малочисленного народа. Так, толкование саамских пословиц носителем языка осуществляется в двух направлениях: через представление ЭК и СХ. В отличие от комментария в словарях русских пословиц носитель саамского языка предлагает комментарий иного рода, названный нами этнобытовым, так как он раскрыва-

ет в основном смысл бытовой реалии. Этот факт обусловлен, по нашему мнению, тем, что в социолингвистической ситуации языка малочисленного коренного народа Севера, когда количество носителей языка невелико и проблема ревитализации языка и культуры становится все более острой, информант считает необходимым при толковании значения языковой единицы сделать работу переводчика, то есть максимально близко передать специфическую культуру оригинала. Поэтому носитель языка поясняет пословицу, а не представляет ее значение.

Включение СХ в толкование значения пословиц является традиционным при их лексикографировании. При толковании саамских пословиц носитель языка использует типичные для представления СХ конструкции, отражающие знания и установки, доминирующие в этническом сообществе. При этом ЭК к саамским пословицам включает в себя упоминание реалии или упоминание профессионально-производственной деятельности, а СХ предполагает обозначение характеристики человека или ситуации.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Мокиенко В. М. Школьный словарь живых русских пословиц. СПб.: «Издательский дом “Нева”»; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 6–7, 10.
- ² Антонова А. А. Саамско-русский словарь. Мурманск: ООО «Изд-во “Лема”», 2014. 376 с.; Керт Г. М. Словарь саамско-русский и русско-саамский: Пособие для учащихся нач. шк. Л.: Просвещение, 1986. 247 с.; Саамско-русский словарь / Н. Е. Афанасьева [и др.]; Под ред. Р. М. Куруч. М.: Рус. яз., 1985. 568 с.
- ³ Антонова А. А. Указ. соч.; Керт Г. М. Указ. соч.
- ⁴ Саамско-русский словарь...
- ⁵ Там же. С. 13.
- ⁶ В ходе исследования носитель саамского языка иногда предлагал свой вариант саамской пословицы, который мог не совпадать с тем, который зафиксирован в СРС. Например, пословица *ветка падает рядом с деревом* представлена в этом словаре саамским эквивалентом *рыссе кэдчант поальтэ сүгенъ*, тогда как носитель саамского языка отметил такой вариант саамской пословицы, как *вуэккьс (рыссе) каххч суэжкь луз*. Объяснение причины такого несоответствия не является предметом настоящей работы.
- ⁷ Текстовые материалы на саамском языке включаются нами в том виде, как они представлены в материалах опроса; переводы на русский язык заключены в марровские кавычки автором данной статьи.
- ⁸ Саамско-русский словарь... С. 306.
- ⁹ Там же. С. 333.
- ¹⁰ Там же. С. 268.
- ¹¹ Мы придерживаемся позиции, согласно которой результаты эксперимента с единицами, включенными в паремиологический минимум, могут отражать тенденции, представленные в паремиологическом фонде в целом, так как паремиологический минимум – это такие паремии, которые активно используются «средним» носителем языка и значения которых ему понятны [8]. Показателем объективности этого критерия по отношению к саамским пословицам является степень «известности» пословиц в саамском языковом сообществе, которая обнаружилась в результате опроса носителей саамского языка. Подобный критерий отбора пословиц использован В. М. Мокиенко (Указ. соч. С. 8).
- ¹² В проведении опроса в рамках настоящего исследования и в работе с оригинальным пословичным фондом в течение 2021–2024 годов принимала участие носитель языка Антонова Антонина Михайловна (1972 г. р., село Ловозеро, Ловозерский район, Мурманская область, образование высшее, работает методистом в отделе культурно-массовой работы в Ловозерском районном национальном культурном центре, саамская поэтесса, переводчик саамского языка, преподаватель родного языка в селе Ловозеро).
- ¹³ Саамско-русский словарь... С. 103.
- ¹⁴ Львов В. Русская Лапландия и русские лопари. Географический и этнографический очерк. 3-е изд. М.: Типо-литография Русского товарищества печати и издательского дела, 1903. С. 33. Ср. комментарий носителя языка Г. Е. Антоновой: «ловили рыбу столько, сколько семье хватало (кёсса только на пропитание семье, чёххча – побольше, солили впрок)» (запись 2021 года).
- ¹⁵ Саамско-русский словарь... С. 130.
- ¹⁶ Там же. С. 198.
- ¹⁷ Запись 2021 года.
- ¹⁸ Саамско-русский словарь... С. 131.
- ¹⁹ Там же. С. 166.
- ²⁰ Там же. С. 119.
- ²¹ Там же. С. 131.
- ²² Там же. С. 168.
- ²³ Запись 2021 года.
- ²⁴ Там же. С. 168.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алхастова З. Цифровая эпоха словарей. Словари английских пословиц // The Scientific Heritage. 2022. № 96. С. 56–58. DOI: 10.5281/zenodo.7049615
2. Антонова А. М. Ценностный потенциал саамских паремий как основа обучения родному языку: постановка вопроса // XX Масловские чтения: филология и филологическое образование в региональном аспекте: Сб. науч. статей; Науч. ред. Н. А. Шевченко. Мурманск: МАГУ, 2022. С. 250–257.
3. Белов В. А. Способы наивного толкования лексического значения существительных // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4 (15). С. 83–91. DOI: 10.24411/2499-9679-2018-10201
4. Болдырев Н. Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. С. 25–77.
5. Брагина Н. «Демотиваторы со смыслом» и наивные толкования: о соотношении вербального и визуального // Антропологический форум. 2014. № 21. С. 49–66.
6. Бредис М. А., Иванов Е. Е. Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц // Вопросы лексикографии. 2022. № 26. С. 5–29. DOI: 10.17223/22274200/26/1
7. Голев Н. Д. Словарь обыденных толкований слов: концепция и опыт реализации // Вопросы лексикографии. 2013. № 2 (4). С. 48–64.
8. Дюрчо П. Паремииология и корпусная лингвистика // Вестник Новгородского государственного университета. 2014. № 77. С. 13–17.
9. Иванищева О. Н. Ценностный потенциал саамских примет // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 3. С. 111–123.
10. Иванищева О. Н. Метафорические модели саамских пословиц // Финно-угроведение. 2024. № 4 (68). С. 22–35.
11. Керт Г. М. Саамский язык // Языки народов СССР. Т. III. Финно-угорские и самодийские языки. М.: АН СССР, 1966. С. 155–176.
12. Керт Г. М. Саамская письменность // Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы фонетики, грамматики и лексикологии. Л.: Наука, 1967. С. 110–115.
13. Керт Г. М. Саамский язык (кильдинский диалект): фонетика, морфология, синтаксис. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1971. 354 с.
14. Кишина Е. В. Русская паремииология в аспекте отражения обыденного языкового сознания // Библиотека журнала Русин. 2015. № 3. С. 183–200. DOI: 10.17223/23451734/3/14
15. Костина Г. В. Вокалическая система кильдинского диалекта саамского языка в свете русско-саамской интерференции: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006. 175 с.
16. Кравченко М. А. Теория обыденной лингвистики: систематический обзор современного состояния исследовательского направления // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, вып. 3. С. 773–779. DOI: 10.30853/phil20230153
17. Крылова М. Н. Современные тенденции развития русской лексикографии // Казанский лингвистический журнал. 2022. № 5 (2). С. 166–179.
18. Моисеев М. В. Проблема типологии и точности комментария к переводу художественного текста // Вестник Омского университета. 2014. № 3. С. 132–135.
19. Никитина Т. Г., Роголева Е. И. Пословица в современном учебном словаре // Филологический класс. 2021. Т. 26, № 4. С. 168–181. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-15
20. Павлова О. В. Экспериментальное исследование восприятия русских фразеологизмов в пословном переводе на китайский язык // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 7 (148). С. 231–236.
21. Трофимова Е. Б. Языковые и когнитивные стратегии, используемые носителями русского языка при опознавании корейских фразеологизмов в пословном переводе // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 6 (49). С. 386–388.
22. Цветова Н. С. Словари кильдинского саамского языка в контексте современных лексикографических тенденций // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2022. № 3. С. 111–118.
23. Шулежкова С. Г. Шахматовские принципы лексикографирования как опора при создании словарей для бесписьменного этноса // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 7. С. 87–94. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1098
24. Partanen N. Using large language models to transliterate endangered Uralic languages // Proceedings of the 9th International Workshop on Computational Linguistics for Uralic Languages. 2024. P. 81–88. Available at: <https://aclanthology.org/2024.iwclul-1.10.pdf> (accessed 01.02.2025).
25. Riebler M. Kola Saami Christian Text Corpus // Proceedings of the 9th International Workshop on Computational Linguistics for Uralic Languages. 2024. P. 138–144. Available at: <https://aclanthology.org/2024.iwclul-1.18> (accessed 01.02.2025).

Original article

Olga N. Ivanishcheva, Dr. Sc. (Philology), Professor, Murmansk Arctic University (Murmansk, Russian Federation)
 ORCID 0000-0001-8495-0502; oivanishcheva@gmail.com

PROVERBS OF THE KILDIN SAAMI LANGUAGE: REVISITING THE INTERPRETATION OF PAREMIAS' MEANINGS

Abstract. The relevance of the study is due to the interest in creating new types of dictionaries, including dictionaries for illiterate and small-numbered peoples and a dictionary of everyday word interpretations, as well as the development of ideas in anthropological lexicography. The novelty of the study lies in its appeal to unique linguistic material from the point of view of everyday linguistics. It is emphasized that the linguistic material of the Saami paremiological fund has not yet been described by researchers. Furthermore, the choice of sources for such a description is highly limited, since no field studies have been conducted, and respondents with the necessary level of knowledge of Saami paremiology and professional linguistic literacy have not been identified. This study was aimed at determining the methods for interpreting Saami proverbs by native speakers of the Saami language. The research materials included the findings of an experiment aimed at identifying the specific features of the interpretation of 60 Saami proverbs by a native speaker of the Saami language. It has been revealed that the meaning of a proverb is described by a native Saami speaker using ethno-everyday commentary and a description of the situation of using proverbs in Saami speech (situational characteristics). It has been noted that an ethno-everyday commentary in interpreting Saami proverbs has its own specifics and differs from ethno-cultural, historical-etymological, and historical-ethnographic commentary in that it reveals the meaning of everyday realities, which traditionally include clothing, food, housing, utensils, and means of transportation. At the same time, ethno-everyday commentary to Saami proverbs includes mentioning of reality or professional and production activities, while a situational characteristic implies a designation of a characteristic of a person or a situation.

Key words: Saami language, proverbs, everyday consciousness, naive interpretation, ethno-everyday commentary, situational characteristics

For citation: Ivanishcheva, O. N. Proverbs of the Kildin Saami language: revisiting the interpretation of paremi-as' meanings. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(5):82–88. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1203

REFERENCES

1. Alkhastova, Z. The digital era of dictionaries. Dictionaries of English proverbs. *The Scientific Heritage*. 2022;96:56–58. DOI: 10.5281/zenodo.7049615 (In Russ.)
2. Antonova, A. M. The value potential of Saami paremiology as a basis for teaching the native language: posing the question. *The XX Maslov Readings: philology and philological education in the regional aspect: Collection of articles*. Murmansk, 2022. P. 250–257 (In Russ.)
3. Belov, V. A. Ways of naive interpretation of the lexical meanings of nouns. *Verhnevolzhski Philological Bulletin*. 2018;4(15):83–91. DOI: 10.24411/2499-9679-2018-10201 (In Russ.)
4. Boldyrev, N. N. Conceptual basis of language. *Cognitive studies of language*. Issue IV. Conceptualization of the world in language. Moscow; Tambov, 2009. P. 25–77. (In Russ.)
5. Bragina, N. Philosophical demotivators and non-professional definitions: the correlation between verbal and visual content. *Forum for Anthropology and Culture*. 2014;21:49–66. (In Russ.)
6. Bredis, M. A., Ivanov, E. E. Linguoculturological commentary in polylingual dictionaries of proverbs. *Russian Journal of Lexicography*. 2022;26:5–29. DOI: 10.17223/22274200/26/1 (In Russ.)
7. Golev, N. D. The dictionary of the common interpretation of Russian words: the conception and the experience of its implementing. *Russian Journal of Lexicography*. 2013;2(4):48–64. (In Russ.)
8. Durco, P. Paremiology and corpus linguistics. *Vestnik of Novgorod State University*. 2014;77:13–17. (In Russ.)
9. Ivanishcheva, O. N. Value potential of Saami omens. *Theoretical and Applied Linguistics*. 2022;8–3: 111–123. (In Russ.)
10. Ivanishcheva, O. N. Metaphorical models of Saami proverbs. *Finno-Ugric Studies*. 2024;4(68):22–35. (In Russ.)
11. Kert, G. M. The Saami language. *Languages of the Peoples of the USSR*. 1966;3:155–176. (In Russ.)
12. Kert, G. M. The Saami written language. *The Baltic-Finnish linguistics. Questions of phonetics, grammar, and lexicology*. Leningrad, 1967. P. 110–115. (In Russ.)
13. Kert, G. M. The Saami language (Kildin dialect): phonetics, morphology, syntax. Leningrad, 1971. 354 p. (In Russ.)
14. Kishina, E. V. Russian paroemiology in terms of ordinary language consciousness. *Rusin Journal Library*. 2015;3:183–200. DOI: 10.17223/23451734/3/14 (In Russ.)

15. Kostina, G. V. Vocal system of the Kildin dialect of the Saami language in light of Russian-Saami interference: Diss. Dr. Sc. (Philology). St. Petersburg, 2006, 175 p. (In Russ.)
16. Kravchenko, M. A. Theory of mundane linguistics: systematic review of the current research direction. *Philology. Theory & Practice*. 2023;16(3):773–779. DOI: 10.30853/phil20230153 (In Russ.)
17. Krylova, M. N. Modern trends in the development of Russian lexicography. *Kazan Linguistic Journal*. 2022;5(2):166–179. (In Russ.)
18. Moiseev, M. V. The problem of typology and precision of commentary to the translated fiction. *Herald of Omsk University*. 2014;3:132–135. (In Russ.)
19. Nikitina, T. G., Rogaleva, E. I. A proverb in the modern learner's dictionary. *Philological Class*. 2021;26(4):168–181. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-15 (In Russ.)
20. Pavlova, O. V. Experimental study of perception of Russian phraseological units in word-by-word translation into the Chinese language. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2014;7(148):231–236. (In Russ.)
21. Trofimova, E. B. Language and cognitive strategies used by native Russian speakers in identification of Korean phraseology in the literal translation. *The World of Science, Culture and Education*. 2014;6(49):386–388. (In Russ.)
22. Tsvetova, N. S. Dictionaries of the Kildin Sami language in the context of modern lexicographic trends. *IKBFU's Vestnik. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*. 2022;3:111–118. (In Russ.)
23. Shulezhkova, S. G. A. A. Shakhmatov's principles of lexicography as pillars of creating dictionaries for ethnoses without written languages. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(7):87–94. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1098 (In Russ.)
24. Partanen, N. Using large language models to transliterate endangered Uralic languages. *Proceedings of the 9th International Workshop on Computational Linguistics for Uralic Languages*. 2024:81–88. Available at: <https://aclanthology.org/2024.iwclul-1.10.pdf> (accessed 01.02.2025).
25. Rießler, M. Kola Saami Christian Text Corpus. *Proceedings of the 9th International Workshop on Computational Linguistics for Uralic Languages*. 2024:138–144. Available at: <https://aclanthology.org/2024.iwclul-1.18> (accessed 01.02.2025).

Received: 24 February 2025; accepted: 23 May 2025

ЕВГЕНИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ ИВАНОВ

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(Могилев, Республика Беларусь)
ORCID 0000-0002-6451-8111; ivanov-msu@mail.ru

ПОСЛОВИЦЫ С НОМОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКОЙ В КАРЕЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

А н н о т а ц и я . Актуальность исследования обусловлена активизацией изучения семантики пословиц в когнитивном и лингвокультурологическом плане. Цель – выявить и описать пословицы с номологической семантикой в карельском языке и их этнокультурное содержание. Материалом для исследования послужило новейшее издание карельских пословиц «Karjalazet sananpolvet da sananpiät = Karjalaiset šananlaškut ta šananpolvet» (2019; сост. В. Г. Макаров). Используются методика когнитивно-семантической дифференциации пословиц по критерию «отношение к действительности» и лингвокультурологический анализ. В результате исследования установлено, что в карельском языке 4,5 % пословиц обладают номологической семантикой (прямо либо косвенно выражают эмпирические законы природы и социума). По категориально-предметной направленности в отражении окружающей действительности номологические пословицы разграничиваются на антропные, природные и комбинаторные. В карельском языке преобладают номологические пословицы с антропным содержанием. При этом этнокультурно маркировано сравнительно небольшое количество номологических пословиц, отражающих преимущественно природные коды культуры, что свидетельствует о природоцентрической направленности той части карельской пословичной картины мира, которая репрезентирует законы действительности.

К л ю ч е в ы е с л о в а : когнитивная лингвистика, когнитивная семантика, отношение к действительности, карельский язык, пословица, номологическое содержание, закономерности существования природы и социума

Б л а г о д а р н о с т и . Исследование выполнено в рамках Государственной программы научных исследований 2021–2025 гг., проект ГР № 20211335 (Республика Беларусь).

Д л я ц и т и р о в а н и я : Иванов Е. Е. Пословицы с номологической семантикой в карельском языке // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 5. С. 89–97. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1204

ВВЕДЕНИЕ

Когнитивные исследования пословиц являются в настоящее время одним из перспективных направлений в современной паремиологии как лингвистической дисциплине [25], [26], [27]. На фоне отдельных попыток собственно когнитивной интерпретации пословичной семантики [2], [13], [20], [33], [34] сформировалось несколько весьма продуктивных междисциплинарных подходов к описанию пословиц: когнитивно-лингвокультурологический [12], когнитивно-прагматический [29], когнитивно-дискурсивный [1]. Вместе с тем когнитивно-семантические исследования единиц пословичных фондов различных языков ограничиваются, как правило, описанием пословиц, либо образующих отдельные близкие предметно-тематические группы или даже

одну группу, либо репрезентирующих отдельные близкие концепты или даже всего один концепт: «деньги», «одежда», «правда», «семья», «труд – безделье» и др. [19], [22], [24], [32], [36], [37]. Недостаточно полно описаны принципы и специфика категоризации как самой окружающей действительности, так и отношения к ней в пословичной картине мира.

Карельские пословицы еще недостаточно изучены как в рамках когнитивной лингвистики, так и в лингвистическом плане в целом. В немногочисленных специальных исследованиях карельских пословиц анализируется их предметная тематика в социокультурном аспекте [7: 57–68], [35], их связь с народным менталитетом [30], представленность в поэме «Калевала» [17], аксиологический потенциал [23]. В большин-

стве работ карельские пословицы привлекаются и рассматриваются в кругу иных устойчивых единиц и малых текстовых форм при исследовании лексической подсистемы карельского языка [14], [15], [16], [21] и языка карельской литературы [28], а также при сопоставительном и типологическом анализе пословиц финно-угорских языков на широком языковом фоне [3], [4], [5], [6]. В этой связи представляется актуальным изучение когнитивной семантики карельских пословиц, что создаст предпосылки для определения основных компонентов и структуры карельской пословичной картины мира, описания особенностей категоризации окружающей действительности и ее репрезентации в карельских пословицах.

Цель исследования – выявить и описать номологические пословицы как один из когнитивно-семантических типов провербиальных единиц (по критерию «отношение содержания пословиц к внеязыковой действительности») в карельском языке, а также определить их этнокультурный потенциал.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом для исследования послужили пословицы на ливвиковском и собственно карельском наречиях карельского языка (всего около 2000 единиц), вошедшие в новейшее паремнографическое издание «Karjalazet sananpolvet da sananpiät = Karjalaiset šananlaškut ta šananpolvet» (2019) В. Г. Макарова¹, которое представляет собой доработанное переиздание сборников карельских пословиц и поговорок, составленных Г. Н. Макаровым в 1959 и 1969 годах. Из данного сборника методом сплошной выборки была отобрана 91 пословица с номологической семантикой (включая те единицы, в которых номологической является только одна из их структурных частей).

Методологической основой исследования является методика категоризации пословичной семантики по критерию «отношение к действительности», основанная на выделении в рамках универсального обобщения типичных ситуаций четырех наиболее значимых подходов к восприятию и осмыслению окружающего мира: эмпирического, аксиологического, онтологического, логического [9]. При этом отношение содержания пословиц как фольклорных текстов и как языковых знаков к действительности не только ограничено данными четырьмя подходами, но и строго типологически дифференцировано. Все пословицы разграничиваются на ряд дихотомически противопоставленных когнитив-

но-семантических типов: не противоречащие действительности (номологические vs. не номологические ← трюистические vs. не трюистические ← грегериические vs. сентенциальные) и противоречащие действительности (абсурдные vs. парадоксальные ← ситуативные парадоксы vs. не ситуативные парадоксы ← логические парадоксы vs. семантические парадоксы) [9: 1159]. Данная методика и полученная в результате ее использования когнитивно-семантическая типология пословиц ранее были верифицированы на материале различных языков разных языковых семей: английском, белорусском, русском и польском [31], тувинском [8], [11] и калмыцком [10].

Для определения этнокультурного потенциала номологических пословиц использован лингвокультурологический анализ с обращением к широкому кругу фактов из истории, природных условий жизни и духовной культуры карельского народа.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Исследование показало, что общая когнитивно-семантическая типология пословиц по их отношению к действительности приобретает в национальном пословичном фонде специфические черты не только в количественном плане (по количеству распределения типов), но и в качественном аспекте (по корреляции каждого типа с особенностями данной этно- и лингвокультуры в репрезентации реалий материальной и духовной культуры и в категоризации внеязыковой действительности).

В карельском языке зафиксированы все основные когнитивно-семантические типы пословиц (номологические, трюистические, грегериические, абсурдные, парадоксальные и сентенциальные), которые характеризуются различной количественной представленностью, в разной степени этнолингвокультурно маркированы, а также неодинаково распределены в категориально-предметной репрезентации окружающего мира.

В рамках эмпирического подхода к дифференциации отношений пословиц к действительности выделяется когнитивно-семантический тип провербиальных единиц – номологические пословицы, которые противопоставлены всем остальным единицам провербиального фонда по своей роли в пословичной категоризации окружающего мира, в рамках которой они репрезентируют абсолютно самодостаточные, независимые от воли и желания человека, надежно верифи-

цируемые истины. Номологические пословицы представляют собой наиболее значимый в плане соотношения с действительностью когнитивно-семантический тип, поскольку выражают такие типичные ситуации действительности, которые имеют силу законов (от греч. *nomos* 'закон'). Выражаемые в пословицах законы являются в подавляющем большинстве эмпирическими, не выходят в своем проявлении за рамки окружающей человека действительности и верифицируются в пределах человеческого опыта в познании устройства природы и социума. Формальным признаком номологических пословиц выступает невозможность их контрарного перефразирования без утраты пословичным суждением качества истинного (предполагается, что противоположное по содержанию суждение, полученное посредством отрицания номологической пословицы, будет ложным), например:

Elävy einehettäh ei elä 'Живой без пищи не живет' (KSS: 51)²; *Gluhoi gromud ei varaida* 'Глухой грома не боится' (KSS: 15); *Kuuzeh juablokkua ei kazva* 'На ели яблоки не растут' (KSS: 204); *Magavotta ei šua olla* 'Без сна не проживешь' (KSS: 96),

где контрарные преобразования пословичных суждений содержательно будут противоречить действительности.

Пословицы с номологической семантикой составляют около 4,5 % от общего количества проанализированных единиц карельского пословичного фонда (то есть примерно в каждой двадцатой карельской пословице выражается какой-либо закон природы или социальной действительности). Такой показатель является средним по сравнению с пословичными фондами других языков, где количество номологических пословиц, как правило, не превышает 10 % (из исследованных языков наиболее высокие показатели зафиксированы в калмыцком – 9,3 % [10: 217] и в тувинском – 9,5 % [11: 322]).

Категориально-предметная соотношенность номологических пословиц (в прямых значениях) репрезентирует специфическую избирательность карельской пословичной картины мира в отражении окружающей действительности. Так, среди номологических карельских пословиц превалируют единицы с антропным содержанием, в которых отражаются существенные, необходимые и регулярные (закономерные) явления, условия, факторы человеческой жизни в ее различных сферах и проявлениях (молодости и старости, учения и мастерства, эмоций и действий человека в разных обстоятельствах и др.), например:

Nuordu aigua ni hevol et tabua 'Молодые годы и на тройке не догонишь' (KSS: 47); *Niken ei tuamal vačas opastu, jogahiine ilmal opastuu* 'Никто в утробе матери не учится, все учатся после рождения' (KSS: 78); *Niken eu šepä šyndymiä* 'Кузнецом никто не рождается' (KSS: 89); *Kondiedu vihal meččäh et tapa* 'Одной ненавистью медведя в лесу не убьешь' (KSS: 180); *Očalla hamarua et halgua* 'Лбом обуха не расколешь' (KSS: 229).

При этом значительная часть антропных номологических пословиц (каждая шестая) посвящена репрезентации одного концепта – смерти человека (в том числе в проекции на социальное неравенство), например:

Ei ole rodiemattomua, ei ole kuolemattomua 'Все рождается, всё умирает' (KSS: 50); *I dohtarit kuollah, čuarit kahta igiä ei eletä* 'Даже доктора умирают, и цари двух жизней не живут' (KSS: 53); *Surma yhen kerran tulou* 'Смерть лишь однажды приходит' (KSS: 57); *Šurmašta pagoh et piäže* 'От смерти бегством не избавишься' (KSS: 57).

Треть номологических пословиц в карельском языке отражает закономерные явления живой и неживой природы, освоение и усвоение человеком законов природного мира, например: *Juurettah ni kargei heinäine ei kazva* 'Без корней даже горькая трава не растет' (KSS: 30) или *Juuretta i kargie heinä ei kazva* 'Без корней и горькая трава не растет' (KSS: 30) – закон о морфологии растений; *Siga sobolii ei sua, kaži kuniččua* 'Не родить свинье соболя, а кошке кунницы' (KSS: 187) – закон о видовом разнообразии животных; *Kunne tuuli, šinne i tuli* 'Куда ветер, туда и пламя' (KSS: 199) – закон о взаимодействии физических явлений; *Lymmytä raudua, kuni on kuuma* 'Гни железо, пока горячо' (KSS: 222) – закон о плавкости металлов; *Missä tuli, šielä i šavu* 'Где огонь, там и дым' (KSS: 205) или *Tuletta šavu ei nouže* 'Нет дыма без огня' (KSS: 208) – закон о выделении вещества при горении.

Особое внимание заслуживает группа номологических пословиц, в которых отражаются основные законы мироздания (нередко на примере повседневных явлений, в которых эти законы проявляются), например: *Tyhjästä on paha nyhätä* 'Из ничего ничего не выдернешь' (KSS: 209) – закон о причинно-следственной взаимосвязи всего в мире; *Tyhjä ei ni piipušša pala* 'Ничто даже в трубке не горит' (KSS: 209) – закон о физической пустоте; *Olis algu, loppu lienöy* 'Было бы начало, а конец будет' (KSS: 206), *Tulou piä pitälläki* 'Будет конец и длинному' (KSS: 209) – закон о линейном объеме физических тел в пространстве; *Huomenine päivy on ainos ielleh* 'Завтрашний день

всегда впереди' (KSS: 135) – закон о линейном характере физического времени.

Номологическая семантика может быть выражена в пословице не только непосредственно, но и косвенно, при помощи описания невозможного явления, нереального обстоятельства, несуществующей ситуации, неосуществимого намерения и т. п. – всего того, что противоречит действующим законам природы или социума. Косвенное выражение номологической семантики в пословицах призвано усилить восприятие непреодолимой силы закона. Например, в пословице «о смерти» *Vanhenemizel et piäze, viel viimein kuolet* 'Старостью не отделаешься, умирать все равно придется' (KSS: 58) обе ее структурные части имеют тождественное значение (выражают закономерность неизбежности физической смерти человека как живого существа), однако в первой части данная закономерность передается описательно, а во второй – прямо и непосредственно (в данном случае вторая часть пословицы как бы поясняет смысл первой). Еще в одной карельской пословице «о смерти» *Tulou mieš meren takani, vain ei turpehen alani* 'Кто за морем – вернется, не вернется тот, кто под сырой землей' (KSS: 58) во второй ее структурной части закономерность наступления смерти выражается при помощи эвфемизма.

Косвенное выражение номологической семантики представлено и в пословице *Harvah löydyu hanhen jäičy voronan pezäs* 'Редко найдется гусиное яйцо в вороньем гнезде' (KSS: 127), которая выражает закон о видовом разнообразии животных, прямо сформулированный в упомянутой выше пословице *Siga sobolii ei sua, kaži kuničua* 'Не родить свинье соболя, а кошке куницы' (KSS: 187). Маркером косвенного выражения природного закона является временное ограничение его действия, обозначенное в пословице наречием *harvah* 'редко', заменяющим прямое отрицание – *ei (löydyu)* 'не (найдется)'.³

Весьма показательна в плане косвенного выражения закономерностей неживой природы карельская пословица *Harvain tuuli kivija liikuttelou* 'Редко ветер камни передвигает' (KSS: 118), где на примере объектов *tuuli* 'ветер' и *kivi* 'камень' показано действие закона о взаимодействии физических веществ различной плотности и массы (без дополнительных физических условий менее плотное вещество с малой массой не способно при контакте с более плотным веществом и большой массой изменить его положение в пространстве), а необходимость проявления данного закона выражается не посредством прямого

отрицания воздействия одного физического вещества на другое, а через ситуацию допустимости такого воздействия – *harvain* 'редко'. Симптоматично, что в близкой по форме и смыслу карельской пословице *Min tuuli kivellä voipi?* 'Что ветер с камнем поделает?' (KSS: 120) допустимость воздействия ветра на камень передается уже в форме риторического вопроса.

Следует отметить, что появление в карельских номологических пословицах камней, которые могут двигаться под воздействием на них ветра, не является случайным. В естественных условиях движение камней по наклонной плоскости представляет собой весьма частое явление и является хорошо описанным в геологии процессом «крип» (англ. *creep* 'ползти, сползать'), происходящим под воздействием силы тяжести, но иногда требующим дополнительные усилия, которые создаются течением вод или воздушным потоком (ветром). Такие процессы не редкость в Карелии, где природный рельеф представляет собой холмистую равнину, которая изобилует одиночными валунами и скоплениями валунов и мелких камней в форме холмов и гряд. С камнями в Карелии тесно связаны многочисленные культурные артефакты – культовые сооружения, петроглифы и др. [18]. Информация обо всем этом составляет фоновую семантику пословичных изречений о «ветре» и «камне», входящих в относительно небольшое число этнокультурно маркированных карельских номологических пословиц.

Тот факт, что среди карельских пословиц с номологической семантикой не так часто, как можно ожидать, встречаются этнолингвокультурно маркированные единицы, объясняется преимущественно общим характером выражаемых в них закономерностей, отсутствием образных средств и ориентацией на прямую передачу номологического содержания. Это не является специфической чертой карельского пословичного фонда, нейтральные в этно- и лингвокультурном плане номологические пословицы нередко преобладают и в других языках, например в калмыцком [10: 218].

К немногочисленным этнокультурно маркированным карельским пословицам с номологической семантикой относятся прежде всего единицы, в которых отражены природные коды культуры, напр.: *Kuuzeh juablokkua ei kazva* 'На ели яблоки не растут' (KSS: 204), где этнолингвомаркером является *kuuzi* 'ель' (еловые леса составляют четверть лесных угодий Карелии и во многом состоят из реликтовых деревьев³, ель

широко используется в традиционном хозяйстве карелов, а ее образ занимает одно из центральных мест в карельской мифологии и обрядности); *Kondiedu vihal meččäh et tapa* 'Одной ненавистью медведя в лесу не убьешь' (KSS: 180), где этнолингвомаркером выступает *kondii* 'медведь' (в традиционных представлениях карелов медведь является священным животным, изображен на гербах исторической и современной Карелии); *Tulou mieš meren takani, vain ei turpehen alani* 'Кто за морем – вернется, не вернется тот, кто под сырой землей' (KSS: 58), где этнолингвомаркером является *meri* 'море' (с морем в карельской мифологии связывались огромные богатства, которыми владеет бог и хранитель воды Ахто, о чем повествуется в поэме «Калевала» и карело-финских рунических песнях); *Siga sobolii ei sua, kaži kuniččua* 'Не родить свинье соболя, а кошке куницы' (KSS: 187), где этнолингвомаркерами выступают *kuničču* 'куница' (объект традиционного пушного промысла в Карелии, упоминается в числе других животных в поэме «Калевала»).

Антропные коды культуры маркируются в единичных карельских пословицах с номологической семантикой, напр.: *Niken eu šeppä šyndymiä* 'Кузнецом никто не рождается' (KSS: 89), где этнолингвомаркером является *šepyu* 'кузнец' (искусный кузнец Ильмойллине – одно из трех высших божеств в карельской мифологии, герой поэмы «Калевала»).

В отдельных случаях номологическая семантика может быть присуща только одной структурной части карельской пословицы, напр.: *Ruožmee rauvan šyöy, paha mieli – rissittyhengen* 'Ржавчина разъедает железо, тоска – человека' (KSS: 12), где первая часть выражает закон реакции химических элементов в определенных условиях (в данном случае речь идет о продукте такой реакции – красном оксиде железа), а вторая часть имеет сентенциональную семантику:

«отражения наиболее важных, ценных и необходимых для жизни в обществе мнений о человеке, социуме и окружающей их среде, входящих в систему мировоззренческих, ценностных и воспитательно-педагогических доминант этнической картины мира» [9: 1165].

Еще в одной карельской пословице *Ristikanzä vedeh läpehtyu, kala kuivalla kuolou* 'Человек в воде захлебывается, рыба на суше засыпает' (KSS: 12) вторая ее часть является номологической по своей семантике (выражает закон о границе естественной среды обитания животных),

а первая часть обладает трюистической семантикой:

«отражения самоочевидных и неизменных явлений действительности, которые безусловно знакомы каждому человеку в рамках данной этнической и/или социальной группы» [9: 1161].

Структурная часть с номологической семантикой комбинаторно ограничена в карельских пословицах и встречается только в сочетании со структурными частями, содержание которых не противоречит действительности, что еще раз свидетельствует о системном характере категоризации действительности в провербиальной картине мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В когнитивно-семантической классификации единиц пословичного фонда карельского языка (по критерию «отношение к действительности») выделяется тип номологических пословиц, в которых выражаются эмпирические законы природы и социума (4,5 % от общего количества проанализированных единиц). Номологическая семантика может выражаться в пословицах как прямо (непосредственное описание типичной ситуации, имеющей силу закона), так и косвенно (описание ситуации, которая на первый взгляд противоречит действующим природным или общественным законам, однако используется в качестве еще одного подтверждения их действия).

По категориально-предметной направленности в отражении окружающей действительности все номологические пословицы (в своем прямом значении) разграничиваются на антропные (о человеке и социальных отношениях), природные (о явлениях живой и неживой природы) и комбинированные (только одна из структурных частей пословицы имеет номологическую семантику). При этом превалируют номологические пословицы с антропным содержанием.

Этнолингвокультурная маркированность присуща сравнительно небольшому числу номологических пословиц в проанализированном паремиологическом материале. Фоновая семантика таких пословиц отражает прежде всего природные коды культуры и лишь в единичных случаях – антропные коды культуры, что убедительно свидетельствует о преимущественно природоцентричной направленности той части карельской пословичной картины мира, которая репрезентирует законы действительности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Карельские пословицы и поговорки = Karjalazet sananpolvet da sananpiät = Karjalaiset šananlaškut ta šananpolvet: [Сборник: на ливвиковском и собственно карельском наречиях и русском языке] / [Сост. В. Г. Макаров]. 3-е изд. Петрозаводск: Периодика, 2019. 238 с.
- ² Здесь и далее цитируется по изданию «Карельские пословицы и поговорки = Karjalazet sananpolvet da sananpiät = Karjalaiset šananlaškut ta šananpolvet» (2019) с указанием источника (в сокращении – KSS) и номера страницы.
- ³ Недалеко от Петрозаводска растет самая большая ель в Фенноскандии, которой в 2013 году официально присвоен статус «Дерево – памятник живой природы» (программа «Деревья – памятники живой природы» учреждена в 2010 году Советом по сохранению природного наследия нации в Совете Федерации РФ).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абакумова О. Б. Пословицы в языке, сознании и коммуникации: когнитивно-дискурсивное моделирование смысла пословицы в дискурсе и референциально-оценочная типология русских, английских, испанских, французских и чешских пословиц о правде и лжи: Монография. СПб.: Алеф-Пресс, 2013. 353 с.
2. Алефиренко Н. Ф., Добровольский Д. О., Мокиенко В. М. и др. Пословицы в фразеологическом поле: когнитивный, дискурсивный, сопоставительный аспекты: Монография. Владимир: Изд-во ВГУ, 2017. 231 с.
3. Бредис М. А. Соматические образы и этнолингвомаркеры в пословицах финно-угорских народов России о скупых на фоне разноструктурных языков // Финно-угроведение. 2024. № 4 (68). С. 7–21. DOI: 10.51254/2312-0312-2024-4-68-7-21
4. Бредис М. А. Факторы адекватного перевода на русский язык пословиц разноструктурных языков // Иностранные языки в высшей школе. 2022. № 3 (62). С. 63–71. DOI: 10.1010.37724/RSU.2022.62.3.007
5. Бредис М. А., Иванов Е. Е. Типология пословиц прибалтийско-финских народов России о богатстве и бедности (на европейском паремиологическом фоне) // Вестник угроведения. 2021. Т. 11, № 4. С. 607–615. DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615.
6. Гишкаева Л. Н., Комова Д. Д., Ломакина О. В. Репрезентация концепта *гостеприимство* в паремиологии (на материале родственных и неродственных языков) // Когнитивные исследования языка. 2022. № 3 (50). С. 177–180.
7. Евсеев В. Я. Карельский фольклор в историческом освещении. Л.: Наука, 1968. 203 с.
8. Иванов Е. Е. Абсурдные и парадоксальные пословицы в тувинском языке (онтологический и логический аспекты категоризации пословичной семантики) // Oriental Studies. 2022. Т. 15, № 6. С. 1373–1388. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388
9. Иванов Е. Е. Категоризация отношения к действительности в паремиологических единицах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14, № 4. С. 1154–1177. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-4-1154-1177.
10. Иванов Е. Е. Когнитивно-семантические типы калмыцких пословиц // Новые исследования Тувы. 2024. № 1. С. 213–229. DOI: 10.25178/nit.2024.1.14
11. Иванов Е. Е. Семантическая типология тувинских пословиц (эмпирический и аксиологический аспекты) // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 317–337. DOI: 10.25178/nit.2022.4.22
12. Иванова Е. В. Мир в английских и русских пословицах: Монография. СПб.: СПбГУ, 2006. 280 с.
13. Иванова Е. В. Пословица как когнитивный знак особого типа // Когнитивные исследования языка. 2017. № 31. С. 92–98.
14. Каракин Е. В., Пашкова Т. В. Атрибуты *čota* и *kaunis* как номинации красивого человека // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 1. С. 8–12. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.984
15. Каракин Е. В., Пашкова Т. В. Атрибуты *ruma* и *tuhmu / tuhma* как номинации некрасивого человека в карельском языке // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 5. С. 15–20. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1066
16. Каракин Е. В., Пашкова Т. В. Лингвокультурологическая интерпретация именованных с компонентами *varoi, varis* ‘ворона’, *harakka, harakku* ‘сорока’ и *bron’i, kogrri* ‘ворон’ (на материале карельского языка) // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2024. Т. 34, № 2. С. 281–286.
17. Ковалева С. В. Калевальские пословицы и поговорки как источник для финской лексикографии // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 160-летию полного издания «Калевалы», 2–5 июня 2009 г. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. С. 379–383.
18. Логинов К. К. Ландшафт и легенды о назначении и принадлежности природных и рукотворных каменных объектов в Обонежье // Труды Карельского научного центра РАН. 2012. № 4. С. 38–49.

19. Ломакина О. В. Номинация ценности как когнитивная проблема (на материале русских пословиц о труде и безделье) // Когнитивные исследования языка. 2024. № 2–1 (58). С. 277–280.
20. Маслова В. А. Новые русские пословицы: когнитивный и лингвокультурологический аспекты // Вестник Новгородского государственного университета. 2014. № 77. С. 81–84.
21. Миронова В. П. Особенности карельской терминологии супружества и свойства (на примере фольклорных источников) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2023. Т. 17, № 3. С. 352–362. DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-3-352-362
22. Нагорная Т. А., Щеголихина Ю. В., Айкина Т. Ю. Когнитивные признаки концепта *wahrheit* в пословицах и поговорках немецкого языка // Язык и культура. 2024. № 66. С. 45–61.
23. Нелюбова Н. Ю. Репрезентация ценностей в карельском паремиологическом фонде (на фоне паремий неродственных языков) // Вестник угроведения. 2022. Т. 12, № 3. С. 476–485. DOI: 10.30624/2220-4156-2022-12-3-476-485
24. Николаева М. Н. Итальянские пословицы с компонентом «одежда»: когнитивный аспект // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3–1 (54). С. 772–777.
25. Паремиология без границ: Монография / Под ред. М. А. Бредиса, О. В. Ломакиной. М.: Изд-во РУДН, 2020. 244 с.
26. Паремиология в дискурсе: Монография / Под ред. О. В. Ломакиной. М.: URSS: Ленанд, 2015. 294 с.
27. Паремиология на перекрестках языков и культур: Монография / Под ред. Е. Е. Иванова, О. В. Ломакиной. М.: Изд-во РУДН, 2021. 246 с.
28. Петров А. М. Прозиметрические композиции в творчестве Виктора Пулькина // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20, № 2. С. 406–424. DOI: 10.15393/j9.art.2022.10942
29. Семеновко Н. Н. Русские паремии: функции, семантика, прагматика: Монография. Старый Оскол: РОСА, 2011. 355 с.
30. Хакампес П. Пословицы и менталитет // Фольклористика Карелии: Сборник статей. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1995. С. 117–131.
31. Иваноў Я. Я. Кагнітыўна-семантычная катэгарызацыя парэміялагічных адзінак паводле адносін да рэчаіснасці // Ученые записки ВГУ им. П. М. Машерова. 2023. Т. 38. С. 140–150.
32. Петрушэўская Ю. А. Паняцце парэміялагічнага фонду мовы і прынцыпы яго дыферэнцыяцыі (у сувязі з вызначэннем універсальнага і нацыянальнага кампанентаў у парэміялагічнай сістэме мовы) // Філолагічний часопис. 2015. № 1. С. 100–106.
33. Петрушэўская Ю. А., Иваноў Я. Я. Асноўныя кампаненты прыказкі як моўнай адзінкі: лексічны склад, граматычная арганізацыя, фармальныя і структурна-семантычныя варыянты // Весці БДПУ. Серыя I: Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. 2022. № 1. С. 75–79.
34. Belkhir S. Cognitive linguistics and proverbs // The Routledge handbook of cognitive linguistics. New York; London: Taylor & Francis Group, 2021. P. 599–611.
35. Evseev V. Ya. Sananlaskut kuusesta ja M. Kuusi sananlaskuista // Sampo ei sanoja puutu. Porvoo; Helsinki, 1974. S. 151–153.
36. Huang B. Cognitive perspective on traditional family values reflected in Chinese and English proverbs // Язык и культура в глобальном мире: Сборник статей. СПб.: ЛЕМА, 2024. С. 567–573.
37. Oleeva P. Cognitive perspective of English money proverbs // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2024. № 17 (5). P. 882–891.

Поступила в редакцию 03.04.2025; принята к публикации 05.05.2025

Original article

Evgeny E. Ivanov, Dr. Sc. (Philology), Professor, Mogilev State A. Kuleshov University (Mogilev, Republic of Belarus)
 ORCID 0000-0002-6451-8111; ivanov-msu@mail.ru

PROVERBS WITH NOMOLOGICAL SEMANTICS IN THE KARELIAN LANGUAGE

Abstract. The relevance of the study is due to the intensification of the studies on proverb semantics from cognitive and linguacultural perspectives. The study was aimed at identifying and describing proverbs with nomological semantics and their ethnocultural content in the Karelian language. The research material included the latest collection of Karelian proverbs *Karjalazet sananpolvet da sananpiät = Karjalaiset sananlaskut ta sananpolvet* (2019) compiled by V. G. Makarov. The study was conducted using methods of cognitive-semantic differentiation of proverbs according to the criterion of “attitude to reality” and linguacultural analysis. The study found that 4.5 % of proverbs in the Karelian language have nomological semantics (express empirical laws of nature and society directly or indirectly). According to the categorical-objective focus in reflecting the surrounding reality, nomological proverbs can be classified into anthropic, natural, and combinatorial ones. Nomological proverbs with anthropic content prevail in the Karelian language.

At the same time, a relatively small number of nomological proverbs reflecting mainly natural codes of culture are ethnoculturally marked, which indicates the nature-centric focus of that part of the Karelian proverbial picture of the world that represents the laws of reality.

Key words: cognitive linguistics, cognitive semantics, attitude to reality, Karelian language, proverb, nomological content, patterns of nature and society existence

Acknowledgements. The study was funded by the State Program of Scientific Research for 2021–2025 (project No 20211335, Republic of Belarus).

For citation: Ivanov, E. E. Proverbs with nomological semantics in the Karelian language. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(5):89–97. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1204

REFERENCES

1. Abakumova, O. B. Proverbs in language, consciousness, and communication: cognitive-discursive modeling of proverb meanings in discourse and referential-evaluative typology of Russian, English, Spanish, French, and Czech proverbs about truth and lies: Monograph. St. Petersburg, 2013. 353 p. (In Russ.)
2. Alefirenko, N. F., Dobrovolsky, D. O., Mokienko, V. M., et al. Proverbs in the phraseological field: cognitive, discursive, and comparative aspects: Monograph. Vladimir, 2017. 231 p. (In Russ.)
3. Bredis, M. A. Somatic images and ethno-linguistic markers in proverbs of Finno-Ugric peoples of Russia about the misers (in comparison with typologically different languages). *Finno-Ugric Studies*. 2024;4(68):7–21. DOI: 10.51254/2312-0312-2024-4-68-7-21 (In Russ.)
4. Bredis, M. A. Factors of adequate translation into Russian of proverbs from typologically diverse languages. *Foreign Languages in Tertiary Education*. 2022;3(62):63–71. DOI: 10.37724/RSU.2022.62.3.0071 (In Russ.)
5. Bredis, M. A., Ivanov, E. E. Typology of proverbs of the Baltic-Finnish peoples of Russia about wealth and poverty (on the European paremiological material). *Bulletin of Ugric Studies*. 2021;11(4):607–615. DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615 (In Russ.)
6. Gishkaeva, L. N., Komova, D. D., Lomakina, O. V. Representation of the concept of hospitality in paremiology (based on related and unrelated languages). *Cognitive Studies of Language*. 2022;3(50):177–180. (In Russ.)
7. Evseev, V. Ya. Karelian folklore in historical coverage. Leningrad, 1968. 203 p. (In Russ.)
8. Ivanov, E. E. Absurd and paradoxical proverbs in the Tuva: ontological and logical aspects of the categorization of proverbial semantics. *Oriental Studies*. 2022;15(6):1373–1388. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388 (In Russ.)
9. Ivanov, E. E. Categorization of attitude to reality in paremiological units. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2023;14(4):1154–1177. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-4-1154-1177 (In Russ.)
10. Ivanov, E. E. Cognitive-semantic types of Kalmyk proverbs. *The New Research of Tuva*. 2024;1:213–229. DOI: 10.25178/nit.2024.1.14 (In Russ.)
11. Ivanov, E. E. Semantic typology of Tuva proverbs (empirical and axiological aspects). *The New Research of Tuva*. 2022;4:317–337. DOI: 10.25178/nit.2022.4.22 (In Russ.)
12. Ivanova, E. V. The world in English and Russian proverbs: Monograph. St. Petersburg, 2006. 280 p. (In Russ.)
13. Ivanova, E. V. Proverb as a cognitive sign of a special type. *Cognitive Studies of Language*. 2017;31:92–98. (In Russ.)
14. Karakin, E. V., Pashkova, T. V. Attributes *čoma* and *kaunis* as nominations of a good-looking person. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(1):8–12. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.984 (In Russ.)
15. Karakin, E. V., Pashkova, T. V. Attributes *ruma* and *tuhmu / tuhma* as nominations of an ugly person in the Karelian language. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(5):15–20. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1066 (In Russ.)
16. Karakin, E. V., Pashkova, T. V. Linguoculturological interpretation of names with the components *varoi*, *varis* ‘crow’, *harakka*, *harakku* ‘magpie’ and *bron’i*, *korppi* ‘crow’ (by the material of the Karelian language). *Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*. 2024;34(2):281–286. (In Russ.)
17. Kovaleva, S. V. Kalevala proverbs and sayings as a source for Finnish lexicography. *The Kalevala epic in the context of regional and world culture: Proceedings of the International Conference Dedicated to the 160th Anniversary of the Complete Publication of the Kalevala Epic, 2–5 June 2009*. Petrozavodsk, 2010. P. 379–383. (In Russ.)
18. Loginov, K. K. Landscape and legends about the purposes and affiliations of natural and man-made stone objects in Obonezhje. *Transactions of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences*. 2012;4:38–49. (In Russ.)

19. Lomakina, O. V. Value nomination as a cognitive problem (based on Russian proverbs about work and idleness). *Cognitive Studies of Language*. 2024;2–1(58):277–280. (In Russ.)
20. Maslova, V. A. New Russian proverbs: cognitive, linguistic and cultural aspects. *Vestnik of Novgorod State University*. 2014;77:81–84. (In Russ.)
21. Mironova, V. P. Features of Karelian terminology for relationships through marriage (as represented in folklore sources). *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2023;17(3):352–362. DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-3-352-362 (In Russ.)
22. Nagornaya, T. A., Shchegolikhina, J. V., Aikina, T. Yu. Cognitive features of the concept WAHRHEIT in German proverbs and sayings. *Language and Culture*. 2024;66:45–61. (In Russ.)
23. Nelyubova, N. Yu. Representation of values in the Karelian paremiological fund (against the background of paremias of unrelated languages). *Bulletin of Ugric Studies*. 2022;12(3):476–485. DOI: 10.30624/2220-4156-2022-12-3-476-485 (In Russ.)
24. Nikolaeva, M. N. Italian proverbs with the component clothes/clothing: a cognitive aspect. *Cognitive Studies of Language*. 2023;3–1(54):772–777. (In Russ.)
25. Paremiology without borders: Monograph. (M. A. Bredis, O. V. Lomakina, Eds.). Moscow, 2020. 244 p. (In Russ.)
26. Paremiology in discourse: Monograph. (O. V. Lomakina, Ed.). Moscow, 2015. 294 p. (In Russ.)
27. Paremiology at the crossroads of languages and cultures: Monograph. (E. E. Ivanov, O. V. Lomakina, Eds.). Moscow, 2021. 246 p. (In Russ.)
28. Petrov, A. M. Prosymmetrical compositions in the works of Viktor Pul'kin. *The Problems of Historical Poetics*. 2022;20(2):406–424. DOI: 10.15393/j9.art.2022.10942 (In Russ.)
29. Semenenko, N. N. Russian paremias: functions, semantics, pragmatics: Monograph. Stary Oskol, 2011. 355 p. (In Russ.)
30. Khakamies, P. Proverbs and mentality. *Folklore studies of Karelia: Collection of articles*. Petrozavodsk, 1995. P. 117–131. (In Russ.)
31. Ivanov, E. E. Cognitive-semantic categorization of paremiological units in relation to reality. *Scientific Notes*. 2023;38:140–150.
32. Petrushevskaya, J. A. Concept paremiological stock language and the principles of its differentiation (in connection with the definition of universal and national components paremiological language system). *Philological Review*. 2015;1:100–106.
33. Petrushevskaya, J. A., Ivanov, E. E. Main components of a proverb as a language unit: lexical content, grammatical organization, formal and structural-semantic variants. *BSPU Bulletin. Series 1. Pedagogic. Psychology. Philology*. 2022;1:75–79.
34. Belkhir, S. Cognitive linguistics and proverbs. *The Routledge handbook of cognitive linguistics*. New York; London, 2021. P. 599–611.
35. Evseev, V. Ya. Sananlaskut kuusesta ja M. Kuusi sananlaskuista. *Sampo ei sanoja puutu*. Porvoo; Helsinki, 1974. S. 151–153.
36. Huang, B. Cognitive perspective on traditional family values reflected in Chinese and English proverbs. *Language and culture in the global world: Collection of articles*. St. Petersburg, 2024. P. 567–573.
37. Oleneva, P. Cognitive perspective of English money proverbs. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2024;17(5):882–891.

Received: 3 April 2025; accepted: 5 May 2025

АНЖЕЛИКА ВИКТОРОВНА КОРОЛЬКОВА

доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка № 4 Института русского языка
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
профессор кафедры русского языка
Московский педагогический государственный университет
(Москва, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-3245-7307; lika.korolkova@bk.ru

ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА НОВИКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и математических наук
Смоленская государственная сельскохозяйственная академия
(Смоленск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-9388-2062; tatjana_1@inbox.ru

СУБСТАНДАРТНАЯ ПАРЕМИОЛОГИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

А н н о т а ц и я . Цель работы состоит в анализе паремиологического материала с субстандартными компонентами в художественных текстах и выявлении их функций. Актуальность обусловлена тем, что в современных лингвокогнитивных изысканиях паремии с субстандартизмами рассматриваются как основа описания конфликтных ситуаций и отражение противоположных позиций, в связи с чем анализируется мировоззренческая система отдельных социальных групп. Новизна исследования состоит в том, что в диахронии описаны значимые словари субстандартной лексики, а также изучена система паремий с субстандартными элементами в творчестве З. Прилепина, А. И. Солженицына, В. Шаламова и выявлены их функции с помощью методов прагмалингвистики, включающих метод контекстуального анализа и прагмалингвистическое описание функций анализируемых паремий в художественных произведениях XIX–XX веков. Делается вывод о том, что данный тип паремий помогает авторам в отражении реальности, в воспроизведении аксиологических установок определенной части общества. Писатели реструктурируют фрагменты действительности, используя паремии для отражения авторских интенций, моделирования жизненной ситуации, их эмоциональной интерпретации.

К л ю ч е в ы е с л о в а : паремия, пословица, поговорка, субстандарт, лингвопрагматика

Д л я ц и т и р о в а н и я : Королькова А. В., Новикова Т. С. Субстандартная паремиология в художественном тексте // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 5. С. 98–103. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1205

ВВЕДЕНИЕ

Паремии в художественных текстах используются авторами довольно часто, при этом функции пословиц обычно связаны с макроструктурой текста: они репрезентируют в образной форме основную его мысль, дают оценку, обосновывают поступки персонажей и индивидуализируют их речь. Использование паремий всегда отражает образное мировидение писателя и определено его коммуникативной стратегией, активное употребление пословиц в художественном тексте маркирует индивидуальный стиль автора.

Пословицы и поговорки в художественных текстах не только выражают ценностные

доминанты, но и в определенной ситуации обусловлены тематической композицией и идеей текста. Согласимся с тем, что

«ценность – результат, по сути, вторичной вербально-когнитивной деятельности, своеобразная рефлексия сознания, опосредованная стереотипом культуры. Можно сказать, что ценность проецирует социальный опыт на образ мышления, выступая в качестве элемента саморегуляции лингвоязыковой синергии» [7: 106].

Автор, используя паремии, во многом транслирует стереотипы лингвокультуры, но применительно к конкретной социальной ситуации, описанной в художественном дискурсе конкретного произведения.

Уточним традиционное понятие пословицы. Присоединяясь к авторитетному мнению В. М. Мокиенко, пословицей называем

«логически законченное образное или безобразное изречение афористического характера, имеющее назидательный смысл и характеризующееся особой ритмической и фонетической организацией», поговорка «давно уже понимается как фразеологизм в узком смысле слова, включая и устойчивые сравнения» [6: 10].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом исследования послужили паремии с субстандартными компонентами, привлеченные приемом сплошной выборки из произведений А. И. Солженицына, В. Шаламова и З. Прилепина (37 единиц). Основным методом является прагмалингвистический, включающий в себя метод контекстуального анализа и прагмалингвистическое описание. Цель работы – анализ использования паремий с субстандартными компонентами в художественных текстах.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ОБСУЖДЕНИЕ

Особые функции в художественном тексте выполняют пословицы, в которых используются субстандартные компоненты. Изучение субстандарта и его отражения в художественных текстах является актуальным, поскольку позволяет осмыслить социокультурные основы коммуникации.

История осмысления и анализа субстандартных единиц в русском языке имеет давнюю традицию. Первые исследования субстандартной лексики, фразеологии и паремиологии появились в XIX веке. Назовем «Русско-офенский словарь» и «Офенско-русский словарь» В. И. Даля¹, где собраны лексические единицы из языка торговцев-коробейников офеней. В XX веке изучение субстандарта стало системным. Исследования касались прежде всего отдельных аспектов социолекта – жаргонов, арго, сленга [1], [2], [3]. Появилось значительное количество словарей жаргона и молодежного сленга. Первым словарем воровского жаргона стал словарь В. Трахтенберга «Блатная музыка. Жаргон тюрьмы», изданный в Санкт-Петербурге в 1908 году². В нем собраны и истолкованы самые частотные лексические единицы воровского жаргона, описаны интересные факты жизни арестантов в тюрьмах, например «бекасиная охота» (ловля вшей) и пр. Словарь является первым научным изданием, поскольку тип словарной статьи создавался И. А. Бодуэном де Куртене (в нем – обширное введение; словарная статья включает помимо дефиниции этимологические пометы, указания на заимствованный характер лексемы); книга

дает возможность оценить в исторической ретроспекции динамику развития лексики воровского жаргона.

Лексикографическим памятником является словарь Н. А. Смирнова «Слова и выражения воровского языка, выбранные из романа Вс. Крестовского “Петербургские трущобы”», в котором не просто отражены лексические и фразеологические единицы из романа Вс. Крестовского: по сути, они репрезентируют большой пласт лексики воровского жаргона XIX века³. В некоторых случаях приводятся контексты из романа, в которых жаргонизмы являются частью пословиц. В «Петербургских трущобах» пословицы с субстандартными компонентами являются элементами, моделирующими коммуникативную ситуацию реальной модальности. Субстандартные компоненты паремий индивидуализируют речь персонажей, способствуют созданию предельно реалистического описания жизни социального дна Санкт-Петербурга XIX века. Например: «*Тырка золотая* = очень удачно произведенное воровство. “Ну, брат, чистота!... Вот уж подлинно можно сказать, *золотая тырка!*”»⁴.

К настоящему времени издано несколько десятков словарей жаргонов, молодежного сленга и арго. Среди самых больших по объему словарей следует назвать «Большой словарь русского жаргона» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной⁵; «Словарь блатного воровского жаргона» в двух томах Д. С. Балдаева⁶; «Толковый словарь молодежного сленга» Т. Г. Никитиной⁷. Уникальным в своем роде изданием стал словарь «Русский жаргон: Историко-этимологический словарь» М. А. Грачева и В. М. Мокиенко, в котором произведен диахронический анализ лексических единиц и выражений из русского арго, дано их толкование. Во Введении авторы отмечают:

«Русский, криминальный жаргон, или арго, – лексика криминальных элементов (преступников различных категорий, босяков, нищих, бродяг, беспризорников, проституток и проч.) складывался на протяжении длительного времени»⁸.

Между понятиями криминальный жаргон и арго ставится знак равенства.

В конце XX – начале XXI века появилось большое количество исследований в области терминологии социолектов. Уточнялись понятия *жаргон*, *сленг*, *арго*; в активный научный оборот введены термины *стандарт*, *субстандарт*, *нонстандарт*.

Вопрос о сущности ряда терминов до настоящего времени остается непроясненным. З. Кёстер-Тома делает попытку упорядочить терминологию социальных исследований языка.

В частности, предлагается употреблять термин *стандарт*, в связи с тем что понятие *литературный язык* соотносится прежде всего с языком художественной литературы:

«Введение термина *стандарт* необходимо ввиду чрезмерной “привязки” термина “литературный язык” к понятию “язык литературы”, особенно условному в наши дни, когда *стандарт* создается во многом средствами массовой информации, а также иерархической коррелятивностью с его оппозитом *нонстандартом* в отличие от негативной отнесенности терминов *нелитературная речь*, *просторечие*, *vulgar speech* и т. п.» [4: 17].

В. Б. Быков отмечает, что стандарт – субстандарт следует противопоставлять по признаку «наличие – отсутствие облигаторной кодификации», при этом стандарт и субстандарт являются нормированными подсистемами национально-русского языка, которые отличаются характером нормы, кодифицированной в стандарте и некодифицированной, узуальной в субстандарте⁹. При этом в некоторых исследованиях отмечается, что «некодифицированные, узуальные нормы субстандарта отражают субкультурные ценности»¹⁰.

В. М. Мокиенко употребляет термин *субстандарт*, включая в это понятие различные виды жаргонов (социальные и профессиональные), а также сленг и аргю. В понимании субстандарта полностью поддерживаем его позицию, включая в него социальные и профессиональные жаргоны, сленг и элементы аргю [5]. Расширенное толкование термина *субстандарт* является оправданным, поскольку дает возможность рассматривать лексику ограниченной сферы употребления как иерархически упорядоченную систему. Термин *субстандарт* в настоящее время является наиболее распространенным как родовое обозначение всех групп лексики с негативными характеристиками семантики и/или стилистической окраски. Теоретические споры о сущности субстандарта в настоящее время перестали быть острыми, поскольку практически все современные ученые соглашаются с тем, что субстандарт – сложное языковое явление, репрезентирующее социальные варианты языка и речи.

В художественных произведениях XX века лексические единицы из различного вида жаргонов, аргю, молодежного сленга являются значительными в количественном плане, хотя все зависит от тематики и коммуникативной цели автора текста. Писатели и поэты употребляют субстандартные языковые единицы в текстах в зависимости от идейно-смыслового содержания и собственных эстетических представлений.

Паремии с субстандартными лексемами являются специфическим средством описания действительности в художественном пространстве. Отметим, что паремиологический фонд любого языка включает в себя большое количество единиц с отрицательной коннотацией. Так, еще в XIX веке в словаре В. И. Даля «Пословицы русского народа», в словаре П. Симони «Памятники старинной русской лексикографии по русским рукописям XIII–XVIII стол» и пр. фиксируются паремии со стилистически сниженными лексическими единицами-компонентами¹¹.

В русском языке в целом преобладают пословицы и поговорки с отрицательной коннотацией, но не во всех из них содержатся субстандартизмы. То есть субстандартные единицы в паремиях используются в отдельных случаях либо для выражения крайне негативной оценки, либо для обозначения социальной роли адресанта и/или адресата.

Поскольку в художественной литературе отражается переосмысленная творческим воображением автора реальная действительность, то в XX веке в ряде художественных текстов употребление субстандартной лексики и фразеологии, а также паремий стало необходимым. Так, в произведениях В. Шаламова, А. И. Солженицына, З. Прилепина активно употребляется не только субстандартная лексика, но и паремии с жаргонным компонентным составом. Подобные пословицы зачастую имеют варианты без субстандартизмов, но для конкретного художественного текста автор выбирает вариант с жаргонизмами или арготизмами. Например, в повести А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и в художественно-историческом произведении «Архипелаг Гулаг»:

«Шухов ничего не ответил и не кивнул даже, шапку нахлобучил и вышел. **Теплый зяблого разве когда поймет?**»¹². «И все те, кто воруют, киркой сами не вкалывают. **А ты – вкалывай и бери, что дают. И отходи от окошка. Кто кого сможет, тот того и гложет**»¹³. «Ужинал Шухов без хлеба: две порции, да еще с хлебом – жирно будет, хлеб на завтра пойдет. **Брюхо – злодей, старого добра не помнит, завтра опять спросит**»¹⁴.

Приведенные примеры свидетельствуют, что пословицы с субстандартными элементами выступают как единицы аксиологического плана, которые обнаруживают «семантический сдвиг». По словам Л. Б. Савенковой, они «не только характеризуют объект номинации, но и оценивают его либо формулируют рекомендацию выбора линии поведения в определенных условиях» [8].

В текстах А. И. Солженицына паремии с субстандартными компонентами не являются ча-

стотными, однако их можно назвать семантическим ядром текста, поскольку в них находит отражение культурно-языковое состояние описываемого социума. Персонажи Солженицына оказываются в страшных условиях лагерного быта, для реалистического описания их жизни субстандартизмы обязательны. Паремии с субстандартными компонентами у Солженицына зачастую являются трансформированными, что становится еще одним элементом выразительности художественного текста. Трансформированные паремии обращают на себя внимание читателей необычной формой и яркой экспрессией. Главный герой повести изначально не принадлежит к уголовному миру, субстандартная лексика является ему чуждой, однако он «вместе со всеми» теперь является частью этого лагерного мира, поэтому субстандартные паремии для характеристики жизни Шухова являются уместными. Обращает на себя внимание языковая деликатность писателя, поскольку в тексте повести субстандартизмы минимизированы.

В произведениях З. Прилепина «Санька», «Обитель» паремии с субстандартными компонентами выполняют (в соответствии с концепцией Г. Л. Пермякова) моделирующую и прогностическую функцию, в рамках которой описывается модель жизненной ситуации и оцениваются результаты действия персонажей. Так, в повести «Санька» главный герой, используя паремии (в ограниченном количестве), реально оценивает свои шансы на выживание в условиях лагеря при острой вражде с уголовниками¹⁵. Оказываясь в водовороте событий политических изменений в стране, герой пытается вместе с друзьями и приятелями решить сложный вопрос национального устройства нового государства, изначально считая, что в национальном государстве не должно быть места для иных. Национализм скинхедов начала 90-х годов XX века показан бескомпромиссно и жестко реалистично. Однако и в данном случае у З. Прилепина наблюдается определенная языковая деликатность, так как субстандартные языковые единицы не становятся лексическими доминантами текста. Паремии с субстандартизмами также, как и в текстах Солженицына, являются трансформами, что привлекает внимание читателей и вызывает эффект отстранения.

«– Дело в том, что – не надо. Не надо ничего делать. Потому что пока рас-се-яне тихо пьют и кладут на все с прибором, все идет своим чередом. Водка остывает, картошечка жарится. А как только рас-се-яне вспомнят о своем, завалившемся под лавку величии, о судьбах Родины, о... о чем вы там все время говорите?»¹⁶. «– Черт, я не знаю этого района! – сказал Веня, улыбаясь. И до-

бавил, без паузы и тоже весело: – Там мочат всех наглухо, эти “космонавты”»¹⁷. «– Иди сюда, – рванув на себя, Олег легко довел Безлетова до стены между окнами и пристегнул второе кольцо к батарее. – Зол злодей... а я троих злой... Понял? – дыхнул в лицо Безлетову так, что тот отшатнулся рефлекторно»¹⁸.

Просторечные формулировки, паремии с субстандартизмами являются неотъемлемой частью текстов Прилепина, эффективным стилистическим приемом.

В «Колымских рассказах» В. Шаламова паремий с субстандартными компонентами также ограниченное количество (16), но тем более значимой оказывается их регулятивная функция; воздействие на читателя и передача эмоционального фона и оценки происходящих событий позволяют автору определять их мировосприятие.

«– Иди сюда, – рванув на себя, Олег легко довел Безлетова до стены между окнами и пристегнул второе кольцо к батарее. – Зол злодей... а я троих злой... Понял? – дыхнул в лицо Безлетову так, что тот отшатнулся рефлекторно.»¹⁹

В следующих примерах трансформация паремий угадывается по форме и структуре. Аллюзии к нескольким известным паремиям делает текст рассказов Шаламова поликодовыми, требующими многоуровневой расшифровки. Но главное – это привлечение внимания к образам узников колымских лагерей, их трагической судьбе.

«Если беда и нужда сплотили, родили дружбу людей – значит, это нужда не крайняя и беда не большая»²⁰. «Каждая минута лагерной жизни – отравленная минута»²¹.

Заметим, что в рассказах В. Шаламова отсутствуют обценнизмы, что не может объясняться только соображениями прагматического характера (подготовкой текстов к публикации). Это авторская позиция, стремление избегать субстандартных лексем там, где возможно. Трансформированные паремии с субстандартизмами у Шаламова являются приметой идиолекта писателя.

ВЫВОДЫ

В художественных текстах, предметом которых становится осмысление социальных проблем общества и маргинальных социальных групп, пословицы используются для описания возможностей индивида делать выбор в критических ситуациях. Авторы, используя паремии, творчески применяют прием речевого воздействия, выражая при этом собственную позицию.

В целом паремии с субстандартными компонентами помогают авторам в отражении ре-

альности, в воспроизведении аксиологических установок определенной части общества. Писатели реструктурируют фрагменты действительности, используя паремии для отражения авторских интенций, моделирования жизненной ситуации, эмоциональной интерпретации ситуаций. Паремии с субстандартизмами становятся приметой идиолектов писателей. В большей части рассмотренных художественных текстов паремии являются трансформированными, что придает тексту глубину, заставляя читателей обращаться

к собственному языковому опыту для дешифровки многоуровневого смыслового содержания текста.

Результаты исследования могут использоваться в дальнейшем изучении прагматики художественного текста в связи с использованием лексики и фразеологии ограниченной сферы употребления. Описание прагмалингвистических функций паремий в художественных текстах позволит интерпретировать специфику дискурсивного пространства.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Даль В. И. Рукописные словари: (офенские, шерстобитов, мазуриков). М.: Флинта: Бизнессофт, 2007. 1 электрон. опт. диск.
- ² Трахтенберг В. Ф. Блатная музыка. Жаргон тюрьмы / Под ред. и с предисл. Бодуэна де Куртене. СПб.: Тип. А. Г. Розена, 1908. 116 с.
- ³ Смирнов Н. А. Слова и выражения воровского языка, выбранные из романа Вс. Крестовского «Петербургские трущобы». СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1899. [2], 23 с. Отд. оттиск из «Известий Отд-ния рус. яз. и словесности Имп. Акад. Наук», Т. 4 (1899 г.), кн. 3. С. 1065–1087.
- ⁴ Там же. С. 21.
- ⁵ Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона: 25000 слов, 7000 устойчивых сочетаний. СПб.: Норинт, 2000. 716 с.
- ⁶ Балдаев Д. С. Словарь блатного воровского жаргона: В 2 т. М.: Кампана, 1997. [Т. 1, Т. 2]: От А до П. М.: Кампана, 1997. 367 с.
- ⁷ Никитина Т. Г. Толковый словарь молодежного сленга: слова, непонятные взрослым: около 2000 слов. М.: Астрель: АСТ, 2006. 734 с.
- ⁸ Грачев М. А., Мокиенко В. М. Русский жаргон: Историко-этимологический словарь. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. 336 с.
- ⁹ Быков В. Б. Лексикологические и лексикографические проблемы исследования русского субстандарта: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001. 311 с.
- ¹⁰ Новикова Т. С. Субстандарт XX века и его контрастивно-художественная интерпретация (на материале повести А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2008. 19 с.
- ¹¹ Памятники старинной русской лексикографии по русским рукописям XIII–XVIII стол. Вып. 3: Половецкий и Татарский словарики. Речи тонкословия греческого / Собр. Павлом Симони. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1908. 38 с.
- ¹² Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ: полное издание в одном томе / [Под ред. Н. Д. Солженицыной]. М.: Альфа-книга, 2017. С. 20.
- ¹³ Там же. С. 53.
- ¹⁴ Солженицын А. И. Один день Ивана Денисовича // Солженицын А. И. Рассказы. М., 1990. С. 5–123.
- ¹⁵ Прилепин З. Санья. М.: АСТ, 2015. 352 с.
- ¹⁶ Там же. С. 52.
- ¹⁷ Там же. С. 12.
- ¹⁸ Там же. С. 59.
- ¹⁹ Шаламов В. Колымские рассказы. М.: АСТ, 2019. 836 с.
- ²⁰ Там же. С. 86.
- ²¹ Там же. С. 181.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грачёв М. А. Адаптация арготических единиц в общенародном русском языке в XXI веке // Неофилология. 2022. Т. 8, № 2. С. 210–217.
2. Грачёв М. А. Интервенция криминального языка // Наука и жизнь. 2009. № 4. С. 128–132.
3. Грачев М. А. Третья волна // Русская речь. 1992. № 4. С. 61–64.
4. Кёстер-Тома З. Стандарт, субстандарт, нестандарт // Русистика. 1993. № 2. С. 15–31.
5. Мокиенко В. М. Славянские социолекты в прошлом и настоящем // Славянский мир: Общность и многообразие. К 1150-летию славянской письменности. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2013. С. 130–133.
6. Мокиенко В. М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) // Мир русского слова. 2010. № 3. С. 6–10.
7. Паремология без границ: Монография / Е. Н. Антонова, М. А. Бредис, Т. Е. Владимирова и др.; Под ред. М. А. Бредиса, О. В. Ломакиной. М.: РУДН, 2020. 244 с.

8. Савенкова Л. Б. Паремии в современном газетном дискурсе // Die slawische Phraseologie in den modernen Massenkommunikationsmitteln (Publizistischer Diskurs). Kollektivmonografie / Славянская фразеология в современных СМИ (публицистический дискурс): Коллективная монография / Отв. ред.: Х. Вальтер, В. М. Мокиенко, Ж. Финк. Грайфсвальд, 2017. С. 204–210.

Поступила в редакцию 08.04.2025; принята к публикации 23.05.2025

Original article

Anzhelika V. Korolkova, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, People's Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Professor, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation)

ORCID 0000-0003-3245-7307; lika.korolkova@bk.ru

Tatyana S. Novikova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Smolensk State Agricultural Academy (Smolensk, Russian Federation)

ORCID 0000-0001-9388-2062; tatjana_1@inbox.ru

SUBSTANDARD PAREMIOLOGY IN FICTION

Abstract. This paper aims to analyze paremias containing substandard components in fictional texts and to identify their functions. Its relevance is rooted in modern linguocognitive studies, where paremias with substandardisms are viewed as a foundation for describing conflict situations and the expression of opposing viewpoints. This, in turn, allows for an analysis of the worldview systems of specific social groups. The novelty of this study lies in its diachronic examination of major dictionaries of substandard vocabulary and in analyzing the system of paremias with substandard elements in the works of Zakhar Prilepin, Aleksandr Solzhenitsyn, and Varlam Shalamov. Their functions are explored using pragmatolinguistic methods, including contextual analysis and pragmatolinguistic description of the roles played by these paremias in literary works of the XIX and XX centuries. The research concludes that such paremias aid authors in reflecting reality and in expressing the axiological attitudes of particular societal segments. Writers reconstruct fragments of reality, employing paremias to convey their intentions, model life situations, and interpret them emotionally.

Key words: paremia, proverb, saying, substandard, linguopragmatics

For citation: Korolkova, A. V., Novikova, T. S. Substandard paremiology in fiction. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(5):98–103. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1205

REFERENCES

1. Grachev, M. A. Adaptation of argotic units in the national Russian language in the 21st century. *Neophilology*. 2022;8(2):210–217. (In Russ.)
2. Grachev, M. A. Intervention of criminal language. *Nauka i zhizn*. 2009;4:128–132. (In Russ.)
3. Grachev, M. A. The third wave. *Russian Speech*. 1992;4:61–64. (In Russ.)
4. Kester-Toma, Z. Standard, substandard, nonstandard. *Russian Language Studies*. 1993;2:15–31. (In Russ.)
5. Mokienko, V. M. Slavic sociolects in the past and present. *Slavic world: Collectivity and diversity. Celebrating the 1150th anniversary of the Slavic written language*. Moscow, 2013. P. 130–133. (In Russ.)
6. Mokienko, V. M. The modern paremyology (linguistic aspects). *World of the Russian Word*. 2010:6–10. (In Russ.)
7. Paremiology without borders: Monograph. (M. A. Bredis, O. V. Lomakina, Eds.). Moscow, 2020. 244 p. (In Russ.)
8. Savenkova, L. B. Paremias in modern newspaper discourse. *Slavic phraseology in modern mass media (journalistic discourse): Collective monograph*. Greifswald, 2017. P. 204–210. (In Russ.)

Received: 8 April 2025; accepted: 23 May 2025

ЕЛЕНА ИВАНОВНА СЕЛИВЕРСТОВА

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка для гуманитарных и естественных факультетов филологического факультета
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-2020-0061; e.seliverstova@spbu.ru

И ЧЖАО

аспирант кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0009-0008-7197-0799; st091267@student.spbu.ru

ПОСЛОВИЧНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВРЕМЕНИ В АСПЕКТЕ СООТВЕТСТВИЯ И НЕСООТВЕТСТВИЯ

А н н о т а ц и я . Представления о времени в языковом сознании носителей культуры касаются разных его аспектов – природного цикла, протяженности жизни, условий осуществления деятельности человеком и т. д. Восприятие времени как несомненной ценности проявляется в паремике на уровне выражаемых установок культуры, используемой лексики и грамматических конструкций. Пословицы, будучи лингвистически оформленными проявлениями «здорового смысла», фиксируют модели правильного, одобряемого и, наоборот, порицаемого поведения. Они свидетельствуют о внимательном отношении говорящих к наблюдаемым явлениям и ситуациям и их оценке, основанной на определении их соответствия или несоответствия сложившимся в социуме стереотипным представлениям. Лингвокультурологический анализ извлеченных из паремиологических словарей 110 пословиц, характеризующих разные жизненные сферы, но имеющих отношение к категории времени, касается двух разрядов единиц. Первый объединяет паремии, в которых отмечены временные затраты в сравнении с полученным результатом, что позволяет оценить продуктивность приложенных усилий. Второй разряд единиц вербализует установки культуры, акцентирующие внимание говорящих на важности своевременности действия, помощи, оказанной услуги и т. п. Очевидно, что разнообразие ситуаций, представленных в пословицах в их прямом прочтении, свидетельствует об универсальности критерия соответствия или несоответствия: он становится своеобразным способом оценки степени разумности, оправданности происходящего. Разнообразие вербализаций в паремике одной и той же идеи является свидетельством ее актуальности для носителей культуры и языка.

К л ю ч е в ы е с л о в а : время, пословица, временные затраты, своевременность, эффективность

Д л я ц и т и р о в а н и я : Селиверстова Е. И., Чжао И. Пословичная реализация представлений о времени в аспекте соответствия и несоответствия // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 5. С. 104–110. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1206

ВВЕДЕНИЕ

Семантика соответствия, к которой мы обращаемся в данной статье, определяется в словаре как «соотношение между чем-н., выражающее согласованность, равенство в чем-н. или чему-н. в каком-н. отношении, гармонию. *Соответствие исполнению заданию. У них полное соответствие интересов. Между его делами и словами полное соответствие*»¹, то есть речь идет о чем-либо, не вызывающем при сопоставлении с другим ощущения противоречия, нелогичности и, как след-

ствие, состояния непонимания, удивления. Подобные случаи фиксируются в языке как в разных по тематике контекстах (ср. выражения *не по росту, не по возрасту*: «Девочка была похожа на маленькую Асю, тяжелый хвост пепельных волос, серьезное лицо и глаза *не по возрасту* внимательные и вьедливые»²; «Он где-то раздобыл оранжевый пиджак с рукавами *не по росту* и зеленую широкополую шляпу»³), так и в паремиях (*Не с твоим носом клевать просо; По Сеньке и шапка –*

это «стройное, слаженное, гармоническое сочетание объектов одного и того же или “разных миров”, возникающее на базе осмысления их объективно существующего или субъективно приписываемого им сходства по линии одного или ряда признаков»⁴.

Опыт, обобщенный народом в пословицах, касается, безусловно, разных жизненных областей, и прежде всего он проявляется в раскрытии различных типов отношений между вещами или явлениями, между людьми, их намерениями и поступками, между целью и результатом действия. Соотношение этих обобщенных сущностей нередко осуществляется с применением понятия «соответствие», то есть с позиций того, насколько гармонично сочетание предметов или субъектов, насколько логичны или нелогичны последовавшие за постановкой задачи действия. Как правило, сопоставление проводится на основании выделяемого для этого некоего критерия, например удовлетворенности, влияния, качества, полезности, практичности и т. д. Оценка может быть объективной или субъективной, при этом объективные критерии можно измерить и доказать, а субъективные обычно зависят от предпочтений, отношения и индивидуального жизненного опыта. Таким образом, представление о соответствии становится своего рода мерилем, позволяющим соотнести представление о правильном или «нормальном» положении вещей с реальным состоянием дел.

Тема соответствия, пропорциональности, представляющей логичной, закономерной, правильной, и привлекающих внимание говорящих несоответствия и диспропорции – одна из востребованных в русских паремиологических единицах (ПЕ). Выражение идеи соответствия в паремике найти нетрудно, достаточно открыть сборник пословиц, расположенных в алфавитном порядке. Например, в собрании И. М. Снегирева⁵ находим ПЕ *Какова пашня, таково и брашно (брашно – ‘яство, пища, кушанье’⁶); Каков привет, таков и ответ; Какова постель, таков и сон; Каков промысел, такова и пища; Каков батька, таковы и детки* и т. д. Прочтение этих выражений, указывающих на взаимозависимость предметов или явлений, допускает трактовку как в позитивном (*У хорошего отца хорошие дети*), так и в негативном ключе (*У плохого отца плохие дети*).

Между тем ПЕ, вербализующие разные аспекты семантики соответствия и достаточно широко представленные в русском языке, пока не получили отдельного освещения⁷.

Время – фундаментальное понятие, являющееся предметом внимания в разных областях науки – естественных и гуманитарных. Время используется для «определения момента наступления некоторого события или промежутка времени между событиями» – эта процедура называется «измерением времени»⁸. Представление о времени связано с продолжительностью жизни – будь то жизнь человека или, например, растения – и ее периодизацией, то есть выделением этапов роста, зрелости и старения. Бытовые представления человека также связаны с ощущением течения времени. Время

«выражает отношения между реальностью, человеческой деятельностью и языком и участвует в преобразовании объективного мира в субъективные конструкты (картину мира, модель мира), присутствующие в сознании человека» [11].

Наивная картина мира во многом построена на восприятии людьми текущего и ушедшего времени, учете законов природы (достаточно вспомнить важные для земледельцев приметы), оценке возраста человека и его возможностей, опыта, умений и под.

В лингвистической науке к категории времени обращаются не только грамматисты, но и лингвокультурологи, считая понятие времени одним из сложных концептов и рассматривая его с разных позиций [3], [13], [18] и др. Время – параметр, участвующий в организации иных ценностей [14]: это характеристика движения, способа реализации процесса; оно по-разному репрезентируется в языке [5: 148]. Ученых интересует представление о времени как о ценности и культурно маркированное отношение к нему.

Пословицы, как и иные типы прецедентных феноменов и стереотипов, принадлежат к культурно детерминированным текстам и активно привлекаются для анализа лингвокультурологами: см., в частности, работы М. А. Бредиса [1], Д. Б. Гудкова и М. Л. Ковшовой [2], Е. Е. Иванова [4], В. В. Красных [6], О. В. Ломакиной [7], О. В. Ломакиной, В. М. Мокиенко [8], А. А. Матвеевой [10], Н. Ю. Нелюбовой [12], Е. И. Селиверстовой [15], Н. Н. Семененко [17] и др. Они представляют собой зафиксированные в определенной форме феномены сознания коллективного носителя языка, возникающие как следствие обобщения наблюдений, как «сжатая характеристика регулярно воспроизводимых ситуаций» [9].

Целью данной работы является выявление того, как семантика соответствия / несоответствия отражается в пословицах, касающихся

временных параметров, важных в качестве характеристики действий, поступков, предпринимаемых усилий и т. д.

Отбор материала для исследования производился методом направленной выборки из сборников пословиц В. И. Даля⁹, В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной, Е. К. Николаевой¹⁰, В. П. Аникина¹¹, А. М. Жигулева¹² – из определенных тематических рубрик и разделов, объединяющих паремиологические единицы с отдельными компонентами с временной семантикой. В качестве основного метода был использован лингвокультурологический анализ, в ходе которого рассматривалась культурно-маркированная ситуация и выделялось суждение, основанное на выявленном соответствии или несоответствии и его оценке.

Понятие времени в паремике касается нескольких важных аспектов: оценки эффективности и целесообразности действий (деятельности), определяемой через соотнесение с затраченным временем; возраста, охватывающего различные периоды человеческой жизни; представления о своевременности действий, получающих по этому критерию ту или иную оценку.

Остановимся далее на двух аспектах реализации представлений о важности временных параметров, отмечаемых в жизни социума и отдельного человека и рассматриваемых сквозь призму соответствия / несоответствия.

ВРЕМЕННЫЕ ЗАТРАТЫ VS РЕЗУЛЬТАТ

Эффективность действий человека во многом рассматривается сквозь призму соотношения, с одной стороны, затраченного времени, которым человек не может не дорожить, и приложенных усилий и, с другой стороны, полученного результата. Этим определяется оправданность предпринятых действий или их напрасность. Ср. ироничную ПЕ *Гора родила мышь* – ‘о ситуации, когда затрачивается много сил, ресурсов и времени, но достигается непропорционально маленький результат’.

Судя по значительному количеству ПЕ о потраченном времени, время – несомненная ценность, поэтому в паремике представлены преимущественно ситуации, репрезентация которых вызвана досадой, сожалением о действиях, завершившихся неприглядным, а то и ничтожным результатом. При этом ряд ПЕ отражает идею неудовлетворенности результатом в общем виде: *Долго ждали, а проку не видали* – ждали, вероятно, пользы, какого-то эффекта, но обманулись. Ср. ПЕ *Долго сидел, да ничего не высидел*, реализующую идею отсутствия результата в любой

сфере деятельности. Ср. пример из современной публицистики: «Полгода в тупике коридора <...> за выкинутым из комнаты сломанным столом тосковал Николай Сванидзе, но *ничего не высидел*, перекочевал на телевидение к Олегу Попцову»¹³. ПЕ *Долго плыть, да у дна быть* может метафорически характеризовать любые длительные действия, которые заканчиваются плачевным или нулевым результатом. *Вошь*, почти невидимая, выступает в паремии *Думал много, да вошь и поймал* как символ малости. Акцент на несоответствии затраченных умственных усилий их незначительному результату определяет формирование сниженной оценки характеризуемого субъекта.

Отдельные жизненно важные моменты могут получать в ПЕ противоречивую характеристику. С одной стороны, долгий кропотливый труд дает свои плоды: *Долго на ниве потеть – много хлеба иметь. Потеть* – значит ‘трудиться, прилагая серьезные усилия’, определяющие полученный урожай и достаток; ср. также: *Будешь упорно трудиться – будет хлеб в закромах водиться; Как над нивкою попотеешь, так и хлеба укусишь*. Для русской ментальности в целом весьма характерна многократно выраженная в ПЕ идея материального благополучия как закономерного результата, воздаяния за тяжелый продолжительный труд: *Как поработаешь (потопаешь) – так и полопаешь; Какие труды, такие и плоды; Двойной труд, двойная и плата* и др. С другой стороны, полученный итог может огорчить как не соответствующий затраченным труду и времени: *Трудись век, едва заработаешь на хлеб; Работай с утра до вечера, а поесть нечего*.

В ПЕ, характеризующих мыслительную деятельность, несоответствие может получать разную оценку – в зависимости от соотношения количества времени и качества полученного результата. Ср. ПЕ *Долго думал, да ничего не выдумал* – длительные размышления, попытки решения проблемы ничего не дали, а паремии *Недолго думал, да хорошо сделал* и *Недолго думал, да хорошо молвил*, наоборот, позитивно оценивают способность человека принять правильное решение и совершить некий поступок с минимальными временными затратами.

ХАРАКТЕРИСТИКА СОБЫТИЯ, ДЕЙСТВИЯ, ВЕЩИ В АСПЕКТЕ СООТВЕТСТВИЯ ВЫБРАННОМУ МОМЕНТУ (СВОЕВРЕМЕННОСТИ)

Понятие «момент времени» оказывается важным для говорящих в аспекте восприятия дей-

ствий человека как соответствующих потребности в них в определенное время. Именно таким образом часто расценивается появление предмета, осуществление действия, поступок: помощь, услуга, вещь обретает ценность, когда в ней есть нужда. Ср. *На ловца и зверь бежит* – ‘заинтересованному человеку удачно попадается тот, кого он хотел найти, или то, что ему нужно’¹⁴; *Дорого полене в холодный день (дорогой – ‘тот, которым дорожат; нужный’)*; *Дорого яичко во Христов день*; *Дорога ложка к обеду* – так можно сказать о любой вещи, пришедшей ко времени, что и определяет ее ценность; *Не срывай яблока, пока не созрело: время придет – само упадет* – ‘следует быть терпеливым и уметь ждать подходящего момента’ и др.

Эффективность и успех действий во многом зависят от своевременности их выполнения. Ср. ПЕ о возможности получения нужного результата: *Куй железо, пока горячо*; *Когда дрова горят, тогда и кашу (кисель) варят*; *Когда в печи жарко, тогда и варко*. Опоздавшего гостя, как известно, уже не ждет накрытый стол: *Позднему гостю – глотать кости*; *Прогуляешь, так и воду хлебаешь*.

Сферы указания на несвоевременность действий весьма разнообразны: идея ее важности может выражаться в общем виде и использоваться применительно к разным ситуациям. Ср. ПЕ о бесполезности запоздалого действия: *Поздно беречь вино, когда бочка пуста*; *Поздно пить «Боржоми», когда почки отвалились*. Порицаются и даже высмеиваются весьма разнообразные запоздалые действия, а пословицы, их характеризующие, могут быть распространены не только на описанные ситуации: ср. *Когда зубов не стало, так орехов принесли*; *Спустя лето (то есть ‘по прошествии’), да в лес по малину*; *После поры не точат топоры*; *За хвост не удержаться, коли гриву упустил*; *Когда лошадей увели, тогда и конюшню на запор*. В выражении временной семантики в ПЕ участвуют различные компоненты: временные союзы (*когда, пока*) и предлоги (*спустя, после*), лексические компоненты: *Задним умом дела не поправишь* (ср. поговорку о человеке: *задним умом крепок – ‘о поздно спохватывающемся’*) и т. д.

Имплицитно отрицательную оценку выражают и ПЕ о долгом приступании к действию: *Рано снарядились, да поздно в путь пустились*; *Рано оседлали, да поздно поскакали*.

Как выражения двуплановые, ПЕ могут использоваться в прямом и в переносном значении, сквозь которое проступает прообраз единицы.

Так, ПЕ, обобщающие опыт работы с древесиной, *Гни дерево, как еще гнется*; *Гни дерево, пока оно молодо* служат советом в отношении воспитания детей и времени внушения им жизненных правил. Ср. близкую по значению пословицу *Воспитывай дитя, пока попереки лавки лежит, а как вдоль ляжет – уже поздно*. *Лечь вдоль лавки* – ‘стать выше ростом и, следовательно, старше’.

Семантика ‘заранее, загодя’, то есть ‘с запасом времени до события, за некоторое время до чего-н.’, также актуальна в паремиологическом пространстве. Ср. известную ПЕ *Готовь сани летом, а телегу зимой* – это характеристика поведения предусмотрительного человека. Между тем значительный ряд составляют русские ПЕ, порицающие начало какого-либо действия в совершенно не подходящий для этого момент, безответственный подход к делу: *Когда на охоту ехать, тогда и собак кормить*; *Когда в поле ехать, тогда и овсянку заваривать*.

Отразилась в паремике и расстановка носителями языка и культуры приоритетов среди разнообразных трудовых действий. Так, для крестьянина особенно важно было последовательное выполнение составляющих определенный цикл работ: *Не за грибами ходить, когда хлеб молотить*; *Не тогда кормить да поить, когда корову доить* и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренный материал далеко не исчерпывает вербализованные в паремиях представления, связанные со временем – важным понятием, во многом определяющим существование человека. Учет временного фактора служит формированию оценки поступков и поведения членов социума, их умственной, трудовой и иной деятельности – особенно в аспекте соотношения временных затрат и полученных результатов. Проведенный анализ показывает, что носители русского языка видят во времени ценность (*Время выиграно – все выиграно*) и придают большое значение эффективности его использования.

Паремии представляют широкий спектр ситуаций, отмеченных вниманием говорящих именно по причине наблюдаемого в жизни соответствия, а чаще – несоответствия; этот критерий становится своего рода инструментом для оценки степени разумности происходящего. При этом одна и та же пословичная идея – например, бесполезности и даже комичности запоздалых действий (*Когда зубов не стало, так*

орехов принесли; Позднему гостю – глотать кости), эффективности своевременных шагов (Когда дрова горят, тогда и кашу варят), разумности действий, планируемых и осуществляемых с учетом перспективы, заранее (Когда на охоту ехать, тогда и собак кормить; Готовь сани летом, а телегу зимой), и др. – может иметь различное образное претворение, что свидетельствует о важности вербализованных в ПЕ установок культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1940. Т. 4. С. 383.
- ² Русских Анна. Не спрашивай почему, или дождливое лето // «Дальний Восток». 2019. НКРЯ (Национальный корпус русского языка) [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.ruscorgo.ru (дата обращения 12.12.2024).
- ³ Вирабов И. Н. Андрей Вознесенский (2015). НКРЯ (Национальный корпус русского языка) [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.ruscorgo.ru (дата обращения 12.12.2024).
- ⁴ Захарова И. А. Категория соответствия в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1997. С. 4.
- ⁵ Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 161–163.
- ⁶ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1: А–З. М.: Русский язык, 1981. С. 126.
- ⁷ Несколько аспектов общей проблемы были освещены нами в [16], [19].
- ⁸ Большая российская энциклопедия: В 30 т. / Председатель науч.-ред. совета Ю. С. Осипов; Отв. ред. С. Л. Кравец. Т. 6. Восьмеричный путь – Германцы. М.: Большая Российская энциклопедия, 2006. С. 24.
- ⁹ Даль В. И. Пословицы русского народа. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2020. 984 с.
- ¹⁰ Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. М.: ОЛМА МЕДИА ГРУПП, 2010. 1024 с.
- ¹¹ Аникин В. П. Русские пословицы и поговорки / Под ред. В. П. Аникина; Предисл. В. П. Аникина. М.: Художественная литература, 1988. 431 с.
- ¹² Жигулев А. М. Русские народные пословицы и поговорки. М.: Московский рабочий, 1965. 360 с.
- ¹³ Елин Георгий... и помнилась им Свобода (2008). НКРЯ (Национальный корпус русского языка) [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.ruscorgo.ru (дата обращения 12.12.2024).
- ¹⁴ Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. 7-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 2000. С. 185.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бредис М. А. Репрезентация концепта СКУПОСТЬ в пословицах разноструктурных языков // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3-1 (54). С. 710–714.
2. Гудков Д. Б., Ковшова М. Л. Телесный код русской культуры. М.: Гнозис, 2007. 285 с.
3. Дмитриев В. А. Пространство и время в традиционной культуре: историографический аспект историко-культурного изучения // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2007. № 4. С. 267–280.
4. Иванов Е. Е., Ломакина О. В., Петрушевская Ю. А. Национальная специфичность пословичного фонда: основные понятия и методика выявления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12, № 4. С. 996–1035. DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
6. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с.
7. Ломакина О. В. Номинация ценности как когнитивная проблема (на материале русских пословиц о труде и безделье) // Когнитивные исследования языка. 2024. № 2-1 (58). С. 277–280.
8. Ломакина О. В., Мокиенко В. М. Познавательный потенциал русинских паремий на фоне русского и украинского языков // Русин. 2016. № 3 (45). С. 119–128.
9. Маслова В. А. Новые русские пословицы: когнитивный и лингвокультурологический аспекты // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2014. № 77. С. 81–84.
10. Матвеева А. А. Прецедентные феномены и стереотипы в лингвокультурном пространстве: точки соприкосновения и расхождения // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26, № 3. С. 88–94.
11. Мурьянов М. Ф. Время (понятие и слово) // Вопросы языкознания. 1978. № 2. С. 52–66.
12. Нелюбова Н. Ю. Отражение этнокультурных ценностей в пословицах франкоязычных стран // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10, № 2. С. 323–335. DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2- 323-335

13. Николаева Е. А. Время в языковой картине мира // Вестник Оренбургского государственного университета. 2007. № 9. С. 72–75.
14. Рябцева Н. К. Аксиологические модели времени // Логический анализ языка: язык и время. М., 1997. С. 78–96.
15. Селиверстова Е. И. Свой глаз – алмаз, а чужой стекло: доверие и недоверие у русских и чехов (на примере паремии) // Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах. М.: Гнозис, 2018. С. 281–291.
16. Селиверстова Е. И., Чжао И. Семантика несоответствия в русских пословицах: причины обманутых ожиданий // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2024. № 4 (125). С. 125–131.
17. Семенов Н. Н. От образной модели к стереотипу: синергия внутренней формы пословицы // Филология и культура. 2015. № 2 (40). С. 116–121.
18. Семенова М. Н. Ментальные репрезентации времени и пространства // Личность. Культура. Общество. 2007. Т. 9, № 1. С. 362–370.
19. Чжао И. Размер как критерий оценки предмета в русских паремиях: соответствие и несоответствие ожиданиям // Научная мысль Кавказа. 2024. № 1 (117). С. 102–106.

Поступила в редакцию 13.03.2025; принята к публикации 05.05.2025

Original article

Elena I. Seliverstova, Dr. Sc. (Philology), Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-2020-0061; e.seliverstova@spbu.ru

Zhao Yi, Postgraduate Student, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0009-0008-7197-0799; st091267@student.spbu.ru

PROVERBIAL REALIZATION OF NOTIONS OF TIME IN TERMS OF ADEQUACY AND INADEQUACY

Abstract. Perceptions and notions of time in the linguistic consciousness of culture bearers relate to various aspects connected with time, including natural cycle, life expectance, conditions of human activities, etc. The perception of time as an undoubted value is manifested in paremias at the level of expressed cultural beliefs and attitudes, used vocabulary, and grammatical constructions. Proverbs, being linguistically formalized manifestations of “common sense”, fix certain models of appropriate and socially approved – or disapproved – behavior. They testify to the speakers’ attention to the observed phenomena and situations and their evaluations based on the determination of their conformity or nonconformity to the stereotypical notions developed in the society. The article presents the findings of a linguocultural analysis of 110 proverbs extracted from paremiological dictionaries, which refer to different spheres of life, but are related to the category of time. The study addresses two categories of paremical units: the first group includes paremias mentioning time expenditures relative to the obtained result, which allows to evaluate the productivity of efforts, while the second group verbalizes cultural attitudes that emphasize the importance of timely action, help, service rendered, etc. The variety of situations presented in proverbs – in their literal reading – clearly testifies to the universality of the criterion of adequacy and inadequacy: it becomes a tool for assessing the degree of reasonableness or propriety of what is happening. The variety of verbalizations of same ideas in paremias suggests the importance of relevant studies for the bearers of culture and language.

Keywords: time, proverb, time expenditure, timeliness, efficiency

For citation: Seliverstova, E. I., Zhao, Yi. Proverbial realization of notions of time in terms of adequacy and inadequacy. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(5):104–110. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1206

REFERENCES

1. Bredis, M. A. Representation of the concept COVETOUSNESS in proverbs of typologically different languages. *Cognitive Studies of Language*. 2023;3-1(54):710–714. (In Russ.)
2. Gudkov, D. B., Kovshova, M. L. The corporeal code of Russian culture. Moscow, 2007. 285 p. (In Russ.)
3. Dmitriev, V. A. Space and time in traditional culture: historiographic aspect of historical and cultural studying. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2007;4:267–280. (In Russ.)
4. Ivanov, E. E., Lomakina, O. V., Petrushevskaya, J. A. The national specificity of the proverbial fund: basic concepts and procedure for determining. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2021;12(4):996–1035. DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035 (In Russ.)
5. Karasik, V. I. Language circle: personality, concepts, discourse. Volgograd, 2002. 447 p. (In Russ.)

6. Krasnykh, V. V. Ethnopsycholinguistics and linguoculturology: Course of lectures. Moscow, 2002. 784 p. (In Russ.)
7. Lomakina, O. V. Value nomination as a cognitive problem (based on Russian proverbs about work and idleness). *Cognitive Studies of Language*. 2024;2-1(58):277–280. (In Russ.)
8. Lomakina, O. V., Mokiienko, V. M. Cognitive potential of Rusin proverbs on the compared with those in the Russian and Ukrainian languages. *Rusin*. 2016;3(45):119–128. (In Russ.)
9. Maslova, V. A. New Russian proverbs: cognitive, linguistic and cultural aspects. *Vestnik of Novgorod State University*. 2014;77:81–84. (In Russ.)
10. Matveeva, A. A. Precedent phenomena and stereotypes in the linguo-cultural space: touch points and divergence points. *Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology*. 2020;26(3):88–94. (In Russ.)
11. Muryanov, M. F. Time (concept and word). *Topics in the Study of Language*. 1978;2:52–66. (In Russ.)
12. Nelyubova, N. Yu. Representation of ethno-cultural values in the proverbs of French-speaking countries. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2019;10(2):323–335. DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-323-335 (In Russ.)
13. Nikolaeva, E. A. Time in the linguistic picture of the world. *Vestnik of Orenburg State University*. 2007;9:72–75. (In Russ.)
14. Ryabtseva, N. K. Axiological models of time. *Logical analysis of language: language and time*. Moscow, 1997. P. 78–96. (In Russ.)
15. Seliverstova, E. I. One's eye is a diamond and another's is glass: trust and distrust in the Russian and Czech languages (a study of paremias). *Logical analysis of language. The concept of faith in different languages and cultures*. Moscow, 2018. P. 281–291. (In Russ.)
16. Seliverstova, E. I., Zhao, Yi. Semantics of inconsistency in Russian proverbs: reasons for failed expectations. *I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*. 2024;4(125):125–131. (In Russ.)
17. Semenenko, N. N. From a model with a figurative meaning to a stereotype: the synergy of the internal form of proverbs. *Philology and Culture*. 2015;2(40):116–121. (In Russ.)
18. Semenova, M. N. Mental representations of time and space. *Personality. Culture. Society*. 2007;9(1):362–370. (In Russ.)
19. Zhao, Yi. Size as a criterion for evaluating an object in Russian proverbs: correspondence or mismatching of expectations. *Scientific Thought of Caucasus*. 2024;1(117):102–106. (In Russ.)

Received: 13 March 2025; accepted: 5 May 2025

МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ БРЕДИС

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
(Москва, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-4885-952X; briedis@yandex.ru

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БЕРЕЖЛИВОСТИ В ФИННО-УГОРСКИХ ПОСЛОВИЦАХ НА ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ ФОНЕ РЯДА РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

А н н о т а ц и я . Пословицы рассмотрены как часть паремиологической картины мира, источник кумулятивной информации. Этнически маркированные пословицы определяют культурную память и своеобразие пословичной картины мира народа. Образность пословиц является специфической, в то время как пословичные идеи бывают универсальными. Цель статьи – сопоставительный анализ пословиц финно-угорских народов о бережливости на фоне паремий разноструктурных языков. Рассмотрено 72 пословицы карельского, вепсского, коми, марийского, мордовского и удмуртского языков на фоне более 400 пословиц 11 разноструктурных языков. Использован метод сопоставительного лингвокультурологического анализа на базе теории семантических моделей в паремиологии. На основе семантики выявлено несколько общих пословичных моделей. Определены общие и этнокультурно маркированные пословичные образы, даны лингвокультурологические комментарии. Общее финно-угорских пословиц о бережливости с паремиями разноструктурных языков связано с отношением к бережливости как к ценности, а их специфика определяется национальной образностью.

К л ю ч е в ы е с л о в а : паремиология, пословица, ценности, бережливость, финно-угорские языки, этнолингвомаркеры, лингвокультурологический анализ

Д л я ц и т и р о в а н и я : Бредис М. А. Представления о бережливости в финно-угорских пословицах на паремиологическом фоне ряда разноструктурных языков // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 5. С. 111–115. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1207

ВВЕДЕНИЕ

Пословичный фонд каждого языка содержит культурно-исторические сведения о жизни народа, которые отражаются в этнокультурно маркированных компонентах – этнолингвомаркерах, несущих «культурную память» народа [11: 85]. Часто эти компоненты не имеют аналогов в других языках, поэтому при переводе содержащих их пословиц необходимо давать лингвокультурологические комментарии. Вместе с тем пословичные идеи часто универсальны.

Изучением пословиц занимается современное направление лингвистики – паремиология, которая рассматривает пословицы как единицы языка, исследует их признаки, статус и функционирование в языке, анализируя их различные аспекты, в частности лингвокультурологический, сравнительно-сопоставительный и лингвоаксиологический [2: 268]. Большой вклад в изучение ценностной составляющей пословичного фонда финно-угорских народов внесли работы

Н. Н. Глухой и ее коллег [4], [5], [6] и др., в которых лингвистические методы анализа сочетаются с факторным и статистическим анализом [5: 48].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В ряде новейших сопоставительных работ содержатся теоретические положения и методология исследований пословиц [13], [14] и др. Эти работы, наряду с другими сопоставительными исследованиями на материале разных языков, в том числе и финно-угорских [1], [3] и др., послужили методологической базой исследования. Использовалась методика лингвокультурологического [9] и сопоставительного анализа пословиц. Паремии сопоставлялись на основе их семантических моделей (пословичных конденсатов), под которыми понимается выраженное в максимально сжатом виде и лишённое образов значение пословицы [16: 141].

Цель работы – сопоставительный анализ паремий финно-угорских народов о бережливости

на фоне пословиц разноструктурных языков. В задачу входило выявление основных образов пословиц о бережливости. Материалом исследования послужили 72 пословицы о бережливости финно-угорских языков народов России (карельского, вепсского, марийского, мордовского, удмуртского и коми), а также около 400 пословиц 11 разноструктурных языков (русского, польского, латышского, латгальского, немецкого, английского, турецкого, алтайского, тувинского, бурятского, калмыцкого) из картотеки, отобранной из пословичных сборников и словарей, среди которых следующие:

Mi meles, se i keles. Vepsläižed muštatišed = Что на уме, то и на языке. Вепские пословицы и поговорки О. Ю. Жуковой (2018); Карельские пословицы и поговорки = Karjalazet sananpolvet da sananpiät = Karjalaiset šananlaškut ta šananpolvet (2011); Марий калык ойпого: Калыкмут-влак – Свод марийского фольклора: Пословицы и поговорки А. Е. Китикова (2004); Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 4, книга 1. Пословицы, присловья и поговорки (1967); Удмуртский фольклор: Пословицы, афоризмы и поговорки Т. Г. Перевозчиковой (1987); Коми войтырлөн шусьбгъяс да кывйбзъяс. Пословицы и поговорки коми народа (2023); Большой словарь русских пословиц В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной, Е. К. Николаевой (2010); Алтайские пословицы и поговорки (Алтай кеп ле укаа сбстөр) Н. Р. Ойноткиной (2010); Пословицы и поговорки тувинского народа. Б. К. Будупа (2020); Буряад арадай оньһон уран үгэ = Пословицы и поговорки бурят Б. Бальбуровой (2020); Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая Б. Х. Тодаевой (2007); Deutsches Sprichwörter-Lexikon Wander, K.-F.-W. (1867–1880); Księga przysłów, przypowieści i wyrażen przysłowiowych polskich S. Adalberg (1894); Latviešu sakāmvārdi un parunas P. un M. Birkerti (1997); Latgaļu parunas un sokomvōrdi В. Опинцāне (2000); A Dictionary of Turkish Proverbs M. Yurtbaşı (1993); The Wordsworth Dictionary of Proverbs (2008).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ОБСУЖДЕНИЕ

Анализ пословиц выявил несколько семантических моделей, среди которых: *Бережливость – доход*; *Из малого – много*.

Модель *Бережливость – доход*

Пословичная идея *Бережливость – доход* имеется во всех рассматриваемых финно-угорских пословицах: вепсск. *Ei ole se bohat, kudamb elon sab, a se, kudamb varjoičeb* ‘Не тот богат, кто добро наживает, а тот, который сохраняет’; карельск. *Tarkuš ei kuzy leibiä* ‘Бережливость хлеба не просит’; марийск. *Аныклет гын, андыкеш от код* ‘Если же экономишь, в убытке не будешь’; мордовск. *Трудямась – прянь тряямась, ванфтомась – козякофтомась* ‘Труд – кормит, бережливость – обогащает’; *Тялось кельгсы ванфтомать* ‘Зима любит бережливость’; удмуртск. *Кеносын*

ке вань, коркан но шуньт ‘Если есть в амбаре, и в избе тепло’; коми *Төв кежӧ он ов – гач пыт-шкад лым пырас* ‘К зиме не запасешься – снег в портки попадет’.

Бережливость в финно-угорских паремиях предстает ценностью. В них говорится о ее несомненной пользе. Выделяется ряд пословиц, подчеркивающих необходимость запасов и бережного их расходования в зимний период.

В рассматриваемых разноструктурных языках также популярна модель *Бережливость – доход*: рус. *Бережливость лучше богатства*; польск. *Oszczędność wielki dochód* ‘Бережливость – большой доход’; нем. *Sparen ist mehr als Geldmachen* ‘Бережливость больше зарабатывания’; англ. *Sparing is a great revenue* ‘Экономия – большой доход’; алт. *Азыктунун ады арыбас* ‘У запасливого конь не устанет’; тув. *Эдин камнаваaska – орлур, / Эжин камнаваaska – чарлыр* ‘Одежду не беречь – порвется, / Дружбу не беречь – оборвется’; калмыцк. *Әрвлхлэ, амнд туста, / Аврхлэ, бийд туста* ‘Бережливость полезна для жизни, / А спасение полезно для самого себя’; бурятск. *Арьбалхан аминда туһатай, аршалхан бээдэ туһатай* ‘Бережливость и бережность полезны для организма’.

Отметим, что в пословицах народов, представляющих традиционные кочевые культуры, образы денег редки, в отличие от паремий народов с оседлой земледельческой культурой. Так, И. В. Кульганек, занимаясь изучением монгольских пословиц, обнаружила лишь одну, в которой встречается название денежной единицы: *Зуун төгрөгтэй явснаас, зуун нөхөртэй явсан нь дээр* ‘Лучше иметь сто друзей, чем иметь сто тугриков’ [10: 79]. Возможно, эта пословица имеет русское происхождение. А в татарском пословичном фонде зафиксировано более 750 пословиц и поговорок со словом *акча* ‘деньги, монета’ [15: 72].

Турецкая пословица *İşten artmaz, dişten artar* ‘От работы не прибавляется, от зубов прибавляется’ выражает идею приоритета бережливости перед заработком и семантически соответствует вепсской и русской пословицам: вепсск. *Ei sa den'goid sandal sada, pidab pidändal pidäda* ‘Деньги нельзя добыть добыванием, нужно расходовать расходом (деньги нужно уметь расходовать); рус. *Не приходом люди богатеют, а расходом*.

Модель *Из малого – много*

Многочисленная группа пословиц выражает идею *Из малого – много*: карельск. *Koreikka on rupl'an alku* ‘Копейка – рубля начало’; марийск. *Кумыр тенгем аныкла* ‘Копейка рубль сбережет’; мордовск. *Трешниктеме целковой а эри* ‘Без ко-

пейки рубля нет»; удмуртск. *Копейкалэсь манет кылдэ* 'Из копейки – рубль'; коми *Кӧпейка дінӧ кӧпейка – шайт ӧкмӧ* 'Копейка к копейке – набирается рубль'. Образность финно-угорских пословиц с идеей *Из малого – много* часто использует оппозицию денежных единиц *копейка – рубль*, при этом ряд народов имеют собственные названия копейки и рубля, которые выступают в качестве этнолингвомаркеров и требуют лингвокультурологического комментария.

1. **Названия рубля.** Удмуртское слово *манет* восходит к русскому *монета*; мордовская лексема *целковой* – устаревшее название серебряной монеты *целковый рубль*. Марийское название рубля *тенге* (*tängä*) сходно с названиями у соседних народов, например, чуваш. *тенкӗ*, татар. *тэнкә*, или старой русской монеты *денга*. Исследователи высказывают различные мнения о происхождении названия. Бесспорно одно: название пришло с Востока, а его распространение связано с существованием ордынского государства. Согласно А. Г. Мухамадиеву, татарская лексема *тэнкә* восходит к *дануку* или *данга* – денежно-весовой единице в Поволжье XIV века [12: 133]. В языке коми *рубль* называется *шайт*. Среди ученых также нет единого мнения о происхождении названия. Этимологический словарь языка коми возводит его к индоарийским языкам, в частности авестийскому *šoito-*, *šaeta-* 'деньги'¹. Другое значение *шайт* – длинный прут, вица. А. С. Забоев полагает, что название *шайт* 'рубль' связано с деревянным прутом, на который охотники коми нанизывали беличьи шкурки [8: 109]. Также можно предположить, что *шайт* связан с новгородской гривной, которая впоследствии стала называться рублем. Гривна имела форму короткого серебряного прутика. Этот вопрос требует дальнейшего исследования.

2. **Названия копейки:** марийск. *кумыр* (букв. 'три белки'); *шымур* (букв. 'семь белок'); мордовск. *трешник*.

Славяне, а также финно-угорские и тюркские народы Поволжья и Прикамья в древности использовали пушнину в торговле с Востоком, и шкурки служили эквивалентами арабских серебряных монет. Можно говорить о существовавшем тогда огромном историко-географическом ареале 'пушных (беличьих) денег'. Позднее названия шкурок пушных зверей перешли на монеты. Имевшие хождение в Древнерусском государстве в XI веке иноземные монеты (например, арабские дирхемы и др.) носили названия *куны* (*куницы*), а также *веверицы* или *векши* (*белки*). Вес одной куны (примерно 1/25 гривны) составлял около 2 г серебра, что было эквивалентно

4–6 веверицам². Аналогично у народов Поволжья и Прикамья со временем название *белка* перешло на металлические деньги. Видимо, так назывались и ордынские монеты. С вхождением марийцев, удмуртов и коми в состав Русского государства в XVI–XVII веках название *белка* на родных языках закрепилось за *копейкой*. Предположительно первоначально в расчетах беличья шкурка была эквивалентна по стоимости 1 коп. Возникает вопрос, почему в марийских пословицах 1 коп. – *кумур* 'три белки', 2 коп. – *шымур* 'семь белок', так как к середине XIX века у охотников коми шкурка белки стоила в среднем уже 6 коп. [7: 105]. Соотношение 1 коп. = 3 белки, по нашему мнению, связано с денежной реформой в России 1839–1843 годов, когда был введен стандарт серебряного рубля и установлен курс: 1 серебряный рубль = 3,5 рубля ассигнациями, 1 коп. серебром = 3,5 коп. старого образца³. С этих пор 1 коп. серебром стала стоить 3 коп., 2 коп. – 7 коп., 3 коп. – 10 коп. и т. д. По всей России появились новые названия: *трешник* '1 коп.', *семишник* '2 коп.', *десятишник* '3 коп.' и пр.⁴ Эти названия позволяют установить время возникновения пословиц. Неслучайно в словаре горномарийских пословиц *шымур* (2 коп.) переводится как *семушка* [7: 126]. Также понятно, почему в старом счете коми *шайт* 'рубль' = 350 ур (белок) [8: 104]. Словарь марийского языка «Марий мутэр» подтверждает вышесказанное: *кумур* 'три белки' = 1 коп., а *кумуриш* 'три белки серебром' = 3 коп.⁵ Это также объясняет, почему в мордовской пословице 1 коп. называется *трешник*.

В других языках семантика *Из малого – много* также часто выражается с помощью оппозиции денежных единиц: рус. *Копеечка к копейке – рубль набегаем*; польск. *Grosz do grosza będzie złoty* 'Грош к грошу – будет золотый'; латышск. *Grasis pie graša – iztaisa rubli* 'Грош к грошу – получится рубль'; латгальск. *Līc grošu pī groša – pibērsi moku* 'Складывай грош к грошу – наполнишь кошель'; нем. *Ein Pfennig täglich ist ein Thaler im Jahr* 'Один пфенниг каждый день – это талер за год'; англ. *Penny and penny will laid up will be many* 'Пенни к пенни, и в запасе будет много'; алтайск. *Калбакла жууза – кап толор, / Чаракла жууза – кош болор* 'Если ложкой собирать – кожаная сума наполнится, / Если по зернышку собирать – тюк выйдет'; тув. *Далайга дамды дуза* 'Капля море наполняет'; калмыцк. *Дусал хурлдэж дала болдг* 'Капля по капле – образуется океан'. Семантические аналоги имеются во многих языках, например, рус. *Из крошек кучка, из капель море; По капельке – море, по былинке – поле*.

В других языках пословицы с данной семантикой в качестве образов часто используют оппозиции национальных денежных единиц: *гроши – золотый (дукат, рубль), пфенниг – талер (гульден), пенни, фартинг – фунт*.

ВЫВОДЫ

Сопоставительный анализ финно-угорских пословиц о бережливости на фоне ряда разноструктурных языков позволил выявить сходство и различие их семантики, общие семантические модели, а также специфику образов, в частности этнолингвомаркеров. Закономерно больше общего между собой обнаруживается у пословиц внутри финно-угорской семьи, также в них велика доля заимствований из русского языка,

что объясняется длительным соседством и культурным взаимовлиянием. Паремии всех рассмотренных языков расценивают бережливость как ценность. В пословицах о бережливости финно-угорских народов России, как и в паремиях других народов из ареалов оседлых земледельцев, большую роль играют образы – названия денежных единиц. В пословицах кочевых культур образы бережливости в основном связаны с едой, одеждой и скотом. В статье дана попытка комментария относительно происхождения некоторых пословичных образов.

Результаты исследования могут использоваться в дальнейшем изучении особенностей национальной картины мира, отраженной в пословицах финно-угорских языков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. С. 316.

² Зварич В. В. Нумизматический словарь. Львов: Вища школа, 1979. С. 96.

³ Там же. С. 51.

⁴ Словарь русского языка: В 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; [Гл. ред. А. П. Евгеньева; Выполнил Л. П. Александровой и др.]. Т. 4: С–Я. М.: Русский язык, 1988. С. 410.

⁵ Марий мутэр: Турло вэрэ илышэ марийын муштӹм тангастарэн нэргэлӹмэ кнага / ӱпӹмарий (В. М. Васильев). М.: СССР Калык-влак Рӱдӱ Савӹктыш, 1926. С. 84.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бредис М. А. Соматические образы и этнолингвомаркеры в пословицах финно-угорских народов России о скупых на фоне разноструктурных языков // Финно-угроведение. 2024. № 4 (68). С. 7–21. DOI: 10.51254/2312-0312-2024-4-68-7-21
- Бредис М. А., Димогло М. С., Ломакина О. В. Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11, № 2. С. 265–284. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284
- Бредис М. А., Иванов Е. Е. Типология пословиц прибалтийско-финских народов России о богатстве и бедности (на европейском паремиологическом фоне) // Вестник угроведения. 2021. Т. 11, № 4. С. 607–615.
- Глухова Н. Н., Глухов В. А. Системы ценностей финно-угорского суперэтнуса. Йошкар-Ола, 2009. 276 с.
- Глухова Н. Н., Исанбаев Н. И. Системы ценностей мари и коми на материале паремий: общее и особенное // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (40): В 2 ч. Ч. I. С. 47–50.
- Глухова Н. Н., Ломшина Е. Н. Ценностные доминанты финно-угорской и русской лингвокультур на материале паремий // Рябининские чтения – 2019: Материалы VIII конференции по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2019. С. 562–565.
- Грачева Ф. Т. Горномарийские пословицы, поговорки, загадки, приметы. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2001. 236 с.
- Забоев А. С. Древний «денежный» счет коми // Советская этнография. 1978. № 1. С. 103–109.
- Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропонимический код культуры. М.: ЛЕНАНД, 2019. 400 с.
- Кульганек И. В. Монгольские пословицы и поговорки. Исследование, перевод, комментарий. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017. 184 с.
- Ломакина О. В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль: Монография / Под ред. В. М. Мокиенко. М.: РУДН, 2018. 344 с.
- Мухамадиев А. Г. Древние монеты Поволжья. Казань: Татарское кн. изд-во, 1990. 192 с.
- Паремиология без границ / Ред. М. А. Бредис, О. В. Ломакина. М.: Изд-во РУДН, 2020. 244 с.
- Паремиология на перекрестках языков и культур / Ред. Е. Е. Иванов, О. В. Ломакина. М.: Изд-во РУДН, 2021. 246 с.
- Сагдеева Ф. К., Гайнанова Д. Р. Татарский концепт как объект лингвокультурологического анализа. Казань: ИЯЛИ, 2017. 248 с.
- Селиверстова Е. И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость / Науч. ред. В. М. Мокиенко. 2-е изд., испр. и доп. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 296 с.

Original article

Mikhail A. Bredis, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor,
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice
Lumumba (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-4885-952X; briedis@yandex.ru

IDEAS OF THRIFT IN FINNO-UGRIC PROVERBS AGAINST THE PAREMIOLOGICAL BACKGROUND OF SOME STRUCTURALLY DIFFERENT LANGUAGES

Abstract. The article examines proverbs as part of the paremiological picture of the world and a source of cumulative information. Ethnically marked proverbs determine the cultural memory and the unique proverbial world picture of a particular people. Metaphors behind proverbs are specific, while proverbial ideas are universal. The article is aimed at presenting the results of a comparative analysis of proverbs of the Finno-Ugric peoples about thrift against the background of paremias of structurally different languages. A total of 72 proverbs of the Karelian, Veps, Komi, Mari, Mordvin, and Udmurt languages were examined against the background of more than 400 proverbs of 11 structurally different languages using the method of comparative linguocultural analysis based on the theory of semantic models in paremiology. Several common proverbial models were identified based on semantics. Common and ethnoculturally marked proverbial metaphors were identified and accompanied with relevant linguocultural comments. Common features shared by Finno-Ugric proverbs about thrift and paremias from structurally different languages are connected with the attitude towards thrift as a value, while their specificity is determined by ethnical metaphors.

Keywords: paremiology, proverb, values, thrift, Finno-Ugric languages, ethnolinguistic markers, linguocultural analysis

For citation: Bredis, M. A. Ideas of thrift in Finno-Ugric proverbs against the paremiological background of some structurally different languages. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(5):111–115. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1207

REFERENCES

1. Bredis, M. A. Somatic images and ethno-linguistic markers in proverbs of Finno-Ugric peoples of Russia about misers (in comparison with typologically different languages). *Finno-Ugric Studies*. 2024;4(68):7–21. DOI: 10.51254/2312-0312-2024-4-68-7-21 (In Russ.)
2. Bredis, M. A., Dimoglo, M. S., Lomakina, O. V. Paremias in modern linguistics: approaches to study, text-forming and linguocultural potential. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2020;11(2):265–284. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284 (In Russ.)
3. Bredis, M. A., Ivanov, E. E. Typology of proverbs of the Baltic-Finnish peoples of Russia about wealth and poverty (on the European paremiological material). *Bulletin of Ugric Studies*. 2021;11(4):607–615. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284 (In Russ.)
4. Glukhova, N. N., Glukhov, V. A. Value systems of the Finno-Ugric superethnos. Yoshkar-Ola, 2009. 276 p. (In Russ.)
5. Glukhova, N. N., Isanbaev, N. I. Value systems of Mari and Komi by material of paremias: general and special. *Historical, philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2014;2(40):47–50. (In Russ.)
6. Glukhova, N. N., Lomshina, E. N. Value dominants of Finno-Ugric and Russian linguistic cultures based on a study of paremias. *Ryabinin Readings – 2019*. Petrozavodsk, 2019. P. 562–565. (In Russ.)
7. Gracheva, F. T. Hill Mari proverbs, sayings, riddles, and superstitions. Yoshkar-Ola, 2001. 236 p. (In Russ.)
8. Zabojev, A. S. Ancient Komi money counting. *Soviet Ethnography*. 1978;1:103–109. (In Russ.)
9. Kovshova, M. L. Linguocultural analysis of idioms, riddles, proverbs, and sayings: Anthroponymic code of culture. Moscow, 2019. 400 p. (In Russ.)
10. Kul'ganek, I. V. Mongolian proverbs and sayings. Research, translation, commentary. St. Petersburg, 2017. 184 p. (In Russ.)
11. Lomakina, O. V. Phraseology in texts: functioning and idiostyle: Monograph. (V. M. Mokienco, Ed.). Moscow, 2018. 344 p. (In Russ.)
12. Mukhamadiev, A. G. Ancient coins of the Volga region. Kazan, 1990. 192 p. (In Russ.)
13. Paremiology without borders. (M. A. Bredis, O. V. Lomakina, Eds.). Moscow, 2020. 244 p. (In Russ.)
14. Paremiology at the crossroads of languages and cultures. (E. E. Ivanov, O. V. Lomakina, Eds.). Moscow, 2021. 246 p. (In Russ.)
15. Sagdeeva, F. K., Gaynanova, D. R. The Tatar concept as an object of linguocultural analysis. Kazan, 2017. 248 p. (In Russ.)
16. Seliverstova, E. I. The space of Russian proverb: constancy and variability. (V. M. Mokienco, Ed.). Moscow, 2017. 296 p. (In Russ.)

Received: 24 February 2025; accepted: 23 May 2025

НАТАЛИЯ ЮРЬЕВНА НЕЛЮБОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
(Москва, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-6538-8267; nat.nelubova@mail.ru

ТИПЫ ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИХ МАРКЕРОВ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ ФОНДЕ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

А н н о т а ц и я . Предложена авторская типология лингвоаксиологических маркеров, выявленных в материале паремий французского, русского и тувинского языков. Актуальность заявленной проблематики обусловлена важностью определения особенностей языковой репрезентации аксиологической маркированности в паремиологических фондах разноструктурных языков представителей различных типов культур и учета полученных данных в переводческой деятельности и коммуникации, а также необходимостью уточнения терминологического аппарата аксиопаремиологии. Цель статьи – представить типологию паремических лингвоаксиологических маркеров и выявить универсальные и специфические компоненты в их функционировании в разноструктурных языках. Материалом послужила собранная автором картотека французских, русских и тувинских паремий, полученная путем выборки из аутентичных паремиографических источников. В ходе анализа применены описательно-аналитический и сравнительно-сопоставительный методы, методы компонентного, семного и контекстуального анализа, количественный метод обработки материала. Совокупность лингвоаксиологических маркеров включает единицы разных языковых уровней и имеет ядерно-периферийную структуру. Степень концентрации и разнообразие сочетаемости разных видов маркеров в паремиях является индикатором важности ценностей в языковом сознании различных этносов. Авторская методика, апробированная на материале выбранных трех языков представителей различных типов культур, может быть применима и на другом материале в процессе выявления ценностных доминант и средств их языковой репрезентации.

К л ю ч е в ы е с л о в а : лингвоаксиология, паремиология, лингвоаксиологический маркер, разноструктурные языки, французские паремии, русские паремии, тувинские паремии

Д л я ц и т и р о в а н и я : Нелюбова Н. Ю. Типы лингвоаксиологических маркеров и их отражение в паремиологическом фонде разноструктурных языков // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 5. С. 116–123. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1208

ВВЕДЕНИЕ

Лингвоаксиологический потенциал паремий является одним из признаков этих языковых единиц в силу их назидательности, способности передавать из поколения в поколение человеческий опыт в непосредственной связи с системой ценностей. Проблематика семантического анализа аксиологического потенциала паремий связана с выявлением языковых способов выражения аксиологического смысла, которые проявляются на различных уровнях языка: все семантические исследования на уровне изучения лексики, предложения, текста и дискурса являются релевантными в процессе изучения семантики паремий [15: 75], что соотносится также с моделью «Смысл – Текст»,

предложенной И. А. Мельчуком и состоящей из шести модулей. Эти модули,

«если оставить в стороне подразделение на глубинные и поверхностные подуровни, соответствуют четырем главным разделам лингвистики – это семантика, синтаксис, морфология и фонология. Каждый модуль получает имя по тому представлению, которое является для него входным при синтезе, т. е. по более глубинному представлению» [9: 34].

Специфика данного исследования заключается в рассмотрении паремий как текстов (вслед за А. А. Потебней), наделенных аксиологическим смыслом. Языковые репрезентанты паремического аксиологического смысла на разных языковых уровнях объединены нами в группы в соответствии с пониманием термина *пареми-*

ческие лингвоаксиологические маркеры, определяемого нами как совокупность разноуровневых лингвистических средств выражения оценки применительно к исследованию отражения ценностей в языке. Наиболее актуальным аспектом указанной проблемы нам представляется выявление особенностей языковых средств выражения аксиологической маркированности и их сочетаемости в паремиологическом фонде разноструктурных языков с целью их учета в коммуникации и переводческой деятельности. Выбор языков обусловлен принадлежностью их носителей к разному типу культур, отражающих западную (французскую) и восточную (тувинскую) традиции, а также евразийскую (русскую), соединяющую ценностные ориентации Азии и Европы. Актуальность выбранного направления обусловлена также необходимостью уточнения терминологического аппарата лингвоаксиологии, в том числе в рамках аксиопаремиологии (термин О. В. Ломакиной).

Цель данной статьи – представить типологию паремических лингвоаксиологических маркеров и выявить универсальный и специфический компоненты в их функционировании в разноструктурных языках. Материалом послужила авторская картотека паремий французского (2007 единиц), русского (10407 единиц) и тувинского (327 единиц) языков, полученная путем выборки из аутентичных словарей французских¹, русских² и тувинских³ пословиц и поговорок. Количественная разница состава картотеки в трех языках объясняется различной степенью изученности, фиксации и лексикографической обработки паремиологического материала и существенно не влияет на полученные результаты в связи с поставленной целью. В современных лингвистических исследованиях паремий реализуются различные подходы, которые сформулированы и успешно апробированы современными учеными [2: 268–270], [4: 234]. В данной работе в качестве методологической базы нами использован лингвокультурологический подход, основанный на изучении взаимодействия языка и культуры и позволяющий представить значение паремии с опорой на имеющуюся культурную информацию, в отдельных случаях – историко-этимологический подход, предусматривающий поиск универсального и национально-специфического в структуре паремий и их содержании. В процессе исследования применены описательно-аналитический и сравнительно-сопоставительный методы, методы компонентного, семантического и контекстуального анализа. В процессе изучения практического материала в ряде слу-

чаев мы обращались к количественному методу обработки материала.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ОБСУЖДЕНИЕ

Анализ паремиологического материала разноструктурных французского, русского и тувинского языков показал, что паремические лингвоаксиологические маркеры образуют систему, входящую в состав аксиологического паремиопространства и имеющую ядерно-периферийную структуру, соотносящуюся с основными выявленными типами.

Лингвоаксиологические маркеры лексического уровня

В первую очередь к лингвоаксиологическим маркерам относятся лексические единицы, семантически связанные с определенными ценностями, которые, как правило, являются ключевыми компонентами паремий. Нами было выделено четыре типа единиц.

К **первым** отнесем лексемы (в том числе однокоренные), эксплицитно представляющие ценности, антиценности или понятия, связанные с ними. Например, на соотношение с ценностью семьи указывают ключевые компоненты-номинации родственных связей, что является универсальной особенностью материала трех языков. Однако этноспецифический элемент, обусловленный типом культур, а именно антропоцентричностью французской культуры и социоцентричностью русской и тувинской, ориентированных в большей степени на традиционный уклад и коллективные семейные ценности, наблюдается в выборе номинаций. Так, во французских паремиях упоминаются в основном ближайшие родственники: *mère, maman* ‘мать, мама’; *enfant(s)* ‘ребенок, дети’; *fille* ‘девочка, дочь’; *fil(s)* ‘сын’; *frère* ‘брат’; *gendre* ‘зять’; *oncle* ‘дядя’. В русских отмечается многообразие терминов родства: *родня; родители; дети; муж; мать; сын; отец; бабушка; дочь; брат; сестра; дед; внук(и); зять; свекровь; теща; сноха, невестка; невеста; золовка, золовушка; сват, сватья* и др., связанное с традицией большой семьи, что раскрывается также в тувинском материале: *төрөл* ‘родня’; *ие, ава* ‘мать’; *ада* ‘отец’; *ада-ие* ‘родители’; *оол* ‘сын’; *кыс* ‘дочь’; *төл, чап, уруг* ‘дитя, ребенок’; *кадай* ‘жена’; *дуңма* ‘младший брат’; *угба* ‘старшая сестра’; *күдээ* ‘зять’; *чеңге* ‘невестка’; *даай* ‘дядя (брат матери)’; *чээн* ‘племянник, племянница’, где присутствует еще большая детализация в обозначении родственных связей.

Вторую группу составляют лексемы (в том числе однокоренные), имплицитно представляющие ценности, антиценности или понятия,

связанные с ними, посредством метафорических образов, отражающих ценности / антиценности. К данной разновидности можно отнести разные типы метафор, с помощью которых выражается отношение к ценностям. В проverbsиальной метафоре важен не фактор сходства, а способность убеждать, аргументировать. При сравнении прямого и метафорического смысла пословицы важно, что она содержит общепризнанную истину. Следовательно, необходимо, чтобы метафорическое изречение так или иначе соответствовало этой истине. Интерпретация метафоры в пословице является процессом не столько семантическим, сколько прагматическим, в результате чего ее итоговая интерпретация становится конвенциональной, коллективной [14: 67–68].

Различные виды метафор и символов обладают существенным паремииобразующим потенциалом и могут быть как универсальными, так и этноспецифичными в различных языках. Часто встречается в паремиях разных культур зоометафора. Например, образ осла, который ассоциируется с упрямым невежеством и всегда оценивается отрицательно, выявляет через антиценность ценность ума и знаний; образ лошади связан с тем, кто выполняет тяжелую работу, а также встречается в контексте семейных отношений. Аксиологическим потенциалом обладают и образы насекомых. Например, образ пчелы может вызывать ассоциации с трудом и медом, имеющим не только пищевую ценность, но и в некоторых контекстах символизирующим мягкость характера человека [11].

Антропоморфная метафора актуализируется через наименования частей тела человека и его состояний (например, полный живот ассоциируется с сытостью и ценностью пищи; голова – с умом и его ценностью; руки – с трудом и пищей, так как иногда руками едят); гастрономическая метафора и символика – посредством соответствующих наименований (стол связан с ценностью пищи, символизирует гостеприимство и мирное разрешение конфликтов; хлеб символизирует богатство и достаток, помимо основной и самой важной пищи) и т. д. Важную аксиологическую информацию может нести символика чисел, которая обладает ярко выраженной национально-культурной спецификой. Например, числительное *два* может служить для усиления положительной и отрицательной оценки.

К **третьей группе** лингвоаксиологических маркеров лексического уровня относятся национальные лингвомаркеры, или этнолингвомаркеры (термин О. В. Ломакиной) – компоненты паремий,

«которые запечатлевают национальное своеобразие, “культурную память” и могут не иметь прямых аналогов в другом языке, благодаря чему раскрывается этноспецифичность языкового знака» [7: 7].

Примерами маркеров данного типа во французском материале являются *vigne* ‘виноградник’ и *vin* ‘вино’, поскольку вино во французской лингвокультуре

«представляет одновременно и ценность, и концепт <...>. В пословицах и поговорках, номинирующих лингвокультурный концепт “вино” во французском языке, находят отражение такие вечные ценности, как добро, милосердие, любовь и забота о ближнем» [6: 43],

а в данном случае виноградник, который выращивается с большим трудом, представляет ценность, а его молодые побеги символизируют крепкие семейные узы.

В русских паремиях это этноспецифические элементы-обозначения русских блюд и напитков, а также предметов, относящихся к русскому быту: *каша; щи; блины; оладьи; брага; квас; печь; изба*. С помощью данных наименований выражается ценность пищи и семьи, что наблюдается и в тувинском материале, где упоминаются различные части и внутренности животных, употребляемые в пищу: *кудурук* ‘курдюк’; *өкпе* ‘легкие’; *бүүрек* ‘почка’, поскольку основной пищей тувинского кочевого народа традиционно является мясная продукция, которая «остается “сердцем” тувинской кухни, как и во многих других азиатских культурах» [8: 4]. Кроме того, отметим компоненты *өг* ‘юрта’ [12]; *аал* ‘аал’ (традиционное тувинское поселение, состоящее из группы юрт и объединяющее несколько семей) и *аьт* ‘лошадь, конь’ (конь для тувинцев всегда был и «остается одной из важных жизненных ценностей» [13: 170]).

К **четвертой группе** мы относим все лексемы общеоценочной семантики, которые эксплицитно выражают положительную / отрицательную оценку независимо от контекста или меняют ее в определенных контекстах. Во французском языке это, например, лексемы внеконтекстуальной оценочной семантики *bon* ‘хороший’, в том числе в превосходной степени (*le meilleur* ‘лучше(ий)’; *mauvais* ‘плохой’; *méchant* ‘злой’; *un festin* ‘праздник’, *le miel* ‘мед’ (подразумевающий сладость), *le fiel* ‘горечь’, *le besoin* ‘нужда’; *nuire* ‘вредить’. Контекстуальная оценочность выявлена, например, у прилагательного *rond* ‘круглый’ (о столе как символе мирного решения вопросов): *A ronde table n’y a débat pour être près du meilleur plat* ‘За круглым столом нет споров о том, чтобы быть ближе к лучшему блюду’. В русском языке это компоненты *добро, добрый, умный,*

сильный, злой, дурной, глупый, горе, беда и мн. др. Также многочисленны случаи употребления прилагательных и наречий в сравнительной и превосходной степени: *дороже, лучше, хуже, меньше, шире*. Отрицательная коннотация компонента *больше* выявлена в паремии *Нелюбимое дитя больше ест*. В тувинском материале представлены элементы *хоралыг* 'вредный, опасный'; *балалыг* 'причиняющий вред'; *бак, багай* 'плохой'; *чараш* 'красивый, красиво'; *ажыг* 'горький'; *анчыг* 'надоедливый, неприятный'; *урээр* 'портить'; *мактаар* 'хвалить'; *хунду* 'почет, уважение'; *кочу* 'насмешка, презрение'. У элемента *чымчак* 'мягкий' отрицательная коннотация может проявляться в контексте – по отношению к войлоку, кошме.

Единицы первых трех групп мы можем рассматривать как *ядерные элементы системы аксиологических маркеров*, поскольку они непосредственно несут смысловую аксиологическую нагрузку, будучи семантически связанными с определенными ценностями, а четвертый тип включает *периферийные элементы*, выражающие положительную / отрицательную или нейтральную оценку аксиологических денотатов ключевых компонентов, обеспечивая тем самым связь между центральными, ядерными элементами системы. Отметим, что одни и те же маркеры могут относиться одновременно к нескольким типам из указанных четырех: содержать эксплицитное указание ценности, выступать как метафорический образ и одновременно быть этнолингвомаркером и содержать оценочную семантику. Лингвоаксиологические маркеры лексического уровня используются в паремиях в сочетании с грамматическими маркерами, специфика которых часто обусловлена типологическими особенностями языков.

Лингвоаксиологические маркеры грамматического уровня и роль фонетических средств в создании экспрессивности паремий

На грамматическом уровне в трех языках важная роль принадлежит использованию прилагательных и наречий в сравнительной степени, о которой мы упоминали выше. Кроме того, выделяются различные синтаксические структуры, способные передавать важность следования принятым в обществе моделям поведения, обусловленным ценностными установками. Побуждение к совершению действия или, наоборот, призыв не совершать те или иные действия могут передаваться эксплицитно и имплицитно. К эксплицитным средствам во французских паремиях относится безличная конструкция *il (ne) faut*

(*pas*) / (не) нужно, выражающая долженствование. Данную функцию выполняет повелительное наклонение – самый распространенный способ выражения общепринятого сценария поведения посредством прямого выражения назидательности. В материале трех языков оно употребляется с разной частотностью.

Важность категории наклонения в выражении аксиологической семантики обусловлена тем, что она относится к категориям отношения,

«опирается на сугубо человеческие факторы и, в конечном счете, всегда антропоцентрична, поскольку устанавливает отношения такого рода: существует ли действие в реальности или оно имеет ирреальную природу, и как оно оценивается, квалифицируется говорящим» [5: 12].

С помощью соотношения частных значений форм повелительного и изъявительного наклонения выражают различные значения и разную степень выраженности воли: «мягкое побуждение (допущение, пожелание), умеренное побуждение (совет, рекомендация, уговор) или жесткое побуждение (приказ, запрет, отказ)» [5: 16].

К имплицитному выражению ценностных установок можем отнести преподнесение фактов как общеизвестных или общепринятых, что выражается во французских паремиях неопределенно-личным местоимением *on*, оборотом *ne... que* 'только'; конструкциями с прилагательными *tel* 'такой, таков', *tout* 'всякий', *chaque* 'каждый' (или неопределенным местоимением *chacun*) / каждый, *nul* 'никакой, ни один'; местоимением *celui qui* 'тот, кто'; условными предложениями с союзом *si* 'если', которые показывают последствия определенных действий человека. Аналогичные конструкции встречаются и в русских паремиях.

С теми же целями в качестве подлежащего, то есть как субъект оценки, употребляются личные местоимения: 1-го лица *je* 'я', которое переносит ситуацию оценивания в плоскость «я-сферы» в функционально-семантическом поле оценки (см.: [10: 32]) и *nous* 'мы'. В подобных случаях анонимные авторы пословиц имплицитно призывают последовать их собственному примеру. Местоимения 2-го лица *tu* 'ты' и *vous* 'вы', обращаясь непосредственно к адресату, показывают результаты их возможных действий. В целом важно отметить, что «неопределенное лицо и безличность во французском языке выражаются местоимениями, в русском – только лицом глагола» [3: 169].

Данные, приведенные Л. Б. Кацюбой, свидетельствуют о сведении к минимуму соотношений трех форм лица глагола внутри одного предложения в русских паремиях сложных кон-

струкций, что объясняется тенденцией пословичных текстов к сокращенности, сжатости, лаконичности формы. Минимальное количество паремий с соотношением форм 1-го и 2-го лица обусловлено стремлением пословицы к анонимности, обобщенности смысла, высокой концентрации информации [5: 14]. Самыми продуктивными являются формы с соотношением 3-го и 2-го (2-го и 3-го) лица.

«Паремии с соотношением форм 3 лица и форм 2 лица представляют собой органичный симбиоз опыта и философских сентенций и одновременной передачи этого опыта конкретному адресату, обращении к непосредственному слушателю в форме совета, рекомендации, пожелания, наказа и т. д.» [5: 12].

Информативным показателем аксиологической семантики паремий в трех языках является употребление глаголов в отрицательной форме, а также единиц, выражающих отрицание: например, французский предлог *sans* 'без', русский предлог *без*, тувинское выражение отрицания *чок* 'нет'. Наличие любого вида отрицания позволяет выразить желаемые с точки зрения ценностных установок действия через антисценарии, показывающие последствия нежелательных действий, усиливая тем самым назидательную составляющую паремий. В тувинских паремиях многочисленны примеры синтаксического параллелизма, при котором в одной части паремии содержится эксплицитная номинация ценности и ее оценка, а в другой – присутствует параллельный, усиливающий аксиологическую семантику анималистический, природный или любой другой важный для этноса образ или символ и его оценка. Таким образом,

«в фольклорных параллелизмах реалии природной среды, народного быта и традиционной деятельности транслируют стереотипы, ценности и миропонимание народа» [1: 40].

Наряду с указанными выше типами лингвоаксиологических маркеров, имеющих семантическую связь с ценностями и оценкой, важная роль принадлежит также *фонетическим* средствам. К ним относится определенная просодическая структура паремий, их ритмическая организация, в которой наблюдаются разные виды повторов (ассонанс, аллитерации). Окончательную форму паремиям придает рифма, с помощью которой внимание акцентируется в том числе на дидактическом аспекте паремий, а именно на передаче в них ценностных ориентаций: подобные языковые средства способствуют запоминанию необходимых ценностно обоснованных сценариев поведения в различных жизненных ситуациях.

Например, во французских паремиях о труде зафиксированы следующие примеры рифмы:

fermier – fumier 'фермер – навоз'; *laboureur – le meilleur* 'пахарь – лучшее'; *soin – rien* 'забота – ничто'; *pleurs – bonheur* 'плач – счастье'; *paresse – richesse* 'лень – богатство'; *ouvrier – payé* 'работник – оплачиваемый'; *vin – médecin* 'вино – врач'; *raisins – médecin* 'виноград – врач',

а также повтора ключевых лексем со значением 'труд, работа, дело' (*ouvrage ... ouvrage; labeur ... labeur*).

В русских паремиях были выявлены следующие примеры рифмопар:

труда – пруда; труда – лебеда; сошка – крошка; труды – плоды; молотом – голодом; поварне – овчарне; плужком – пирожком; (на) печи – помолчи; поспела – дело; потрудиться – уродиться; лежать – не достать; не станешь – протянешь; ретив – ленив.

В тувинском материале аналогичной тематики многочисленны случаи рифмы:

кырызын – кижиниң 'локтевой кости – человека'; *кылыр – чиир* 'делать – есть'; *довурактан – малгаштан – чуртталгаң* 'из земли (грязи) – из жидкой грязи – твоя жизнь'; *өөнге – өөрүнге* 'в юрте – у друзей'; *какпас – ораашпас* 'не ударит – не запутает'; *кадарчыга – хаалгага* 'пастуху – двери'; *эътке – ишке* 'мясо – работу'; *кежээниң – чалгааның* 'трудолюбивому – ленивому'; *бажым – суксадым* 'моя голова – пить хочу'; *шалыпчыда – чалгаапайда* 'у ударника – у лентяя'

и повторов:

ажыдар ... ажыдар 'раскрывает ... раскрывает'; *шевери ... шевери* 'мастерство ... мастерство'; *херек ... херек* 'надо ... надо'; *чуртталгаң ... чуртталгаң* 'твоя жизнь ... твоя жизнь'; *дескен ... дескен* 'убежавший ... убежавший'; *дүжер ... дүжер* 'упадешь ... упадешь'; *болбас ... болбас* 'нельзя ... нельзя'; *дыынмас ... дыынмас* 'не режет ... не одолеет'; *мурнунда ... мурнунда* 'перед ... перед'; *кижиниң ... кижиниң* 'человека ... человека'; *кижи ... кижичи* 'человек ... человек'; *дээр ... дээр* 'говорит ... говорит'; *хуваарга ... хуваарга* 'распределяют ... распределяют'; *өөнде ... өөнде* 'в юрте ... в юрте'; *чок ... чок* 'нет ... нет'.

Сочетаемость разных типов лингвоаксиологических маркеров во французских, русских и тувинских паремиях

Важно подчеркнуть, что выявленные нами типы лингвоаксиологических маркеров выступают в паремиях в разной сочетаемости, проявляя различную степень концентрации. Максимальная степень концентрации маркеров усиливает степень выраженности в них аксиологической семантики и экспрессивности.

В материале нашей картотеки был выявлен ряд примеров, в которых каждый элемент представляет собой тот или иной лингвоаксиоло-

гический маркер, что наблюдается, в частности, во французской паремии *Qui est loin de son écuelle est près de son dommage* 'Кто находится далеко от своей миски, близок к разорению' о важности хозяйского присмотра за своим имуществом, позволяющего сохранить его. Компонент *écuelle* 'миска' – маркер первого типа, так как представляет собой наименование посуды и имеет непосредственное отношение к ценности еды; если рассматривать ее как метафорическое обозначение еды, то можно отнести данный маркер ко второму типу. Компонент *dommage* 'разорение' может быть рассмотрен как маркер первого типа, эксплицитно обозначающий понятие, связанное с бедностью как антиценностью, и четвертого типа, так как характеризуется оценочной семантикой. Наконец, специфику аксиологической семантики создает контекстуальная оценочность маркеров четвертого типа *loin de – près de* 'далеко – близко', находящихся в отношении контраста, усиливающего экспрессивную составляющую паремии. В результате с помощью такого сочетания передается призыв находиться поближе к еде (чтобы никто ее не присвоил), что позволит не разориться. К грамматическим маркерам в данном примере относится синтаксическая конструкция, начинающаяся на *qui* '(тот), кто', с помощью которой передается общепринятая оценка: всякий, кто что-то совершает, получает определенный результат. Данные паремии имплицитно назидательны и предупреждают о последствиях тех или иных поступков или ситуаций.

В качестве примера из картотеки русских паремий приведем единицу *Счастлив тот, кто вина не пьет*, в которой маркерами первого типа являются компоненты *счастлив* (эксплицитно обозначает ценность счастья); *вино* и *пьет* (в данном случае наименование напитка и форма глагола *пить* передают не только связь с ценностью пищи в широком смысле, но и связаны с пьянством как антиценностью). Компонент *вино* можно отнести и ко второму типу, если рассматривать его как символ злоупотребления спиртными напитками. К грамматическим маркерам относится обобщающая конструкция *тот, кто* и отрицательная форма глагола, выражающая ценность счастья через антисценарий: рекомендацию не пить вина. Экспрессивность повышается за счет фонетического средства – рифмы *тот – не пьет*.

Максимальная концентрация лингвоаксиологических маркеров выявлена также в тувинской паремии *Төрөл багы – аал чуду, төл багы – өг чуду* 'С плохой родней – аалу позор, с плохим дитем – юрте позор', где три компонента: *төрөл* 'родня', *төл* 'дитя', *өг* 'юрта' и *аал* 'аал – стойбище (3–4 юрты)', являются маркерами первого типа,

эксплицитно номинируя понятия, связанные с ценностью семьи и обширных родственных связей. Компоненты *багы* 'плохой' и *чуду* 'позорит' представляют собой внеконтекстуальные маркеры четвертого типа, экспрессивность данной паремии повышается за счет повтора данных двух единиц в пределах параллельной синтаксической конструкции (грамматический маркер). Высокая плотность маркеров свидетельствует о высокой степени значимости семьи как ценности в сознании тувинцев.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предложенная нами типология паремических лингвоаксиологических маркеров и примеров их представления в материале разноструктурных языков (французском, русском и тувинском) позволяет заключить, что в контексте изучения языкового выражения ценностного аспекта семантики паремий в рамках аксиологической паремиосистемы функционирует включающая ядро и периферию совокупность лингвоаксиологических маркеров, проявляющихся на разных языковых уровнях. К ядру относятся ее значимые лексические элементы, имеющие непосредственную семантическую связь с отдельными аксиологическими доминантами, или концептосферами, номинирующими ценности, антиценности или понятия, связанные с ними напрямую или посредством метафорических образов или символов, а также этнолингвомаркеры. К периферии относятся элементы грамматического и фонетического уровней, обеспечивающие семантические аксиологические связи между ядерными звеньями системы, дополняющие и в конечном счете выстраивающие в своей совокупности аксиологическую семантику паремий.

Высокая концентрация и разнообразная сочетаемость разных видов маркеров в пределах конкретных паремий свидетельствует о высокой степени значимости определенных ценностей в языковом сознании этносов, представляющих различные типы культур, что является проявлением универсальных тенденций, которые выражаются преимущественно с помощью маркеров первого типа и некоторых маркеров второго и четвертого типов. Этноспецифическая составляющая находит отражение в основном в этнолингвомаркерах, а также в специфике метафорических образов (маркеры второго типа) и контекстуальных реализациях некоторых маркеров четвертого типа. Специфика грамматических маркеров связана со структурными особенностями языков. В качестве универсального средства создания специфической ритмической организации в трех языках выступает рифма.

Проведенное исследование можно рассматривать как перспективное в применении представленной авторской классификации и методики анализа, апробированной на материале трех язы-

ков представителей различных типов культур, на ином материале других языков в процессе выявления ценностных доминант и средств их языковой репрезентации.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Montreynaud F., Pierron A., Suzzoni F. Dictionnaire de proverbes et dictons. P.: Le Robert, 2006. 759 p.
² Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Народная мудрость. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2011. 416 с.
³ Пословицы и поговорки тувинского народа / Авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское кн. изд-во: Радуга Тувы, 2020. 112 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бочина Т. Г. Контраст в тувинских пословицах // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 37–46. DOI: 10.25178/nit.2022.1.3
2. Бредис М. А., Димогло М. С., Ломакина О. В. Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11, № 2. С. 265–284. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284
3. Гак В. Г. Сравнительная типология русского и французского языков. М.: Просвещение, 1989. 288 с.
4. Иванов Е. Е., Ломакина О. В., Нелюбова Н. Ю. Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. 2021. № 3. С. 232–248. DOI: 10.25178/nit.2021.3.17
5. Кацюба Л. Б. Своеобразие национально-культурных моделей строения паремиологического текста // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2009. № 25 (158). С. 11–17.
6. Логинова П. Г. Лингвокультурный концепт «вино» в языковом сознании французов // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20, № 2. С. 31–45.
7. Ломакина О. В., Мокиенко В. М. Очерки русинской фразеологии: Монография. М.: РУДН, 2021. 97 с.
8. Мал-маган. Тувинцы – скот – мясо: Монография / Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии, Ч. Х. Санчай и др.; Под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл, 2023. 152 с.
9. Мельчук И. А. Язык: от смысла к тексту. М.: Языки славянской культуры, 2012. 76 с.
10. Маркелова Т. В., Петрушина М. В. Оценочные высказывания в коммуникативном пространстве русского языка. М.: Ин-т современного искусства, 2019. 232 с.
11. Нелюбова Н. Ю. Аксиологическая функция анималистических образов во французских и тувинских пословицах // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9 (467). С. 169–177. DOI: 10.47475/1994-2796-2022-10922
12. Соян А. М., Ломакина О. В. Образ юрты в тувинской паремиологии: когнитивный подход // Когнитивные исследования языка. 2024. № 1-2 (57). С. 103–107.
13. Сувандии Н. Д. Айт «лошадь» в пословицах и поговорках тувинцев // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: Материалы V Междунар. науч. конф., посвященной 160-летию со дня рождения выдающегося востоковеда, тюрколога Н. Ф. Катанова (Абакан, 19–20 мая 2022 г.) / Отв. ред.: Т. Г. Боргоякова, Н. С. Майнагашева. Абакан: Хакасское кн. изд-во имени В. М. Торосова, 2022. С. 169–170.
14. Sonnens M., Kleiber G. De la métaphore dans les proverbes // Langue française. 2002. № 134. Nouvelles approches de la métaphore. P. 58–77.
15. Grzybek P. Semiotic and semantic aspects of the proverb // Introduction to paremiology: a comprehensive guide to proverb studies. (H. Hrisztova-Gotthardt, M. A. Varga, Eds.). Warsaw: De Gruyter Open Poland, 2015. P. 68–111.

Поступила в редакцию 20.04.2025; принята к публикации 23.05.2025

Original article

Natalia Yu. Nelyubova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (Moscow, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-6538-8267; nat.nelubova@mail.ru

TYPES OF LINGUO-AXIOLOGICAL MARKERS AND THEIR REFLECTION IN THE PAREMIOLOGICAL FUNDS OF LANGUAGES WITH DIFFERENT STRUCTURES

Abstract. The article offers the author's typology of linguo-axiological markers identified in the collection of paremias of the French, Russian, and Tuvan languages. The importance of the studied issue is conditioned by the need to uncover the features of the linguistic representation of axiological marking in the paremiological funds of languages

with different structures reflecting different types of cultures. Understanding these features is essential for improving translation practices and intercultural communication, as well as clarifying the terminological apparatus of axioparemiology. The aim of the article is to present a typology of paremic linguo-axiological markers and to identify universal and specific components in their functioning in languages with different structures. The primary data consists of the card index of French, Russian, and Tuvan paremias, compiled by the author through sampling from authentic paremiographic sources. To analyze the data, the study employs descriptive-analytical and comparative-contrastive methods, along with component, semiotic, and contextual analyses, supplemented by quantitative processing techniques. The set of linguo-axiological markers encompasses units across different language levels, exhibiting a core-peripheral structure. The degree of concentration and diversity of compatibility of different types of markers in paremias is an indicator of the importance of values in the linguistic consciousness of different ethnic groups. The author's methodology, tested on materials from three selected languages representing different culture types, can be applied to other linguistic material in the process of identifying value dominants and means of their linguistic representation.

Key words: linguo-axiology, paremiology, linguo-axiological marker, languages with different structures, French paremias, Russian paremias, Tuvan paremias

For citation: Nelyubova, N. Yu. Types of linguo-axiological markers and their reflection in the paremiological funds of languages with different structures. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(5):116–123. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1208

REFERENCES

1. Bochina, T. G. Contrast in Tuvan proverbs. *The New Research of Tuva*. 2022;1:37–46. DOI: 10.25178/nit.2022.1.3 (In Russ.)
2. Bredis, M. A., Dimoglo, M. S., Lomakina, O. V. Paremias in modern linguistics: approaches to study, text-forming and linguocultural potential. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2020;11(2):265–284. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284 (In Russ.)
3. Gak, V. G. Comparative typology of French and Russian. Moscow, 1989. 288 p. (In Russ.)
4. Ivanov, E. E., Lomakina, O. V., Nelyubova, N. Yu. Semantic analysis of Tuvan proverbs: models, imagery, concepts (against the European paremiological background). *The New Research of Tuva*. 2021;3:232–248. DOI: 10.25178/nit.2021.3.17 (In Russ.)
5. Katsiuba, L. B. Specific national and cultural models of paremiological text structure. *Bulletin of South Ural State University. Series "Linguistics"*. 2009;25(158):11–17. (In Russ.)
6. Loginova, P. G. Perception of cultural concept "wine" in French evaluational world view. *Russian Journal of Linguistics*. 2016;20(2):31–45. (In Russ.)
7. Lomakina, O. V., Mokienko, V. M. Essays on Rusyn phraseology: Monograph. Moscow, 2021. 97 p. (In Russ.)
8. Mal-magan. The Tuvans – livestock – meat: Monograph. (Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii, Eds.). Kyzyl, 2023. 152 p. (In Russ.)
9. Melchuk, I. A. Language: from meaning to text. Moscow, 2012. 76 p. (In Russ.)
10. Markelova, T. V., Petrushina, M. V. Evaluative statements in the communicative space of the Russian language. Moscow, 2019. 232 p. (In Russ.)
11. Nelyubova, N. Yu. Axiological function of animalistic images in French and Tuvan proverbs. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(467):169–177. DOI: 10.47475/1994-2796-2022-10922 (In Russ.)
12. Soyana, A. M., Lomakina, O. V. The image of the yurta in Tuva paremiology: cognitive approach. *Cognitive Studies of Language*. 2024;1-2(57):103–107. (In Russ.)
13. Suvandii, N. D. "At" (horse) in proverbs and sayings of the Tuvans. *Preservation and development of languages and cultures of indigenous peoples of Siberia: Proceedings of the V International Research Conference Commemorating the 160th Anniversary of N. F. Katanov, an Outstanding Orientalist and Turkologist (Abakan, 19–20 May 2022)*. Abakan, 2022. P. 169–170. (In Russ.)
14. Conenna, M., Kleiber, G. De la métaphore dans les proverbes. *Langue française. Nouvelles approches de la métaphore*. 2002;134:58–77.
15. Grzybek, P. Semiotic and semantic aspects of the proverb. *Introduction to paremiology: a comprehensive guide to proverb studies*. (H. Hrisztova-Gotthardt, M. A. Varga, Eds.). Warsaw, 2015. P. 68–111.

Received: 20 April 2025; accepted: 23 May 2025

CONTENTS

<p>Editorial note 7</p> <p>RUSSIAN LANGUAGE. NATIONAL LANGUAGES OF RUSSIA</p> <p><i>Nikitin O. V.</i></p> <p>LINGUISTIC PERSONALITY OF ACADEMICIAN V. M. ALPATOV: CELEBRATING HIS 80TH ANNIVERSARY 8</p> <p><i>Priemysheva M. N., Ezerinya S. A.</i></p> <p>SHAKHMATOV'S LEGACY IN MODERN ACADEMIC LEXICOGRAPHY (THE DRAFT DICTIONARY OF NEW WORDS OF THE EARLY XX CENTURY) 15</p> <p><i>Kovalev A. E.</i></p> <p>KINSHIP SYSTEM VOCABULARY IN RUSSIAN FOLKLORE (A STUDY OF KURSK FOLK TALES) 21</p> <p><i>Reiner A. I.</i></p> <p>SYNTACTIC POLYFUNCTIONALITY OF STABLE PREPOSITIONAL COMBINATIONS IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE XVI–XVII CENTURIES 28</p> <p>THEORETICAL, APPLIED, AND CONTRASTIVE LINGUISTICS</p> <p><i>Safina L. M.</i></p> <p>TRANSLATING OBSCENE WORLDS IN NIKOLAY GOGOL'S SHORT NOVEL <i>TARAS BULBA</i> INTO ENGLISH AND FRENCH 36</p> <p>RUSSIAN LITERATURE AND NATIONAL LITERATURES OF THE RUSSIAN FEDERATION</p> <p><i>Loiter S. M.</i></p> <p>PERPETUAL RETURN TO SCHWAMBRANIA: CELEBRATING THE 120TH ANNIVERSARY OF LEV KASSIL 43</p> <p><i>Orlova D. S., Elepova M. Yu.</i></p> <p>FATHER FIGURE IN ALEXANDER CHUDAKOV'S NOVELISTIC IDYLL <i>A GLOOM DESCENDS UPON THE ANCIENT STEPS</i>: NARRATIVE STRATEGIES 55</p>	<p><i>Golovacheva E. A.</i></p> <p>THE CORE CONCEPTUAL FIELD TRANSFER IN THE GERMAN TRANSLATIONS OF FYODOR DOSTOEVSKY'S <i>CRIME AND PUNISHMENT</i> (THE LEVEL OF SPACE AND TIME) 61</p> <p>FOLKLORE STUDIES</p> <p><i>Kharkova S. Yu.</i></p> <p>CHRISTIAN CHRONONYMS IN HEROIC EPICS: VESPERS AND MATINS 70</p> <p>MULTI-ASPECT ANALYSIS OF PAREMIOLOGICAL UNITS IN THE NATIONAL LANGUAGES OF RUSSIA</p> <p><i>Bochina T. G.</i></p> <p>INTRASPECIFIC VALENCE OF EXISTENTIAL VALUES IN RUSSIAN PAREMICS 77</p> <p><i>Ivanishcheva O. N.</i></p> <p>PROVERBS OF THE KILDIN SAAMI LANGUAGE: REVISITING THE INTERPRETATION OF PAREMIAS' MEANINGS 82</p> <p><i>Ivanov E. E.</i></p> <p>PROVERBS WITH NOMOLOGICAL SEMANTICS IN THE KARELIAN LANGUAGE 89</p> <p><i>Korolkova A. V., Novikova T. S.</i></p> <p>SUBSTANDARD PAREMIOLOGY IN FICTION 98</p> <p><i>Seliverstova E. I., Zhao Yi</i></p> <p>PROVERBIAL REALIZATION OF NOTIONS OF TIME IN TERMS OF ADEQUACY AND INADEQUACY 104</p> <p><i>Bredis M. A.</i></p> <p>IDEAS OF THRIFT IN FINNO-UGRIC PROVERBS AGAINST THE PAREMIOLOGICAL BACKGROUND OF SOME STRUCTURALLY DIFFERENT LANGUAGES 111</p> <p><i>Nelyubova N. Yu.</i></p> <p>TYPES OF LINGUO-AXIOLOGICAL MARKERS AND THEIR REFLECTION IN THE PAREMIOLOGICAL FUNDS OF LANGUAGES WITH DIFFERENT STRUCTURES 116</p>
--	---

ПАРЕМИОЛОГИЯ НА ПЕРЕКРЁСТКАХ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

В монографии предлагается решение проблемы разграничения специфического (национального) и общего с другими языками и культурами (универсального и интернационального) в пословичном фонде языка. Верификация теоретических положений и апробация методик осуществляется на материале пословиц языков различных языковых семей – индоевропейской, финно-угорской, тюркской.

Издание предназначено для специалистов-филологов, аспирантов, магистрантов, а также всех, кто интересуется проблемами современной паремииологии.

Паремииология на перекрестках языков и культур : монография / М. А. Бредис, Е. Е. Иванов, О. В. Ломакина, Н. Ю. Нелюбова, Ю. А. Петрушевская ; под ред. Е. Е. Иванова, О. В. Ломакиной. – Москва : РУДН, 2021. – 246 с.

Е. В. Генералова, Е. И. Зиновьева

ИСТОКИ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ: устойчивые сочетания языка делового и повседневного общения Московской Руси XVI–XVII вв.

В монографии рассматривается фразеологический фонд начального периода формирования национального русского языка и разрабатываются принципы лексикографического описания этого материала. Устойчивые словесные комплексы русского языка XVI–XVII вв., зафиксированные в памятниках делового и повседневного общения, исследуются с точки зрения семантики, структуры, особенностей употребления и т. п.

На основе анализа фразеологического наследия решаются как теоретические, так и прикладные задачи; выработывается концепция словаря нового типа – дифференцированного исторического словаря старорусского языка, демонстрирующего специфику фразеологического фонда и общественного сознания эпохи позднего русского средневековья. Приводятся пробные словарные статьи для описания разных разрядов фразеологизмов.

Книга адресована специалистам-филологам, историкам, а также всем интересующимся историей русского языка и культуры.

Генералова Е. В., Зиновьева Е. И. Истоки русской фразеологии: устойчивые сочетания языка делового и повседневного общения Московской Руси XVI–XVII вв.: Монография. – СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2024. – 462 с.

Т. Г. Бочина

ПОСЛОВИЦА НА ВЕКА МОЛВИТСЯ: избранные труды по русской паремииологии

Издание представляет собой сборник избранных статей профессора Татьяны Геннадьевны Бочиной, посвященных вопросам семантики и поэтики русских пословиц, различным воплощениям лингвокогнитивного принципа контраста в народных изречениях, а также реконструкции фрагментов языковой картины мира, отраженных в русских паремиях. В заключительном разделе рассматриваются семантические, функциональные и лингвокультурные особенности современных трансформов прецедентных единиц.

Книга адресована ученым-языковедам, аспирантам и студентам филологических специальностей, всем тем, кто интересуется русской лингвокультурой.

Бочина Т. Г. Пословица на века молвится: избранные труды по русской паремииологии / Т. Г. Бочина. – Казань: Издательство Казанского университета, 2023. – 286 с.

Я. Я. Иваноў

АФАРЫЗМЫ Ё МОВЕ І МОВА АФАРЫЗМАЎ (аспекты тэорыі афарыстыкі)

У манаграфіі акрэслены актуальныя праблемы і задачы пабудовы лінгвістычнай тэорыі афарызма, вызначаны асноўныя напрамкі і супярэчнасці яго лінгвістычнага вывучэння, прапанавана канцэпцыя апісання афарызма як тыпу фразавых адзінак. На матэрыяле беларускай, рускай, польскай і англійскай моў вызначаны моўныя прыметы афарыстычных адзінак, агульнасць і адрозненні фальклорных і літаратурных афарызмаў, суадносіны афарыстычных малых тэкставых форм і фразеалагічных адзінак, асноўныя класы і тыпы афарызмаў, прыметы маўленчых і моўных афарыстычных адзінак, уласцівасці і разнавіднасці моўных афарызмаў, склад і структура афарыстычнага фонду мовы; устаноўлены і апісаны семантыка афарыстычных адзінак, іх граматычная форма і спалучальнасць, структура ў маўленні, спосабы ўтварэння, асноўныя моўныя функцыі.

Для спецыялістаў-мовазнаўцаў, аспірантаў і студэнтаў лінгвістычных спецыяльнасцей, а таксама шырокага кола філолагаў, якіх цікавяць праблемы лінгвістычнага вывучэння афарызма.

Іваноў Я. Я. Афарызмы ў мове і мова афарызмаў (аспекты тэорыі афарыстыкі) : манаграфія / Я. Я. Іваноў. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2024. – 296 с.

ISSN 2542-1077

9 772542 107004